This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

Сербскій народный эпосъ

СЕРБСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПЕРЕВОДЪ

Н. Гальковскаго.

СОДЕРЖАНІЕ:

Предисловіе; статья—Историческія основы сербскаго эпоса: пѣсни: миѳическія, косовскія, о Маркѣ Кралевичѣ и пѣсни позднѣйшія.

СУМЫ.
Типо-литографія Ю. М. Пашкева.
1897.

GRAD / Bulz
PG
1466
.R9
S52
1897

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 25 августа 1897 г.

G.L.
614-12.7
RUSS
3 14 90

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература не отличается обиліемъ трудовъ по славяновѣдѣнію. А всестороннее изученіе близкихъ намъ по крови и религіи народовъ имѣетъ для насъ, русскихъ, большое значеніе во многихъ отношеніяхъ... И исторія и литература южныхъ славянъ остаются совершенно неизвѣстными большинству нашей публики. Наврядъ-ли многіе знакомы съ сербскимъ эпосомъ, а между тѣмъ онъ заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ познакомиться; и въ западной Европѣ онъ давно пользуется широкой извѣстностью. Предлагаемый трудъ и имѣетъ цѣлью познакомить русскую публику съ сербскимъ народнымъ эпосомъ. Переводъ пѣсенъ сдѣланъ нами съ изданія Вука Караджича. Въ него вошли пѣсни древнѣйшія (12 пѣсенъ), всѣ пѣсни о Косовской битвѣ, при чемъ этотъ отдѣлъ пополненъ пѣснями, записанными Гильфердингомъ (всего 13 пѣсенъ) и всѣ пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ (числомъ 28); въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщены пѣсни послѣдующихъ періодовъ сербской исторіи и между прочимъ пѣсни, въ которыхъ выведены мы, русскіе (6 пѣсенъ). Въ общемъ переведено болѣе 10,000 стиховъ. *) Такъ какъ почти весь сербскій эпосъ стоитъ въ ближайшей связи съ сербской исторіей, то нами и приложенъ краткій историческій очеркъ

*) Всего 10611 стиховъ.

Сербіи, въ которомъ только нѣсколько подробнѣе мы остановились на Косовской битвѣ и личности Марка Кралевича. Что касается переводовъ, сдѣланныхъ раньше нашего, то ихъ весьма немного. Переводили съ сербскаго: Кирѣевскій, В. Костомаровъ, Миллеръ, М. Михайловъ, Бергъ, Майковъ. Первенствующее знаніе среди переводчиковъ по количеству и по качеству переводовъ принадлежитъ Ѳ. Бергу. Почти все, что переведено у насъ съ сербскаго, собрано въ хрестоматіи Гербеля: «Славянскіе поэты.» Эта книга въ настоящее время стала библіографической рѣдкостью.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ СЕРБСКАГО ЭПОСА.

Поселеніе сербовъ на Иллирійскомъ полуостровѣ относится къ первой половинѣ VII столѣтія. Исторія этого періода очень темна. Сербы разселились отдѣльными общинами, управляемыми банами, жупанами, князьями. Общины были вполнѣ независимы одна отъ другой. Съ самаго же начала сербы заняли почти тѣже самыя мѣста, на которыхъ они живутъ и понынѣ. Поселившись на земляхъ, принадлежавшихъ Византіи, сербы естественно должны были стать въ подчиненное отношеніе къ византійскимъ императорамъ. Но эта зависимость была очень слаба. Въ VII стол. при императорѣ Гераклія сербы приняли христіанство отъ римскаго духовенства. Но проповѣдь на чуждомъ языкѣ принесла мало пользы: хотя и крещенные, сербы оставались въ дѣйствительности язычниками. Уже одна легкость, съ которою они позволяли себя крестить, свидѣтельствуетъ о полномъ равнодушіи сербовъ къ христіанству. Второе крещеніе произошло около 868-870 г.г. и имѣло большій успѣхъ, потому что сопровождалось проповѣдью и богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Къ этому же времени относится изобрѣтеніе св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ славянскихъ письменъ. Весь этотъ періодъ сербской исторіи (до 1040 г.) наполненъ войнами съ греками и болгарами, а также междоусобіями. Въ 1040 г. Стефанъ Бославъ изгналъ изъ Сербіи намѣстниковъ императора, а сынъ его Михаилъ объявилъ себя даже сербскимъ королемъ, получивъ на это согласіе папы Григорія VII. Съ этого времени начинаетъ крѣпнуть и развиваться ростъ сербскаго княжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣть зависимость отъ грековъ. Власть императоровъ была уничтожена младшимъ сыномъ Тѣхомила—Стефаномъ Неманей, которымъ начинается блестящій періодъ сербскаго государства. Стефанъ принужденъ былъ вести борьбу съ своими старшими братьями, престоломъ которыхъ онъ завладѣлъ не по праву, и мелкими банами и жупанами. Борьба окончилась въ его пользу, и Стефанъ внесъ въ Сербію твердые зачатки государственной жизни. Онъ строилъ церкви, основалъ Хилиндарскій на Аѳонѣ монастырь. Между прочимъ Стефанъ велъ борьбу съ патаренскою и богомильскою ересями; до его правленія въ Сербіи были даже язычники. Подъ старость онъ постригся въ монахи и умеръ на Аѳонѣ въ 1200 году. Преемникомъ Стефана Немани былъ его сынъ Стефанъ Первовѣнчанный. Онъ велъ войны съ греками, болгарами и венграми. Стефанъ былъ женатъ на дочери

венеціанскаго дожа Дондоло и, чтобы получить королевскую корону, вступалъ въ сношенія съ папой, чего и достигъ въ 1217 году. Братъ Стефана—Растько, еще при жизни отца принявшій монашество съ именемъ Савы, былъ не доволенъ его дѣйствіями и удалился на Аѳонъ. Но когда Стефанъ, достигнувъ своихъ цѣлей, прекратилъ сношенія съ папой, Сава возвратился въ Сербію и вторично вѣнчалъ своего брата на царство. Сава былъ основателемъ независимой сербской церкви и былъ ея первымъ архіепископомъ (1219). Народъ высоко чтитъ память своего святого іерарха, и въ народныхъ пѣсняхъ неоднократно упоминается его имя. Изъ преемниковъ Стефана особенно были знамениты: Стефанъ—Урошъ I Великій, отразившій нашествіе на Сербію монголовъ (1241), и Милютинъ (1275—1321), имѣвшій виды на византійскій престолъ. Милютинъ былъ ловкій политикъ, считавшій для достиженія своихъ цѣлей дозволенными всѣ средства; особенно часто онъ прибѣгалъ къ посредству брака, оставляя своихъ женъ каждый разъ, когда новый бракъ обѣщалъ выгоду. Своего наивысшаго могущества достигла Сербія при Стефанѣ Душанѣ (1333 в—1355). Душанъ владѣлъ почти всею сѣверною половиной Балканскаго полуострова. Онъ намѣренъ былъ завладѣть Византіей и остановить напоръ турокъ, которые нерѣдко появлялись въ Европѣ, призываемые византійскими императорами противъ славянъ. Онъ безъ согласія Константинополя учредилъ въ Сербіи патріаршество и издалъ „Законникъ.“ У Стефана были даровитые сотрудники. Между ними болѣе извѣстны три брата Мрлявчевичи, царскіе любимцы: Гойко, Углѣша и Вукашинъ. Кромѣ того извѣстны: Югъ-Богданъ, отецъ девяти сыновей Юговичей, и Лазарь, впослѣдствіи царь. Всѣ эти лица заняли почетное мѣсто въ сербскомъ эпосѣ; но ихъ дѣятельность и подвиги относятся не къ царствованію Душана, а ко времени Лазаря и Косовской битвы. Повидимому Сербіи предстояла блестящая будущность, но внутреннія междоусобія и турки погубили неуспѣвшее окрѣпнуть молодое государство. Душанъ сдерживалъ родовые споры и притязанія боярства на верховную власть. Но послѣ его смерти, баны вновь попытались возвыситься на счетъ царской власти. Славяне вообще склонны къ взаимной враждѣ и междоусобіямъ. Но во внутреннихъ неурядицахъ Сербіи разбираемаго періода въ значительной степени повинна и Византія.

Византія доживала свои дни; но она не оставляла старой мысли о всемірномъ господствѣ и централизаціи власти, унаслѣдованной отъ блестящаго періода Римской имперіи. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдями и будучи не въ состояніи одолѣть ихъ силою, Византія старалась восторжествовать надъ ними искусною политикой: она вмѣшивалась во внутреннюю жизнь народовъ, старалась перессорить своихъ сосѣдей и востановить ихъ другъ на друга или же прямо призывала противъ нихъ, даже своихъ подданныхъ, другихъ враждебныхъ сосѣдей. Такъ напримѣръ, она призывала противъ славянъ турокъ. На помощь Византіи пришелъ западный феодализмъ, проникшій въ Сербію чрезъ Ѳессалію и Эпиръ и развившійся тамъ въ XIV ст. Вообще въ это время Сербія подпала вліянію Византіи: ея вліяніе простиралось на литературу, политику, общество. Въ своихъ стремленіяхъ къ объединенію сербскіе крали не стѣснялись въ выборѣ средствъ, и страницы сербской исторіи наполнены кровавыми

повѣстями вражды между ближайшими родственниками. Императоры не дремлютъ и по возможности стараются усилить смуту. Помимо династическихъ неурядицъ, Сербія должна была имѣть дѣло съ феодальнымъ началомъ. Боярство, по образцу византійскаго, прилагало всѣ усилія, чтобы возвыситься на счетъ власти краля, чему въ значительной мѣрѣ способствовали династическіе безпорядки. Каждый болѣе или менѣе крупный властелинъ считалъ себя вполнѣ самостоятельнымъ государемъ и изъ своихъ личныхъ цѣлей нерѣдко измѣнялъ общему дѣлу, какъ, напримѣръ, по народнымъ преданіямъ, сдѣлалъ Вукъ Бранковичъ на Косовомъ полѣ изъ личной вражды къ Милошу. Таково было положеніе дѣлъ при Душанѣ, и недаромъ Душанъ предъ смертью, какъ на свой подвигъ, указываетъ на то, что онъ удержалъ въ повиновеніи воеводъ во всемъ своемъ царствѣ. (Смотри пѣсню № 27.) Но со смертью его безпорядки не замедлили заявить о себѣ. Умирая Душанъ оставлялъ несовершеннолѣтняго сына Уроша, а правленіе передалъ Вукашину до совершеннолѣтія сына. Этотъ Вукашинъ—отецъ героя Марка Кралевича. Въ пѣсняхъ повѣствуется, что Вукашинъ соблазнилъ Видосаву, жену воеводы Момчила, выдать ему ея мужа. Умирая подъ ножемъ Вукашина, Момчило посовѣтовалъ Вукашину жениться не на Видолавѣ, а на его сестрѣ Евросимѣ. Момчило былъ, конечно, плохой душеприказчикъ; но Вукашинъ дѣйствительно женился на Евросимѣ, сообразивъ, что, если Видосава промѣняла богатыря Момчила на него, то ей ничего не стоитъ точно также поступить и съ нимъ—Вукашиномъ. Отъ брака Вукашина и Евросимы родилось два сына: Марко и Андрей. Марко и есть величайшій герой сербскаго эпоса.—Регентъ Вукашинъ постарался совсѣмъ отдѣлаться отъ опаснаго конкуррента: въ 1367-мъ году Урошъ былъ убитъ Вукашиномъ, и послѣдній объявилъ себя самовластнымъ владыкой Сербіи. Сербскіе баны и воеводы, хотя и ненавидили Вукашина, но не вступились за право Уроша: годами правленія Вукашина они воспользовались для пріобрѣтенія себѣ большей независимости отъ царя. Съ своей стороны Вукашинъ, захвативъ власть не по праву, не могъ способствовать централизаціи государственнаго начала и объединенію общественныхъ интересовъ. А гроза надвигалась. Турки, призванные греками, готовы были раздавить балканскія княжества. Вукашинъ палъ въ битвѣ съ турками въ 1371 г. на рѣкѣ Марицѣ. Съ нимъ погибли его братья Углѣша и Гойко, которые когда-то оспаривали у Вукашина сербскій престолъ. (См. пѣсня № 28). Сербія была безъ князя и подвергалась нападеніямъ турокъ. „Въ это несчастнѣйшее и напечальнѣйшее время, говоритъ сербскій историкъ Медаковичъ, въ это время изъ среды сербскихъ князей возсталъ князь Лазарь Грбляновичъ, правитель Срема и Мачвы, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы державѣ сербской и народу сербскому сохранить жизнь и душу.“ Намъ неизвѣстно, по какому праву завладѣлъ Лазарь престоломъ; вѣроятнѣе всего онъ просто захватилъ власть въ свои руки. Но это обстоятельство не умаляло его въ глазахъ современниковъ. Сербскій народъ привыкъ къ кровавымъ насиліямъ и захватамъ при переходѣ власти отъ одного лица къ другому: династія Неманичей и царствованіе Вукашина дали не мало кровавыхъ страницъ сербской исторіи. Лазарь же сѣлъ на царскій престолъ, не употребивъ никакого насилія: престолъ оставался незапятымъ, князя небыло въ живыхъ, равно какъ и его

ближайшихъ родственниковъ—братьевъ. Поступокъ Лазаря легко объясняется стремленіемъ мелкихъ владѣтелей достигнуть независимости отъ главнаго князя: а независимый банъ или мелкій князекъ всегда стремился занять престолъ главнаго владыки Сербіи. Лазарь и былъ такимъ счастливымъ сербскимъ владѣтелемъ: сначала онъ независимо владѣлъ Сремомъ и Мачвой; а представился удобный случай,—и онъ поспѣшилъ занять престолъ Неманичей. При этомъ должно имѣть въ виду, что Лазарь былъ самъ боярскаго рода и находился въ близкомъ родствѣ съ знаменитѣйшимъ владыкой того времени Югъ-Богданомъ, правителемъ Анарнаніи и Эпира, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Лазарь воспитывался при дворѣ Душана и снискалъ его полную любовь и довѣренность: при посредствѣ Стефана Лазарь и породнился съ Югъ-Богданомъ. (См. пѣсню № 13.) Въ сущности Лазарь не отличался ни особеннымъ умомъ, ни политическими способностями и даже твердой волей: онъ не могъ сдержать своевольныхъ наклонностей владѣтельныхъ бановъ и воеводъ, что сдѣлать, впрочемъ было не легко. Но онъ былъ мужественъ, честенъ, добръ; онъ не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ и отъ души желалъ блага своему народу. Причина народной симпатіи къ нему лежала въ его личныхъ качествахъ, а не способностяхъ правителя. По народнымъ пѣснямъ выходитъ, что время царствованія Лазаря было счастливѣйшимъ періодомъ сербской исторіи. Современники, по всей вѣроятности, такъ и думали, хотя въ пѣснѣ о женитьбѣ Лазаря старикъ Югъ-Богданъ говоритъ о приближеніи послѣднихъ временъ, о чемъ вѣщаютъ „книги староставны.“ Трудно сказать,—не есть ли это вѣщаніе староставныхъ книгъ простое эпическое украшеніе, сложившееся впослѣдствіи, или же это означаетъ, что болѣе прозорливые современники, если и не понимали ясно, то во всякомъ случаѣ инстинктивно чувствовали, что бѣда надвигается. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе. А бѣда дѣйствительно надвигалась. Болгарія была завоевана турками; они покорили Эпиръ и Албанію и даже завладѣли сербскимъ городомъ Нишемъ (1375). Лазарь уже правилъ Сербіей въ зависимости отъ турокъ. Вражда балканскихъ славянъ помѣшала имъ соединиться и общими силами отразить врага. Но даже сербы, бывшіе пока свободными, ровно ничего не предпринимали для огражденія себя отъ турокъ. Лазарь бездѣйствовалъ; за двѣнадцать лѣтъ (отъ 1375—1387) исторія и народныя пѣсни знаютъ одно его дѣяніе, получившее впослѣдствіи глубокое историческое значеніе: это построеніе монастыря Раваницы на Ресавѣ (См. пѣсня № 14.) Какъ извѣстно, монастыри сослужили народу сербскому великую службу во время турецкаго ига: они были хранителями народныхъ вѣрованій и просвѣщенія; а ихъ стѣны нерѣдко были мѣстомъ убѣжища и защиты. Такая историческая роль выпала между прочимъ и на долю построенной Лазаремъ Раваницы.

Турки продолжали надвигаться. Отдѣльные баны уже подпали ихъ власти, хотя и не безъ сопротивленія. Наконецъ Лазарь рѣшилъ дать туркамъ отпоръ. Онъ приглашалъ своего зятя, болгарскаго короля Шишмана, даже мадъяръ. Всѣ сербскіе владѣтели единодушно высказались за войну. Только Вукъ Бранковичъ подалъ голосъ за постыдный миръ съ турками. Этотъ Вукъ Бранковичъ былъ въ близкомъ родствѣ съ Лазаремъ: онъ былъ женатъ на дочери Лазаря. Милошъ,

главный герой косовскихъ пѣсенъ, другъ и сотоварищъ подвиговъ Марка Кралевича, также приходился зятемъ Лазарю. Не смотря на близкое родство, Вукъ и Милошъ были смертельными врагами: причиной тому, по народнымъ пѣснямъ, была ссора ихъ женъ, перешедшая въ ссору мужей, въ которой Вукъ лишился двухъ зубовъ. (См. пѣсню № 15.) Выбитые ли зубы были причиной вражды Вука къ Милошу, или на то была какая другая причина, сказать трудно; но только они питали глубокую антипатію другъ къ другу. Милошъ взялъ на себя геройскій подвигъ убить Мурата на Косовѣ, подвигъ—стоившій ему жизни: этимъ поступкомъ онъ хотѣлъ опровергнуть пущенную Вукомъ клевету, что будто онъ, Милошъ, измѣнникъ. (См. пѣсни №№ 17, 18, 19.) Вездѣ въ пѣсняхъ слышится глубокое сочувствіе Милошу, задушевной теплотой вездѣ вѣетъ отъ всѣхъ его рѣчей. Вукъ же, напротивъ того, изображается человѣкомъ хитрымъ и мстительнымъ; его имя впослѣдствіи стало нарицательнымъ именемъ измѣнника. Въ Видовъ день, 15 мая 1389 года, должна была произойти битва между турками и сербами: то былъ день пророка Амоса, когда праздновалъ Лазарь „свою славу." Согласно обычаю, Лазарь пожелалъ отпраздновать канунъ своего праздника: онъ пригласилъ въ свой шатеръ всѣхъ сербскихъ воеводъ, чтобы выпить съ ними чашу вина во славу своего святого покровителя. Этотъ пиръ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть военнымъ совѣтомъ,—какъ завтра дѣйствовать противъ турокъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, выяснилось, что среди сербскихъ воеводъ не было согласія: Вукъ Бранковичъ пытался оклеветать Милоша и этимъ средствомъ на время замаскировать свою измѣну. На слѣдующій день произошла битва. Сербы стали одолѣвать турокъ; но измѣна Вука дала перевѣсъ послѣднимъ. Милошъ доказалъ свою невинность: онъ убилъ султана, хотя и самъ палъ жертвой своей отчаянной храбрости. Лазарь былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ на глазахъ умиравшаго султана. Всѣ событія на Косовѣ изображены въ переведенныхъ ниже пѣсняхъ. Пѣсня, со свойственною ей художественностью, почти не описываетъ самой битвы, а повѣствуетъ, какъ подѣйствовало извѣстіе о пораженіи на тѣхъ, кто не могъ принять въ ней участія. Первой о пораженіи узнала царица Милица (См. пѣсню № 21.) Мать Юговичей не перенесла потери мужа и сыновей и умерла съ горя. (См. № 23.) Послѣ битвы Вукъ пропалъ безъ вѣсти. Сомнительно, что Вукъ былъ сознательнымъ измѣнникомъ; вѣроятнѣе всего онъ слишкомъ рано отчаялся въ успѣхѣ битвы и отступилъ со своимъ отрядомъ. И только уже впослѣдствіи народное самолюбіе приписало Косовское пораженіе сербовъ не доблести турокъ, а измѣнѣ Вука. Въ Вукѣ Бранковичѣ сербскій эпосъ олицетворяетъ измѣну вообще, наклонность къ раздорамъ и спорамъ, что дѣйствительно и погубило Сербію.

Иго рабства было не сразу положено на Сербію. Послѣ Лазаря, убитаго на Косовѣ, кралемъ Сербіи былъ его сынъ Стефанъ, съ котораго Баязетъ взялъ клятву въ вѣрности и который былъ вѣрнымъ турецкимъ союзникомъ. При управленіи Бранковичей, преемниковъ Стефана, которое продолжалось лѣтъ сорокъ, Сербія потеряла и тѣнь прежней своей самостоятельности. Турки отняли у сербскихъ властителей ихъ рудники и крѣпости. Предпріятія венгровъ и поляковъ, начатыя съ благословенія папы, окончились неудачей (1444) г. Послѣд-

нимъ сербскимъ властелиномъ былъ Георгій Бранковичъ, тѣснимый турками и трепетавшій предъ ихъ врагами—своими союзниками венграми, которые, въ случаѣ успѣшной войны съ турками, намѣрены были водворить въ Сербіи католичество. Георгій, равно какъ и всѣ сербы, предпочиталъ турокъ ненавистному папѣ. Послѣдняя сербская княжна Елена Палеологъ передала свои права папѣ. Боснійскій банъ, имѣвшій въ виду жениться на сербской княжнѣ и такимъ образомъ объединить Сербію, также изъявилъ покорность римскому престолу. Но сербы и босняки и слышать не хотѣли о папѣ и, чтобы отдѣлаться отъ него, добровольно отдались туркамъ (1465). Они не предвидѣли, какія послѣдствія повлечетъ за собою такой поступокъ. Съ этого момента начинается полное порабощеніе сербскаго народа. И это рабство было очень тяжело. Весь мужескій полъ былъ обложенъ подушною податью. Населеніе должно было содержать янычаръ, державшихъ въ повиновеніи всѣ области государства; въ тоже время они должны были платить подать или отбывать боярщину спахіямъ—туркамъ, поселившимся въ Сербіи и занявшимъ по преимуществу города. Кромѣ того населеніе должно было содержать пашу и все управленіе: въ Бѣлградѣ жилъ мулла; въ менѣе значительныхъ мѣстахъ кадіи—судьи для магометанъ и христіанъ; кадій имѣлъ при себѣ мусселима, исполнителя своихъ рѣшеній. Часть сборовъ, взимаемыхъ пашею, шла султану, который кромѣ того пользовался доходами съ спеціально присвоенныхъ имъ себѣ деревень. Сербы изъ окрестностей Бѣлграда должны были жать и косить на султанскихъ поляхъ и лугахъ въ окрестностяхъ Константинополя. Паши не всегда сами собирали оброки, а отдавали это дѣло на аренду богатымъ грекамъ и армянамъ, которые умѣли собирать съ не малой для себя прибылью. Такимъ же образомъ были продаваемы всѣ должности, въ томъ числѣ и епископскія каѳедры. Всѣ епископы были греки и всегда служили интересамъ турокъ. Взглядъ сербовъ на грековъ хорошо выясняется въ пѣснѣ о Гречичѣ, т. е. грекѣ Маноилѣ (Пѣсня № 1.) Сверхъ того взималась подать съ каждой супружеской четы. Но самая тяжелая подать,—была подать людьми: черезъ каждыя пять лѣтъ былъ производимъ наборъ здоровыми, красивыми мальчиками, которыхъ уводили въ Константинополь и воспитывали въ яростной ненависти ко всему христіанскому. Эти люди, не имѣя ни роду, ни племени, знали одного только султана, которому рабски и слѣпо повиновались. Не одной побѣдой султаны обязаны янычарамъ, и въ тоже время никто не причинилъ христіанамъ столько горя, сколько эти христіане, забывшіе о своей первоначальной вѣрѣ. Какъ видно, сербамъ оставалось обрабатывать землю и платить подати. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, такихъ убѣжденій были и турки. Приписывая себѣ единую истинную религію, турки предоставили себѣ всѣ права: какъ правовѣрные, они были господами, а райя—неправовѣрные ихъ рабами; встрѣтясь съ христіаниномъ, каждый турокъ на законномъ основаніи могъ требовать его услуги. Турки отняли у сербовъ право носить оружіе, имѣть лошадей, надѣвать одежду зеленаго цвѣта, жить въ большихъ домахъ и т. д. Турки съ презрѣніемъ относились и относятся къ промысламъ и ремесламъ, считая ихъ удѣломъ райи. Они оставили за собой ремесла, только имѣющія связь съ военнымъ дѣломъ, напр. подковку лошадей и вообще кузнечное ремесло. Вообще удѣлъ райи, по ихъ поня-

тію,—покорность и униженіе. Порабощеніе Сербіи турки начали съ того, что занялись истребленіемъ властителей—гордаго боярства, которое своими смутами довело Сербское королевство до погибели. Не рѣдки примѣры, что знатнѣйшіе роды, чтобы сохранить свои богатства и свое общественное положеніе, переходили въ исламъ. Но простой народъ, претерпѣвая тяжкія лишенія, оставался вѣренъ православію.

Въ 1521 году палъ Бѣлградъ, и турки двинулись на Венгрію и Хорватію. Сербія стала ареной, на которой происходили международныя битвы и по которой безпрестанно двигались то венгерскія, то турецкія войска. Это заставляло сербовъ нѣсколько разъ выселяться изъ Сербіи. Особенно замѣчательно переселеніе въ 1690 году, когда выселилось въ Австрію 37.000 сербовъ съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ во главѣ. Послѣ этого турки отняли у сербовъ право имѣть собственнаго патріарха и присоединили сербскую церковь къ Константинопольскому патріархату. Съ потерей патріарха народъ потерялъ послѣднюю возможность образованія, что повело къ распространенію ислама. На мѣстѣ выселившихся сербовъ поселились албанцы и тѣмъ самымъ, какъ магометане, увеличили власть турокъ. Жители, бѣжавшіе отъ турецкаго ига изъ югозападной части Сербіи въ горы, положили начало Черногорскому княжеству.

Таковы были послѣдствія Косовской битвы и турецкаго ига. Повидимому, сербская нація была совершенно угнетена и задавлена. Но это только повидимому. Въ тяжелыя времена рабства не угасло національное самосознаніе сербскаго народа: онъ не могъ примириться со своимъ положеніемъ, считалъ его временнымъ, всегда лелѣялъ надежду на лучшія времена, причемъ свое спасеніе видѣлъ въ собственныхъ своихъ силахъ, въ своемъ геройствѣ и вѣрѣ. Носителями народнаго самосознанія явились гайдуки,—люди, которые бѣжали въ неприступныя для турокъ мѣста и вели войну со своими поработителями. Гайдукъ собственно значитъ разбойникъ; но сербъ облагородилъ это слово, соединивъ съ нимъ понятіе о борцѣ за свободу и вѣру, храбрецѣ, удальцѣ-юнакѣ и во всякомъ случаѣ непримиримомъ врагѣ турокъ. Гайдучество, помимо того, что было носителемъ надеждъ на воскресеніе свободы и старой славы сербскаго народа, оно сверхъ того выработало систему военнаго національнаго ополченія, пользуясь которой сербы одолѣвали регулярныя турецкія войска. Все усиливаясь и развиваясь, гайдучество къ концу XVIII и началу XIX ст. какъ бы охватило всю страну. Народное самосознаніе сербовъ съ особенною силою пробудилось въ 1788 году во время войны турокъ съ Австріей и Россіей. Освобожденная Сербія была снова возвращена европейскими державами туркамъ, но за это время сербы научились европейскому военному искусству и, что самое главное, разъ достигнувъ хотя и кратковременной свободы, уже не разставались съ мечтой достигнуть ея вполнѣ. Освобожденію Сербіи главнымъ образомъ способствовало возвышеніе Россіи, которая сильно ослабила Турцію во времена Екатерины II. Возвышеніе единовѣрнаго и при томъ близкаго по крови народа естественно давало бодрость и надежду сербамъ на лучшее будущее. И сербскій народъ не ошибся въ своихъ надеждахъ....

Помѣщенныя ниже переводы сербскихъ народныхъ былинъ раздѣлены на

четыре отдѣла. Къ первому относятся пѣсни древнѣйшія, частью миѳологическаго, частью бытового и религіознаго и частью историческаго характера. Эти пѣсни характеризуютъ вѣрованія сербовъ въ загробную жизнь, вѣрованіе въ святыхъ и ангеловъ. Есть былины совершенно миѳическаго характера (напр. пѣсни № 3 и 6.) Эти пѣсни проникнутыя полуязыческимъ характеромъ и произошли изъ смѣшенія христіанскихъ вѣрованій съ доисторическими языческими.

Ко второму отдѣлу относятся пѣсни о Косовской битвѣ. Кромѣ своего литературнаго достоинства,—поразительной глубины содержанія и пластичности выраженія, эти пѣсни важны еще какъ историческій памятникъ. Дѣло въ томъ, что эти пѣсни нагляднѣе и живѣе изображаютъ Косовскую катастрофу, чѣмъ сербскіе историки, которые при описаніи этого событія расплываются въ какой-то жидкой фразеологіи нравоучительнаго характера и не даютъ никакихъ фактическихъ извѣстій. Выше было сказано о Косовской катастрофѣ. Здѣсь мы укажемъ только на то, что по народнымъ понятіямъ турецкое иго является актомъ добровольнаго мученичества сербскаго народа: исходъ битвы между турками и сербами былъ предрѣшенъ заранѣе, такъ какъ Лазарь добровольно избралъ себѣ не земное, а небесное царство. (См. пѣсню № 21.) Здѣсь съ одной стороны видѣнъ славянскій фатализмъ, а съ другой удовлетвореніе народному самолюбію: измѣна Вука Бранковича считается причиной катастрофы. Изъ этого явствуетъ, что народное самосознаніе не выработало по этому поводу одного, опредѣленнаго взгляда.

Самый многочисленный циклъ пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ. Его жизнь и дѣятельность пріурочиваются ко времени порабощенія Сербіи турками. При посредствѣ личности Марка сербскій народъ даетъ свое объясненіе несчастной эпохѣ порабощенія.

Краль Вукашинъ удалилъ отъ себя жену Евросиму и сына; Марко жилъ въ Прилепѣ, воспитываясь подъ вліяніемъ своей строго-нравственной матери. Наукамъ, т. е. чтенію и письму, онъ учился у протопопа Недѣльки, у котораго перенялъ всю книжную премудрость. По всей вѣроятности, вслѣдствіе своей учености и родовитости Марко былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря у царя Стефана. Марко былъ человѣкъ не только книжный, но имѣлъ и „книги старославны," заключавшія въ себѣ судьбу сербскаго народа. Можно думать, что подъ старославными книгами разумѣются сборники узаконеній, которыми управлялся сербскій народъ; вѣроятно это была Кормчая, имѣвшая широкое распространеніе въ Сербіи. Съ теченіемъ времени эта недоступная и таинственная для простого неграмотнаго люда книга, съ которой справлялись въ важныхъ случаяхъ правящіе классы, приняла на себя черты хранительницы и носительницы судебъ народа, предназначенныхъ выше. А можетъ быть подъ старославными книгами должно разумѣть Библію или богослужебныя книги вообще.

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ Марка дѣйствующимъ лицомъ въ пѣснѣ ‚Урошъ и Мрлявчевичи" (№ 28), въ которой Марко рѣшаетъ споръ между отцемъ, ‚дядями и королевичемъ Урошемъ: здѣсь Марко судитъ не въ пользу отца или дядей, а по правдѣ истиннаго Бога. Оскорбленный отецъ проклинаетъ Марка, предрекая, что онъ будетъ служить туркамъ и останется безъ погребенія—безъ

гроба и могилы; благодарный же Урошъ благословилъ Марка, пожелавъ, чтобы Марко былъ первымъ юнакомъ, и слава о немъ стояла до тѣхъ поръ, пока есть солнце и луна. Отцовское проклятіе и благословеніе Уроша буквально исполнились надъ Маркомъ. Оскорбленный несправедливостью отца, Марко оставилъ свою родину, чтобы въ буйныхъ богатырскихъ подвигахъ найти забвеніе своей тоскѣ. Послѣ ссоры онъ не видалъ уже своего отца и только по саблѣ узналъ о его гибели (пѣсня № 36). Въ это время Марко служилъ турецкому султану, который осыпалъ его своими милостями.—Въ подвигахъ Марка трудно установить хронологическую послѣдовательность: то онъ живетъ вмѣстѣ съ матерью въ Прилепѣ, то разбиваетъ шатеръ на Арапской окрайнѣ, то мы его видимъ въ Стамбулѣ. Нельзя указать и той цѣли, которою руководился въ своей жизни Марко. А потому мы ограничимся характеристикой нравственно-бытовой стороны личности Марка. Марко имѣлъ весьма внушительную наружность. Описаніе его наружности находится въ пѣснѣ: „Марко и Вуча генералъ“ (№ 33). Марко не разлучался съ Шарцемъ, своимъ конемъ, и не только самъ при всякомъ удобномъ случаѣ пилъ много вина, но и поилъ имъ Шарца. Марко даже лѣчился виномъ (пѣсня № 40). Излишнее пристрастіе Марка къ вину объясняется его безталанной судьбой, вслѣдствіе отцовскаго проклятія. Чувствуя въ себѣ избытокъ силъ и не зная куда ихъ употребить съ пользой, онъ бродилъ по свѣту, по большей части, безъ всякой опредѣленной цѣли. По своей натурѣ Марко былъ воинственъ и суровъ. Убивая своихъ враговъ, предавая ихъ жилища огню и мечу, жестоко расправляясь съ тѣми, кто оскорбилъ его, даже съ женщинами (пѣсни №№ 31 и 38), Марко не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти. Кровопролитіе не возмущало его. Впрочемъ, жестокость и суровость—вообще неотъемлемыя принадлежности эпическихъ героевъ всѣхъ странъ и народовъ: безъ этого герой не былъ бы героемъ. Но кромѣ этихъ отрицательныхъ сторонъ, Марко имѣлъ и положительныя. Въ пѣсняхъ мы находимъ проявленіе глубокой человѣчности Марка и симпатичныхъ его наклонностей. Марко не только герой, но и человѣкъ. Оставаясь неизмѣнно побѣдителемъ въ бою, Марко не былъ какимъ—нибудь рыцаремъ безъ страха и упрека или героемъ, которому всякіе подвиги ни по чемъ, который ничего не боится. Никогда и ничего не бояться способенъ только тотъ, кто лишенъ чувства страха предъ опасностью. За это нельзя, конечно, хвалить человѣка: гдѣ же тутъ качество? человѣкъ просто лишенъ страха. Изъ пѣсенъ „Марко и Лютица-Богданъ“ (№ 30) и „Марко и Арапинъ“ (№ 43) видно, что чувства страха и благоразумія были присущи Марку. Мы видимъ предъ собою не куклу, созданную неискуснымъ писакой (каковы наши Еруслань и Бова), а человѣка. Въ пѣсняхъ встрѣчаются примѣры того, что Марко иногда уклонялся отъ битвы, а побѣдивъ своихъ враговъ довольствовался иногда однимъ богатымъ выкупомъ (№ 39). И падшему врагу онъ отдавалъ должную дань уваженія: убивъ Мусу, Марко заплакалъ, что погибъ такой герой (№ 44). А побѣдами своими онъ никогда не хвастался. Марко свято чтилъ побратимство—дружбу, возведенную сербами на степень кровнаго родства, когда заключившіе союзъ дружбы, считаютъ себя родными братьями. Вездѣ онъ является защитникомъ невинности (№№ 41, 46), слабыхъ—„нища, убога и сиротины,“ какъ онъ

выражается (№ 40), и жестоко караетъ всякихъ араповъ и арапиновъ, притѣснителей его соплеменниковъ-сербовъ. И при всемъ этомъ Марко дружилъ съ турками и служилъ султану: султанъ былъ даже его „поотчимъ"—названный отецъ.....

Оставаясь неизмѣнно побѣдителемъ во всѣхъ битвахъ, прославляемый и почитаемый своимъ народомъ, владѣя большими богатствами, добытыми на войнѣ, Марко, повидимому, былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ. На самомъ же дѣлѣ это была глубоко трагическая личность. Надъ нимъ исполнилось благословеніе Уроша, исполнилось и отцовское проклятіе, по которому онъ долженъ былъ остаться безъ отечества, безъ потомства, безъ гроба и могилы. Послѣднимъ днямъ жизни Марка посвящена особая пѣсня „Смерть Марка" (№ 53). Пѣснѣ удалось удачно соединить исполненіе отцовскаго проклятія и христіанское погребеніе Марка. Согласно отцовской клятвѣ, Марко умираетъ одинокимъ на вершинѣ горы и долгое время остается безъ погребенія. Но такой юнакъ, какъ Марко,—защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, далеко славный за предѣлами своей родины, такой юнакъ, по народнымъ понятіямъ, не могъ остаться безъ христіанскаго погребенія: въ немъ церковь отказываетъ только своимъ недостойнѣйшимъ членамъ, а Марко былъ хорошимъ христіаниномъ. И потому игуменъ святогорецъ Васа тайно погребаетъ Марка въ Хилиндарскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ, среди монастырской церкви.

Какъ извѣстно, Марко дружилъ съ турками, служилъ султану; онъ не участвовалъ въ битвѣ противъ турокъ на Косовѣ. Сербскій народъ прощаетъ все это своему любимому герою, видя въ этомъ исполненіе отцовскаго проклятія. Но на самомъ дѣлѣ, эта дружба съ турками—не позоръ ли для Марка? И какъ могъ сербскій народъ сдѣлать своего любимаго героя турецкимъ союзникомъ, измѣнникомъ своей родины? Дѣло въ слѣдующемъ. Не участвуя въ битвѣ противъ турокъ на Косовѣ, Марко является измѣнникомъ только съ нашей точки зрѣнія. На самомъ дѣлѣ онъ не былъ измѣнникомъ, а былъ только свободнымъ союзникомъ турокъ. Марко былъ плохой политикъ и смотрѣлъ на турокъ глазами своихъ современниковъ, а потому не находилъ ничего опаснаго въ грозномъ движеніи турокъ на Балканскій полуостровъ. Турки надвигались все ближе и ближе, достигли уже Сербіи. Сербы иногда воевали съ ними, иногда дружили. Вообще никто, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ Богдана-Юга и Милоша, не имѣлъ понятія о важности и послѣдствіяхъ переживаемаго историческаго момента. Даже послѣ Косовской битвы сербы не понимали, чѣмъ были для нихъ турки въ дѣйствительности. Сынъ Лазаря Стефанъ старался уладить династическія безпорядки отомановъ и принималъ участіе въ войнахъ турокъ, въ качествѣ вѣрнаго союзника. Все это шло на пользу турокъ и на гибель сербовъ. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе выяснялось настоящее положеніе дѣла. И потому взглядъ на турокъ, какъ на поработителей и притѣснителей, среди сербовъ сложился нескоро. Теперь намъ понятны поступки Марка: онъ не измѣнникъ родины, а добровольный союзникъ турокъ, такъ какъ каждый воевода могъ служить кому хотѣлъ, и союзъ съ турками въ то время былъ вовсе не позорнымъ дѣломъ. Значитъ правъ былъ и Вукъ, измѣнившій, по народному преданію, на

Косовѣ. Такимъ образомъ и на самомъ Маркѣ видна та нравственная неустойчивость, которую сербы удачно называютъ „невѣра.“ Марко не разгадалъ въ туркахъ смертельныхъ враговъ своего народа, какъ не видѣли этого и его современники. Вотъ гдѣ ключъ къ разгадкѣ отношеній Марка къ туркамъ, вотъ гдѣ и причина Косовской катастрофы и порабощенія Сербіи.—Какъ видно изъ всего сказаннаго, Марко служитъ вѣрнымъ истолкователемъ извѣстной исторической эпохи сербской исторіи и выразителемъ героическихъ идеаловъ цѣлаго своего народа. Марко жилъ въ переходную эпоху сербской исторіи: начало его дѣятельности относится къ до-Косовской катастрофѣ, а смерть къ концу XIV в.

Эпоха, въ которую жилъ Марко, въ высшей степени была пригодна для развитія героической личности, подобной Марку. Государственное начало до порабощенія Сербіи было развито слабо и потому не могло сглаживать индивидуальныхъ чертъ героя, которому необходимъ просторъ для полнаго развитія и проявленіе его склонностей. А со времени порабощенія сербской націи не было чуждо народное самосознаніе: хотя и безъ князя, народъ чувствовалъ себя цѣльнымъ и единымъ. И потому въ Маркѣ замѣтно стремленіе дѣйствовать не на личную только пользу, а на общественную, хотя всѣ подвиги Марка носятъ случайный характеръ, не проникнуты никакой единой идеей. Не то видимъ мы въ дѣятельности героевъ послѣдующаго періода сербской исторіи, послѣ Косовской битвы. Государственное начало гаснетъ. На сцену исторической дѣятельности выступаютъ отдѣльныя личности—гайдуки, какъ представители народа. Мѣстомъ дѣйствія теперь являются не города, а горные проходы, планины—горы, покрытыя лѣсомъ, на которыхъ подвизается множество юнаковъ-гайдуковъ. Пѣсни о гайдукахъ проникнуты совсѣмъ инымъ характеромъ въ сравненіи съ пѣснями о Косовѣ и Маркѣ. Изъ гайдуцкихъ пѣсенъ мы узнаемъ о подвигахъ и продѣлкахъ множества гайдуковъ, но ихъ дѣятельность не имѣетъ общественнаго значенія, потому что каждый гайдукъ руководится не общественными, а своими личными цѣлями. Но чѣмъ бы ни руководились гайдуки, въ общемъ они были полезными для своего народа, представляя изъ себя готовое партизанское войско. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, кромѣ пѣсенъ—„Юрьева Ирина“ и „Старина Новакъ,“ помѣщена огромная пѣсня о женитьбѣ Максима Черноевича, рисующая взглядъ сербовъ на венеціанцевъ, и три послѣднихъ пѣсни, въ которыхъ выведены русскіе. Въ этихъ пѣсняхъ русскіе изображаются народомъ православно-христіанскимъ, сильнымъ, могучимъ и даже преемникомъ священныхъ реликвій, принадлежавшихъ прежде сербскимъ государямъ, а потомъ перешедшихъ въ Россію: посоха архіепископа Савы, царской короны кесаря Константина и одѣянія Предтечи Крестителя. Въ художественномъ отношеніи пѣсни послѣдняго періода уступаютъ болѣе раннимъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ разъяснить часто употребляемыя выраженія: слава, славить славу, побратимство, побратимъ, поогчимъ, посестрима.

При крещеніи въ Сербіи, въ противоположность намъ русскимъ, не всегда дается имя какого нибудь святого; тамъ даютъ имена по желанію: напр. Вукъ (что значитъ—волкъ), Іорданъ, Чадомиль и т. д. Такимъ образомъ сербъ не имѣетъ лично своего патрона-святого и не празднуетъ своихъ именинъ. Но за

то у сербовъ имѣются патроны цѣлаго рода, фамиліи. Каждая фамилія считаетъ своимъ родовымъ покровителемъ того святого, имя котораго дано было предку извѣстной фамиліи при его крещеніи: всѣ послѣдующіе роды считаютъ этого святого своимъ покровителемъ и ежегодно торжественно празднуютъ ему; это называется **славить славу.**

Сербскій народъ высоко ставитъ дружбу, которая въ прежнее время освящалась даже церковью: надъ лицами, заключавшими союзъ дружбы, читалась священникомъ особая молитва. Можно „побрататься, посестриться, поотчитися"... Эти союзы считаются неразрывными и имѣютъ значеніе наравнѣ съ кровнымъ родствомъ.—Также свято чтитъ сербскій народъ и кумовство: пригласить когонибудь въ кумовья, значитъ, по сербскимъ понятіямъ, оказать тому величайшее уваженіе и довѣріе. Не даромъ покровителемъ кумовства и побратимства считается у сербовъ Іоаннъ Креститель, сверстникъ дѣтства Іисуса Христа.

I. Пѣсни Миѳологическія.

1. Кумъ Гречичъ Манойло.

Двѣ кумы отправилися къ куму,
Двѣ кумы ко Гречичу Манойлу:
Первая—то стройная гречанка,
А другая—бѣлая влашанка.
Былъ малютка мальчикъ у влашанки,
У гречанки жъ дѣвочка рождалась.
Вмѣстѣ кумы къ куму пріѣзжали
И младенцевъ окрестили вмѣстѣ.
На разсвѣтѣ, при восходѣ солнца,
Говорила стройная гречанка:
„Дорогой мой Гречичъ, кумъ Манойло!
„Ты возьми-ка моего ребенка,
„А отдай мнѣ мальчика влашанки.—
„Подложи ей дѣвочку тихонько.
„Я тебѣ за это дамъ—клянуся—
„Вдвое больше золота, чѣмъ вѣситъ
„Неразумный мальчикъ, сынъ влашанки.“
Соблазнился онъ, суди Ты, Боже!
Подмѣнилъ дѣтей Манойло Гречичъ...
Двѣ кумы отправились обратно.
Вотъ идетъ своимъ путемъ влашанка,
И ея ребенокъ раскричался.
Тутъ она какъ будто испугалась:
Становилась посреди дороги,
Раскрывала бережно пеленки:
Передъ нею дѣвочка, не мальчикъ!
Отъ досады бросила влашанка
На дорогу пыльную ребенка
И пошла обратно, причитая....
Въ домъ она Манойла приходила,
Рѣчь такую говорила куму:
„Такъ ты продалъ крестника за деньги!
„Накажи тебя, Иванъ Креститель!“
Передъ ней Манойло клялся лживо:
„Ничего, повѣрь, кума, не знаю!“
(На рукахъ держалъ тогда Манойло
Своего ребенка).“ Если лгу я,
„Пусть вотъ этимъ мясомъ напитаюсь.“
Со двора отправилась влашанка,
Понесла пустую колыбельку.
Осѣдлалъ коня Манойло Гречичъ
И поѣхалъ ко двору гречанки.
Та ему за мальчика платила,
И назадъ Манойло возвращался.
Вотъ онъ ѣдетъ лѣсомъ и встрѣчаетъ
На дорогѣ чернаго ягненка.
Онъ стрѣлу каленую пускаетъ,
Убиваетъ чернаго ягненка.
Разводилъ огонь онъ у дороги,
Мясо пекъ и вкусно имъ обѣдалъ;
А одно плечо въ мѣшокъ свой спряталъ
И къ родному дому подвигался.
У воротъ его жена встрѣчаетъ,
Обливаясь горькими слезами.
И ее Манойло вопрошаетъ:
„Что, жена, съ тобою приключилось?“
И она всю правду разсказала:
„Выпрыгнулъ изъ рукъ моихъ ребенокъ,
„Обернулся въ чернаго ягненка
„И бѣжать пустился по дорогѣ.“
Ей съ тоскою говоритъ Манойло:
„Ахъ, жена! ягненка повстрѣчалъ я....
„Я, стрѣлой убивъ его, изжарилъ
„И такою пищей пообѣдалъ:
„А одно плечо привезъ съ собою:
„Посмотри въ мѣшокъ мой, что привязанъ
„У сѣдла съ овсомъ для вороного.“
Опускала мать въ мѣшокъ тотъ руку

И плечо оттуда вынимала,
Не плечо ягненка, руку сына!
Тутъ жена Манойлу говорила:
„Ахъ, Манойло! погубилъ ты родъ свой!
„За куму достойно ты наказанъ".
Слава Богу, это все такъ было!

2. Невѣста Лазаря Радановича.

Какъ задумалъ Радановичъ Лазарь
Пожениться на дѣвицѣ красной,
Тысячу сватовъ себѣ онъ собралъ;
И пошли они къ двору невѣсты.
Мать невѣсты увидала сватовъ
Издалеко, про себя сказала:
„Дай-ка стану на дворѣ въ воротахъ,
„Погляжу я на нарядныхъ сватовъ."
И какъ были сваты близко къ дому,
Мать невѣстѣ-дочкѣ говорила:
„Погляди-ка, дочка, идутъ сваты;
„Въ чей-то дворъ они зайдутъ засватать?
„Чья-то мать теперь ихъ поджидаетъ,
„Чьи то братья лошадей ихъ примутъ,
„Чей отецъ виномъ ихъ повстрѣчаетъ,
„Чьи имъ сестры поднесуть подарки?"
Услыхала эту рѣчь невѣста,
Говорила матери старухѣ:
„Это, мама, Радановичъ Лазарь,
„То его разубранные сваты;
„Къ намъ идутъ они на дворъ широкій....
„Приготовить нужно имъ подарки.
„Повстрѣчаешъ ты нарядныхъ сватовъ,
„Братья примутъ ихъ коней за поводъ,
„Поднесетъ подарки имъ сестрица,
„Угоститъ виномъ ихъ мой родитель."
И пока во дворъ входили сваты,
Съ матерью поспорила невѣста—
Не о градѣ, ни о виноградѣ, (*)
Объ одной лишь шелковой рубашкѣ:
Хочетъ мать ее оставить сыну,
Дочка хочетъ взять ее для мужа.
Разсердилась мать тутъ на невѣсту,
Становилась на дворѣ въ воротахъ,
Оперлася на холодный камень
И слезами камень обливаетъ.
У старухи спрашиваетъ Лазарь:
„Что случилось? не бѣда-ль какая,
„Что своихъ ты сватовъ не встрѣчаешь,
„Что ты стала на дворѣ въ воротахъ,
„Оперлася на холодный камень
„И слезами камень поливаешь?"
Мать ему на это отвѣчаетъ:
„Горе, зять несуженый мнѣ, Лазарь!
„Какъ могу теперь я быть веселой,
„Безъ печали какъ мнѣ встрѣтить сватовъ?
„Умерла твоя невѣста, Лазарь,
„И ее вчера мы схоронили!„
Отвѣчаетъ Радановичъ Лазарь:
„Гдѣ могила, гдѣ ее зарыли?
„Посмотрю на мертвую невѣсту..."
Отвѣчаетъ Лазарю старуха:
„Не могу я показать могилы...
„Завелся у насъ обычай новый:
„Какъ умретъ сосватанная дѣва,
„Не въ гробу ее у насъ хоронятъ,
„А бросаютъ въ волны синя моря."
Какъ услышалъ Лазарь эти рѣчи,
Говорилъ своимъ нарядным сватамъ:
„Ой вы, сваты, братья дорогіе!
„На дворѣ меня вы подождите:
„На базаръ пойду купить я шелку,
„Мы сплетемъ изъ шелку сѣть большую,
„И въ волнахъ поищемъ мы невѣсту.....
„У меня по ней томится сердце."
Разговоръ тотъ слушала служанка
И тихонько Лазарю шепнула:
„Государь мой, Радановичъ Лазарь!
„Не скончалась красная невѣста,
„Съ матерью поспорила своею—
„Не о градѣ, ни о виноградѣ,—
„За одну лишь тонкую рубашку:
„Мать ее для сына оставляла,
„А невѣста взять хотѣла мужу."
Какъ заслышалъ Лазарь эти рѣчи,
Говорилъ онъ деверю и куму:
„Кумъ и деверь, заклинаю Богомъ:
„Вы идите на высокій теремъ

(*) Не о градѣ, ни о виноградѣ,—т. е. о пустякахъ.

„И оттуда дѣвушку ведите,
„Но ея приданаго не троньте:
„Самъ имѣю я добра не мало."
Кумъ и деверь просьбу исполняли:
Поднялися на высокій теремъ
И невѣсту увели оттуда,
Но ея приданаго не взяли.
Повѣнчался Радановичъ Лазарь.
Тутъ невѣста начала прощаться:
И отца и мать свою цѣлуетъ,
Обнимаетъ и сестру и братьевъ.
Матери такія рѣчи молвитъ:
„Чѣмъ тебя я только прогнѣвила,
„Все прости мнѣ, матушка родная."
Мать ее клянетъ и проклинаетъ:
„Чтобъ не знать тебѣ на свѣтѣ счастья!
„Чтобъ тебѣ не жить ни здѣсь, ни съ му-
„Пропади ты на горахъ въ дорогѣ!" [жемъ;
Услыхала эту рѣчь невѣста,
Залилася горькими слезами.
Поднялися сваты въ путь—дорогу
Проводить невѣсту молодую.
Ѣдетъ поѣздъ свадебный чрезъ горы.
Разболѣлась голова невѣсты;
Тутъ невѣста деверю сказала:
„О мой деверь, золотой мой перстень!
„Позови мнѣ Лазаря скорѣе."
Какъ услышалъ деверь эти рѣчи,
На конѣ онъ къ Лазарю помчался
И ему такія рѣчи молвилъ:
„Поверни назадъ скорѣе, Лазарь:
„Разболѣлась дѣвушка—невѣста,
„Приклонилась къ свату головою."
Подскакавши спрашиваетъ Лазарь:
„Что съ тобой, красавица дѣвица?
„Голова твоя, знать, разболѣлась?"
Говоритъ на то ему невѣста:
„Господинъ мой, Радановичъ Лазарь!
„Позови ко мнѣ нарядныхъ сватовъ."
Созвалъ Лазарь поѣзжанъ нарядныхъ.
Всѣхъ невѣста ихъ благодарила
За любовь и вѣрную ихъ дружбу,
По букету васильковъ дала имъ;
Лазарю жъ рубашку подарила
(За нее посорилася дома)—
И ему чуть слышно говорила:
„Ты возьми рубашку, милый Лазарь,
„Съ запонкой грудною дорогою.
„Какъ надѣнешь ты мою рубашку,
„Обо мнѣ вспомянешь, затоскуешь;
„Поглядишь на запонку,—заплачешь....
„Голова моя болитъ смертельно,
„Не могу перенести болѣзни."
Такъ сказала, душу испускала.
Говоритъ тутъ Лазарь поѣзжанамъ:
„Вы съ коней сходите: рыть могилу
„Будемъ мы кинжалами своими;
„Гробъ досчатый саблями теши́те;
„Въ головахъ ей посадите розу,
„У могилы вы скамью поставьте,
„А у ногъ источникъ ископайте,
„Чтобы могъ прохожій на скамейкѣ
„Отдохнуть, полюбоваться розой,
„Утолить водой холодной жажду."
Часто Лазарь приходилъ къ могилѣ
И, тамъ сидя, спрашивалъ невѣсту:
„Тяжела ль земля, душа—подруга?"
Изъ могилы доносился голосъ:
„Не тяжка и не гнететъ могила,
„А тяжка мнѣ материна клятва."

---

3. Иванъ и лѣсной дивъ (*)

Хочетъ царь сгубить свою супругу:
У нея грѣховъ было не мало
Противъ мужа, своего владыки;
Царь совсѣмъ ея возненавидѣлъ.
Но царицу любятъ вѣрны слуги,
Не даютъ царю ее обидѣть.
Слуги просятъ за нее и молятъ;
Царь послушалъ вѣрную прислугу,
Далъ царицѣ жизни годъ единый.
Тутъ царица говорила сыну:
„Что намъ дѣлать, дорогой Иванъ мой?
„Хочешь ты оставить мать родную?"
Показались слезы у Ивана,

(*) Дивъ—нѣчто въ родѣ лѣшаго.

Говоритъ онъ матери-царицѣ:
„Ты послушай, матушка родная,
„Я хочу съ тобой бѣжать отсюда.“
Мать ему на это говорила:
„Такъ иди ты въ царскую конюшню
„И оттуда выведи Лабуда: (*)
„Будемъ мы бродить съ тобой по свѣту.“
Поднялся Иванъ на рѣзвы ноги,—
Какъ сказала мать, онъ такъ и сдѣлалъ
(Лѣтъ пятнадцать только лишь Ивану).
Онъ Лабуда быстраго выводитъ
Изъ конюшни, на него садится
И при этомъ говоритъ царицѣ:
„Ухожу я отъ отца родного.
„Безъ потомства онъ теперь остался...
„И куда-жъ мы отъ него уѣдемъ?“
Мать на это отвѣчаетъ сыну:
„Будемъ мы бродить и укрываться
„Отъ отца и мужа—государя;
„Будемъ мы бѣжать ночлеговъ тридцать,
„Чтобы царь о насъ не могъ услышать,
„А не только насъ увидѣть глазомъ.“
И бѣгутъ они по бѣлу свѣту.
Вотъ пришли къ горѣ, поросшей лѣсомъ,
Тамъ нашли прохладную пещеру.
Но жили въ пещерѣ этой дивы;
Семьдесятъ ихъ счетомъ ровно было,
Да надъ ними старшина ихъ дивскій.
Какъ Ивана дивы увидали,
Бросились къ нему, чтобъ обезглавить.
Но Иванъ-дитя и храбръ и силенъ!
Вынимаетъ острую онъ саблю
И на дивовъ храбро нападаетъ.
Перебилъ всѣхъ дивовъ онъ нещадно,
Старшина одинъ лишь ихъ укрылся.
Мать съ Иваномъ спали ночь въ пещерѣ.
А какъ утро ясное настало,
Усидѣть не могъ Иванъ на мѣстѣ
И пошелъ охотиться по лѣсу,
Взявъ съ собою быстраго Лабуда.
Наловилъ онъ сернъ, оленей быстрыхъ;
А какъ солнце къ западу склонилось,

(*) Названіе лошади. Въ былинахъ лошади часто носятъ собственное имя; Лабудъ—значитъ лебедь

Онъ въ пещеру къ матери вернулся
Со своей богатою добычей,
Что бъ обѣдъ для матери сготовить.
Мать Ивану съ лаской говорила:
„Сынъ Иванъ мой, не входи въ пещеру,
„Здѣсь у входа отдохни съ охоты.“
И Иванъ послушался царицы,
Спать улегся, не входя въ пещеру.
А царица увидала дива,—
Дивъ лѣсной кричитъ ей изъ пещеры:
„Подойди ко мнѣ ты, мать Ивана:
„Будемъ крѣпко мы любить другъ друга.“
Мать Ивана диву отвѣчала:
„Подходи ко мнѣ сюда ты лучше,
„Будемъ здѣсь съ тобой мы цѣловаться.“
Дивъ на то царицѣ отвѣчаетъ:
„Я боюся твоего Ивана:
„Семьдесятъ ужъ дивовъ погубилъ онъ.
„А когда войдетъ Иванъ въ пещеру,
„У него спроси-ка ты: на свѣтѣ
„Онъ кого боится, кромѣ Бога?
„А потомъ вы съ нимъ игру затѣйте:
„Онъ умомъ ребенокъ неразумный
„И тебѣ навѣрно проиграетъ.
„Позади ему ты свяжешь руки,—
„Я тогда раздѣлаюсь съ Иваномъ,
„И съ тобой мы будемъ жить безъ страха.“
И когда Иванъ вошелъ въ пещеру
И за ужинъ съ матерью усѣлся,
Мать его распрашивать тутъ стала:
„Сынъ мой милый, перебилъ ты дивовъ,
„Ходишь ты безъ страха по планинамъ..(*)
„А кого боишься кромѣ Бога?“
И Иванъ на то ей отвѣчаетъ:
„Одного я Господа боюся;
„А пока со мною Лабудъ быстрый,
„Не боюсь юнака никакого.“
Мать тогда Ивану говорила:
„О Иванъ мой, дорогое чадо!
„Мы съ тобой одни, мнѣ стало скучно.
„А давай-ка мы игру затѣмъ.“
И Иванъ на это согласился
Онъ и могъ бы обыграть царицу,

(*) Планина—гора, покрытая лѣсомъ.

Онъ бы могъ, но проигралъ нарочно!
Съ радостью царица закричала:
„Я тебя, сынокъ мой, обыграла.“
И ему она связала руки,
Ихъ до плечъ веревками скрутила.
Молодой Иванъ развелъ руками—
Разорвалъ на семь частей веревку.
А какъ утро ясное настало,
Вновь Иванъ пошелъ искать добычи.
Какъ дошелъ онъ до дороги царской, (*)
Повстрѣчалъ извозчиковъ съ обозомъ,
Съ ними вмѣстѣ старшина ихъ Рада;
Шестьдесятъ возовъ товару съ ними:
Все вино да бѣлая пшеница.
Къ нимъ Иванъ на путь-дорогу вышелъ,
Шапку снялъ и молвилъ, поклонившись:
„Васъ прошу, извозчики—продайте
„Шестьдесятъ своихъ возовъ съ това-
„Все вино и бѣлую пшеницу, [ромъ—
„Что бы могъ я съ матерью питаться;
„Заплачу червонцами литыми.“
Весь товаръ купилъ Иванъ за деньги.
У Ивана спрашиваетъ Рада,
Старшина извощиковъ: „Скажи намъ,
„Гдѣ свою ты матушку оставилъ?“
Имъ Иванъ сказалъ, что мать въ пещерѣ.
Всѣ туда отправились съ возами.
Какъ они къ пещерѣ приближались,
Разглядѣла издали царица,
Что идутъ туда, въ пещеру скрылась
И лѣсному диву говорила:
„Мы давай-ка вмѣстѣ думу думать:
„Вотъ Иванъ отсюда недалеко,
„Извести бы какъ его со свѣта...
„И тогда бъ мы зажили съ тобою.“
И на это дивъ ей отвѣчаетъ:
„Ты прикинься, будто заболѣла;
„И когда Иванъ про то услышитъ,
„За тебя бояться, вѣрно, станетъ
„И начнетъ распрашивать о пищѣ:
„Ты чего не хочешь ли съ болѣзни? (**)

(*) Такъ называется дорога изъ Вѣны въ Константинополь.

(**) У больныхъ иногда бываютъ капризы относительно пищи; это здѣсь и имѣется въ виду.

„Ты ему скажи: „Иванъ мой милый!
„«Принеси мнѣ яблочко отъ древа—
„«Что ростетъ надъ прудомъ Каладжинскимъ...»
„А въ прудѣ живетъ драконъ огромный,
„Онъ коней съ людьми глотаетъ разомъ;
„Тамъ живутъ еще два лютыхъ звѣря,
„Нѣтъ отъ нихъ пощады человѣку.
„Если тотъ драконъ не съѣстъ Ивана,
„Загрызуетъ его лютые звѣри.“
Вотъ Иванъ подъ сводъ пещеры входитъ
И находитъ мать свою больною.
У постели онъ ея садится,
Проливаетъ горестныя слезы:
„Тяжело мнѣ за тебя, родная!
„Ты не хочешь ли чего покушать?“
И на то царица отвѣчала:
„Принеси мнѣ яблочковъ отъ древа,
„Что стоитъ надъ прудомъ Каладжинскимъ;
„Ихъ поѣвъ, я вновь здоровой стану.“
Поднялся Иванъ на рѣзвы ноги,
Зауздалъ покорнаго Лабуда,
Въ путь поѣхалъ ночью непроглядной;
Прямо ѣдетъ къ водамъ Каладжинскимъ,
Въ воду гонитъ вѣрнаго Лабуда.
Плодъ завѣтный съ дерева сорвавши,
Правитъ снова къ берегу крутому.
Увидалъ его драконъ озерный,
На Ивана бросился со злобой.
А Иванъ изъ ноженъ вынувъ саблю,
Голову отсѣкъ ему съ розмаху.
Тутъ два лютыхъ бросилися звѣря
На Ивана, замутивши воду.
Но безстрашно сердце у Ивана:
Онъ звѣрей обоихъ взялъ живыми,
Привязалъ ихъ ко хвосту Лабуда
И горой лѣсистою поѣхалъ.
Пріѣзжаетъ къ матери въ пещеру,
Подаетъ плоды, какихъ желала.
Говорила тутъ царица сыну:
„Я тебя спрошу, родное чадо:
„Еслибъ ты разбойникамъ попался,
„По планинамъ и горамъ блуждая,

„И тебѣ бъ они связали руки,—
„Что бы руки тутъ твои сдержало?“
Отвѣчаетъ ей Иванъ на это:
„Удержать меня ничто не можетъ,
„А удержитъ лишь ремень воловій.“
Услыхала это мать Ивана,
Поднялась она на ноги съ ложа
И ремень воловій отыскала;
Тѣмъ ремнемъ она Ивану руки
Отъ локтей и до ногтей скрутила,—
Даже кровь изъ-подъ ногтей сочится.
Началъ тутъ Иванъ просить царицу:
„Ради Бога, мать моя родная,
„Развяжи ремни, рукамъ дай волю:
„Туги связки,—онѣмѣли руки.“
Встала съ мѣста радостно царица,
Громко кличетъ дива изъ пещеры.
Изъ пещеры дивъ лѣсной выходитъ
И Ивана начинаетъ мучить:
Оба глаза выколовъ нещадно,
Изъ пещеры выбросилъ Ивана.
Эта ночь несчастная проходитъ,
Засіяло утро золотое;
Говорила тутъ царица диву:
„Ты послушай, дивъ мой ненаглядный!
„Ты возьми незрячаго Ивана,
„Посади на быстраго Лабуда
„И вези его къ опушкѣ лѣса:
„Брось Ивана тамъ въ сырую яму.“
Дивъ поднялся, хочетъ взять Ивана;
Закричалъ Иванъ и молитъ дива,
„Заклиная Богомъ Милосерднымъ:
„Не бросай меня въ сырую яму,
„А оставь здѣсь на большой дорогѣ.“
Но царица говорила диву:
„Брось Ивана въ яму: онъ опасенъ.“
И повелъ Ивана дивъ къ опушкѣ,
Тамъ его въ сырую яму бросилъ.
Но бѣда и съ дивомъ приключится!
Самъ его тогда Господь попуталъ:
Бросивъ въ яму бѣднаго Ивана,
У нея онъ привязалъ Лабуда.
Ржетъ Лабудъ и бьетъ своимъ копытомъ,
Разрывая землю и коренья,—
Хочетъ онъ достать Ивана зубомъ,
Вытянуть его на свѣтъ изъ ямы.
Вотъ изъ лѣса раздается топотъ:
Торговцы путемъ—дорогой ѣдутъ,
Съ ними вмѣстѣ старшина ихъ Рада.
Онъ выходитъ на опушку лѣса,
Слышитъ ржанье,—усмотрѣлъ Лабуда.
Старшина товарищамъ промолвилъ:
„Это Лабудъ нашего Ивана...
„Чтожъ онъ ржетъ и бьется у опушки?
„Не бѣдь ль съ Иваномъ приключилась?
„Подойдемъ поближе и посмотримъ.“
Вотъ подходятъ къ ямѣ: бьется Лабудъ,
Копытомъ указываетъ въ бездну.
Взялъ канатовъ ровно тридцать Рада,
Приказалъ ссучить ихъ по два вмѣстѣ,—
Вышло такъ пятнадцать всѣхъ канатовъ.
Ими Рада крѣпко окрутился,
И его извозчики спустили
(Было тридцать ихъ) въ сырую бездну.
Чуть живымъ нашелъ Ивана Рада,
Изъ проклятой ямы на свѣтъ вынулъ,
Съ рукъ поснялъ, сорвалъ ремни тугіе
И хотѣлъ везти его съ собою.
Говорилъ ему Иванъ несчастный:
„Во Христѣ мой братъ, тебя прошу я:
„Не веди меня съ собой по свѣту,
„Посади меня ты на Лабуда:
„Я поѣду къ водамъ Каладжинскимъ,—
„Умираю отъ несносной жажды.
„Кто нибудь изъ васъ, прошу, пусть схо-
„На Косово, къ посестримѣ въ Богѣ, [дитъ
„Къ посестримѣ корчмарицѣ Янѣ:
„Пусть приходитъ Яня къ Каладжину,
„Пусть возметъ меня съ собой въ Косово.
„И смышлена Яня и разумна,
„Гусляра ея нѣтъ въ свѣтѣ лучше,—
„Можетъ быть играть меня научитъ.“
Какъ просилъ Иванъ, такъ сдѣлалъ Рада:
На коня онъ посадилъ Ивана
И, отвезши къ водамъ Каладжина,
Тамъ оставилъ; да къ сестрѣ Ивана
Посылалъ гонца. Узнала Яня—
Двое слугъ зоветъ къ себѣ немедля;

Слуги ей ведутъ коня лихаго,
Съ нею ѣдутъ къ водамъ Каладжинскимъ.
А Иванъ у озера томится,
Онъ кричитъ и стонетъ, какъ змѣенышъ.
Это слышитъ вила съ горъ лѣсистыхъ:
Прилетѣла къ бѣдному Ивану,
Видитъ—оба выколоты глаза.
Тутъ она водой его умыла
И, молитву сотворивши Богу,
Возвратила зрѣніе Ивану:
Божій свѣтъ опять Иванъ увидѣлъ,
Вновь увидѣлъ вѣрнаго Лабуда.
И пошелъ Иванъ гулять по брегу,
Самъ идетъ и пѣсни распѣваетъ:
„Честь и слава Господу во вѣки:
„Онъ меня избавилъ отъ напасти;
„Но безчестье матери-царицѣ,
„Что дитя родное ослѣпила!“
На конѣ ретивомъ Яна ѣдетъ.
Увидала издали Ивана,—
Плачетъ горько и смѣется вмѣстѣ:
„Какъ я рада, побратимъ мой милый!
„Слава Богу, что очами видишь.“
Обнимаетъ брата и цѣлуетъ,
Про его распрашиваетъ горе,
Потерпѣлъ какія онъ мученья
Отъ своей онъ матери проклятой.
Распросивши обо всемъ другъ друга,
Выпили вина и распростились:
На Косово Яня отправлялась,
А Иванъ искать враговъ поѣхалъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ лѣсной пещерѣ,
Предъ пещерой видитъ онъ царицу,—
Диву чешетъ голову гребенкой.
Какъ царица увидала сына,
Тутъ со страхомъ диву говорила:
„Горе, дивъ мой! вотъ Иванъ вернулся!“
Дивъ вскочилъ и побѣжалъ въ пещеру,
А царица бросилася въ чащу.
Но Иванъ сейчасъ схватилъ царицу
И, связавъ ей крѣпко обѣ руки,
Посадилъ на быстраго Лабуда;
А за тѣмъ снялъ голову онъ диву.
На Лабуда сѣвъ, онъ путь направилъ
Въ ту страну, гдѣ жилъ его родитель.
Слуги вѣсти до царя доносятъ,
Что любимый сынъ его ужъ близко.
Первый вѣстникъ за свое извѣстье
Получилъ себѣ коня лихого.
А второму за его извѣстье
Приказалъ отецъ дать много денегъ;
Третьему за вѣсть его—даруетъ
Царь сукна некроеннаго штуку.
А когда Иванъ совсѣмъ былъ близко,
Доносили слуги государю:
„Государь, твой сынъ отсюда виденъ!“
Царь вскочилъ съ золоченаго трона
И встрѣчаетъ дорогого сына,
Обнимаетъ, къ сердцу прижимаетъ,
Говоритъ такую рѣчь Ивану:
„Я тебя прощаю, сынъ мой милый!
„Что со мною старикомъ ты сдѣлалъ?
„Думалъ я, что ты ужъ не вернешься.“
И устроилъ царь тутъ пиръ великій.
Разсказалъ Иванъ о томъ, что было,
Что съ нимъ мать безбожно учинила.
Всѣ вскочили, бросились къ царицѣ,
На нее рубашку одѣвали—
Вся рубашка и въ смолѣ и дегтѣ—
Съ четырехъ сторонъ зажгли царицу.
Завопила въ ужасѣ царица:
„Сынъ Иванъ, не дай ты мнѣ погибнуть!
„Я пылаю на огнѣ горючемъ.“
—„Такъ тебѣ проклятая и надо!“
И царица вся въ огнѣ сгорѣла.

4. Братья и сестра.

Девять милыхъ сыновей растила
Мать старуха и одну лишь дочку.
Выростали сыновья старухи,
Стала дочь пригожею невѣстой.
Жениховъ не мало у дѣвицы:
Генералъ, богатый банъ; а третій
Былъ сосѣдъ ихъ изъ села родного.
Мать хотѣла выдать за сосѣда;
Но совѣтъ сестрѣ давали братья—
Повѣнчаться съ баномъ изъ-за моря.

Говорили братья: „О, сестрица,
„Выходи за бана изъ-за моря.
„Будемъ мы съ тобой видаться часто,
„Будемъ часто приходить мы въ гости—
„Каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю."
И сестра послушалася братьевъ,
Повѣнчалась съ баномъ изъ-за моря.
Чудо здѣсь великое случилось!
Наступала тяжкая година:
Умирало девять милыхъ братьевъ,
Мать одна старуха оставалась.
Такъ проходятъ долгіе три года;
И тоскуетъ, плачется Елица:
„Милосердный Боже, всемогущій!
„Противъ братьевъ чѣмъ я согрѣшила,
„Что ко мнѣ такъ долго не приходятъ?"
А надъ ней невѣстки насмѣхались:
„Ты, должно быть, братьямъ надоѣла:
„Не хотятъ и видѣться съ тобою."
Горько плачетъ бѣдная Елица,
Горько плачетъ вечеромъ и утромъ.
Сжалился Господь надъ нею: съ неба
Ангеловъ двоихъ онъ посылаетъ:
„Вы идите, ангелы, на землю,
„И откройте бѣлый гробъ Ивана,—
„Что моложе братьевъ всѣхъ Елицы;
„Въ мертвый трупъ вдохните жизнь, изъ
„Гробовыхъ, коня ему создайте, [досокъ
„Изъ земли колчанъ и быстры стрѣлы,
„Изъ покрова выкройте подарки,
„И къ сестрѣ его пошлите въ гости."
Полетѣли Ангелы Господни
На могилу юнаго Ивана:
Мертвый трупъ дыханьемъ оживили:
Создали коня изъ бѣла гроба,
Изъ земли колчанъ ему смѣсили,
Изъ покрововъ рѣзали подарки;
Посылали свидѣться съ сестрою.
Скоро ѣдетъ братъ къ сестрѣ Елицѣ;
Ко двору сестры онъ подъѣзжаетъ.
Издали она его узнала
И на встрѣчу выбѣжала брату,
Зарыдала, обняла руками
И въ уста Ивана цѣловала,
Говорила, жаловалась брату:
„Ужъ не вы ли, братья, мнѣ клялися,
„Выдавая замужъ на чужбину,
„Что ходить вы будете нерѣдко—
„Каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю.
„Вотъ прошло три года, и ни разу
„Не пришелъ никто меня провѣдать!"
И еще такъ брату говорила:
„Отъ чего ты сталъ, угрюмый, черный,—
„Будто былъ ты подъ сырой землею?"
Отвѣчаетъ ей Иванъ на это:
„Ахъ молчи и не гнѣви ты Бога!
„У меня было заботъ не мало:
„Какъ хотѣли пожениться братья,
„Я служилъ-прислуживался снохамъ;
„А женились наши восемь братьевъ,
„Я имъ хаты бѣлыя построилъ.
„Потому сталъ чернымъ я, Елица."
Прогостилъ три дня онъ. И Елица
Начинанала собирать подарки,
Что бы снохъ ей подарить и братьевъ:
Братьямъ кроитъ шелковы рубашки,
Перстни снохамъ съ кольцами готовитъ.
Говорилъ Иванъ, просилъ Елицу:
„Не ходи со мною, дожидайся:
„И другіе братья придутъ въ гости."
Но Елица обождать не хочетъ,
А готовитъ дороги подарки.
Отправлялись вмѣстѣ братъ съ сестрою.
А какъ близко къ дому подходили,—
Видятъ—церковь новая бѣлѣетъ.
Говорилъ Иванъ своей Елицѣ:
„Обожди меня, моя сестрица,
„Я схожу за церковь: какъ женился
„Средній братъ нашъ, въ этомъ самомъ
„Затѣрялъ кольцо я золотое. [мѣстѣ
„Поищу теперь его, сестрица."
И ушелъ Иванъ, въ могилу скрылся.
Осталась одна сестра у храма,
Ожидаетъ молодого брата;
А потомъ искать пошла и видитъ—
Новое за церковью кладбище:
Догадалась сразу тутъ Елица,
Что Иванъ ея давно скончался.

Торопясь идетъ къ родному дому.
Къ воротамъ она подходитъ, видитъ—
Голоситъ тамъ жалобно кукушка.
Не была то сѣрая кукушка,
А старуха мать ея родная.
Закричала у воротъ Елица:
„Отвори мнѣ, матушка родная!“
Говоритъ старуха изъ-за двери:
„Это смерть моя... Уйди отсюда!
„Сыновей моихъ ты уморила
„И за мною наконецъ приходишь.“
Говорила ей на то Елица:
„Отвори мнѣ, матушка, ворота!
„Нѣтъ, не смерть къ тебѣ пришла отъ [Бога,
„Это я, твоя родная дочка.“
Отворила мать Елицѣ двери;
Зарыдали обѣ, обнялися,
Другъ ко другу грудію прижались
И упали мертвыми на землю.

---

5. **Миланъ-бегъ и Драгутинъ-бегъ.** (*)

Бегъ-Миланъ и Драгутинъ-бегъ, братья,
Жили вмѣстѣ въ дружбѣ и согласьи.
И другъ друга такъ они любили,
Что подъ ними кони цѣловались.
Бегъ Миланъ такъ молвитъ Драгутину:
„Драгутинъ мой братъ! давай съ тобою
„Мы на красныхъ женимся дѣвицахъ.“
Драгутинъ на это отвѣчаетъ:
„Милый братъ, легко вѣдь пожениться,
„А когда поженимся съ тобою,
„Непремѣнно жены насъ поссорятъ,
“Захотятъ, что бъ стали жить мы розно,
„Намъ дома отдѣльные построятъ,
„Между ними разведутъ терновникъ,
„Прокопаютъ ровъ съ водой глубокой,—
„Чтобы росъ терновникъ, разростался,
„И нельзя намъ было бы встрѣчаться.“
Но Миланъ совѣта не послушалъ:
Онъ созвалъ къ себѣ нарядныхъ сватовъ
И засваталъ красную дѣвицу;
Въ домъ привелъ жену, и начиналось
Пированье, красное веселье.
А какъ ночь была уже къ полночи,
Молодыхъ въ ихъ спальню отводили.
Входитъ въ спальню бегъ Миланъ; невѣста
Передъ нимъ стоитъ подъ покрываломъ.
За собой онъ двери затворяетъ
И съ лица снимаетъ покрывало:
Словно солнце, ликъ жены сіяетъ.
Обнимаетъ бегъ Миланъ дѣвицу,
Хочетъ крѣпко съ ней поцѣловаться.
Говоритъ тутъ дѣвушка Милану:
„Бегъ Миланъ, мой господинъ! послушай:
„Поцѣлуя я не дамъ, покуда
„Не увижу головы кровавой
„Драгутина, на землѣ въ воротахъ.“
Бегъ—Миланъ дѣвицѣ отвѣчаетъ:
„Говоришь ты неразумно, дѣва!
„Больше глазъ своихъ его люблю я;
„Кто бы могъ поднять на брата руку?“
Тутъ жена Милану говорила:
„Можешь такъ сгубить ты Драгутина:
„Только утро завтра засіяетъ,
„Отправляйся на охоту въ горы
„И зови съ собою Драгутина.
„Вы возьмете соколовъ и гончихъ.
„Какъ найдете стаю куропатокъ,
„Соколовъ на нихъ своихъ пускайте;
„На оленей и на сернъ пугливыхъ
„Выпускайте вашихъ гончихъ стаю.
„Напослѣдокъ, дорогой Миланъ мой,
„Ты устрой облаву въ темной добрѣ
„На лютого льва; а Драгутина
„Ты поставь въ засадѣ противъ звѣря:
„Выскочитъ изъ чащи звѣрь и разомъ
„Драгутина твоего погубитъ.“
И Миланъ на это согласился,
Обѣщалъ, что завтра все исполнитъ,
И тогда лишь облобзалъ невѣсту.
Только утро въ небѣ засіяло,
Поднимался бегъ—Миланъ съ постели;
Онъ идетъ въ покои Драгутина,
Что бъ будить его и звать на ловлю.
Но Драгутинъ—бегъ уже проснулся:

(*) Бегъ—значитъ господинъ, благородный человѣкъ.

Онъ къ окну главою прислонился
И сидитъ задумавшись глубоко.
Съ нимъ Миланъ здоровался привѣтно.
Драгутинъ ему отвѣтилъ также.
Говоритъ Миланъ: „Мой братъ любимый,
„Порѣшилъ я ѣхать на охоту;
„Поѣзжай со мною вмѣстѣ въ горы.“
Драгутинъ на это отвѣчаетъ:
„Дорогой Миланъ мой, братъ любимый!
„Сонъ недобрый ночью мнѣ приснился:
„Молнія отъ запада блеснула,
„Изъ небесъ безоблачныхъ внезапно
„Грянулъ громъ надъ нашимъ мирнымъ домомъ...
„Я погибъ, а ты чуть живъ остался.“
Говоритъ Миланъ на это брату:
„Братъ родной мой, дорогой Драгутинъ!
„Сонъ мечта, лишь истина у Бога.
„Развѣ можно грезамъ соннымъ вѣрить?
„Поѣзжай со мною на охоту.“
И на то Драгутинъ согласился:
„Прикажи, чтобъ слуги выходили,
„Собирали соколовъ и гончихъ;
„Я жъ иду съ снохою попрощаться.“
Тутъ онъ быстро всталъ на рѣзвы ноги
И пошолъ къ снохѣ въ высокій теремъ.
Входитъ онъ къ снохѣ въ ея свѣтлицу.
У окна она тогда стояла.
Передъ нимъ сноха на ноги встала,
Пожелала Драгутину счастья
И его поцѣловала руку;
На злаченый стулъ его сажала,
Подносила кофе и ракію. (*)
Говорилъ снохѣ своей Драгутинъ:
„Ой сестра, Миланова супруга!
„Длинный путь вчера ты совершила
„На конѣ верхомъ. Ты утомилась?
„Хорошо ль сегодня отдохнула
„Во свѣтлицѣ, на постелѣ мягкой
„У Милана на рукѣ на правой?“
Драгутину говоритъ невѣстка:
„Добрый деверь, золотой мой перстень!
„Утомилась я вчера въ дорогѣ,
„Но сегодня славно отдохнула—
„Во свѣтлицѣ, на постелѣ мягкой,
„На десницѣ твоего Милана.“
Посмотрите вы на Драгутина:
Опускаетъ онъ въ карманы руку,
Вынимаетъ девять чудныхъ перстней,
Всѣ они изъ золота литого,
Въ нихъ сіяютъ дорогіе камни,—
Да еще беретъ онъ сто червонцевъ
И снохѣ любимой въ даръ подноситъ.
Та ему цѣлуетъ бѣлу руку,
Вынимаетъ золотой платочекъ
И даритъ отвѣтно Драгутина.
Отправлялись братья на охоту.
Выпускаютъ соколовъ проворныхъ,—
Тѣ имъ ловятъ сѣрыхъ куропатокъ;
Выпускаютъ стадо быстрыхъ гончихъ,
Сернъ, оленей съ мѣста поднимаютъ.
Напослѣдокъ сдѣлали облаву
На лютаго льва. Миланъ поставилъ
На облавѣ брата Драгутина
Въ мѣсто то, откуда звѣрь ударитъ.
Зашумѣли ловчіе въ трущобѣ,
Выгоняли льва; туда онъ мчится,
Гдѣ стоитъ въ засадѣ бегъ—Драгутинъ.
Только звѣрь увидѣлъ Драгутина,
На него и бросился свирѣпо.
Бегъ Драгутинъ защищался храбро:
Онъ бросалъ полѣнья и каменья,
Чтобъ отбиться отъ лютаго звѣря;
Напослѣдокъ и платокъ онъ бросилъ,
Что сноха на память подарила.
Но не могъ отбиться онъ отъ звѣря.
И кричать сталъ Драгутинъ Милану:
„Гдѣ ты братъ мой? Поспѣши скорѣе,
„Погибаю я отъ люта звѣря.“
Драгутина крикъ Миланъ услышалъ.
Стало жаль ему родного брата,
И бѣжитъ Миланъ сразиться съ звѣремъ.
Подбѣгаетъ къ мѣсту онъ засады,—
Передъ нимъ лежитъ Драгутинъ мертвый:
Обезглавилъ левъ его свирѣпый.
Жаль Милану стало Драгутина:
Сѣлъ верхомъ онъ на коня поспѣшно

(*) Ракія—напитокъ, напоминающій водку.

И въ свой домъ поѣхалъ. Входитъ въ [теремъ,
Взялъ жену свою за бѣлы руки—
И ее бросаетъ изъ свѣтлицы,
Изъ свѣтлицы на помостъ изъ камней.
Тутъ она и духъ свой испустила.
Взялъ Миланъ съ дукатами котомку,
Осѣдлалъ себѣ коня лихого,
Бросилъ дворъ со всѣмъ своимъ богат- [ствомъ
И пошелъ бродить по бѣлу свѣту.

6. Муйо и Алія.

Дружно жили два юнака храбрыхъ,
Первый Муйо, а другой Алія.
Такъ они между собой дружили,
Что конями борзыми мѣнялись
И оружьемъ свѣтлымъ, драгоцѣннымъ.
Вдутъ братья вмѣстѣ на охоту.
Видятъ—утка на водахъ озерныхъ,
У нея всѣ перья золотыя.
Сокола пускалъ на утку Муйо,
А Алія ястреба ручного;
И они тотчасъ поймали утку.
„Соколъ взялъ,“ твердилъ Алію Муйо;
А Алія: „Нѣтъ, ручной мой ястребъ.“
Этимъ Муйо крѣпко огорчился.
Сѣли братья подъ зеленой елью,
Стали пить вино и засыпали
Отъ вина подъ елью сномъ глубокимъ.
Это видятъ горныя три вилы.
Что постарше—младшимъ молвитъ тихо:
„Дружны очень храбрые юнаки;
„Если бъ кто изъ васъ друзей поссорилъ,
„Я дала бъ той желтыхъ сто цехиновъ.“
Тотчасъ вила младшая взвилася,
Поднялась на лебединыхъ крыльяхъ
И усѣлась надъ главою Муйя:
Проливаетъ горестныя слезы,—
Льются слезы, жгутъ лицо юнака.
Пробудился Муйо какъ безумный,
Оглядѣлся, дѣвушку увидѣлъ
И Алію друга скоро будитъ:
„Встань, Алія, и домой поѣдемъ.“
Всталъ Алія ото сна на ноги
И съ укоромъ отвѣчаетъ другу:
„Чтобъ тебя да ржавчина поѣла:
„Двѣ имѣешь, я же ни единой“ (*)
Горько это показалось Муйо:
Изъ поженъ кинжалъ онъ быстро вынулъ
И ударилъ въ бѣлу грудь Алію,—
Палъ Алія, кровью обливаясь.
На коня садился скоро Муйо,
На сѣдло взялъ дѣвушку съ собою
И поѣхалъ горною дорогой.
Громко ржетъ и бьется конь Аліи;
Умирая закричалъ Алія:
„Муйо, другъ мой, побратимъ мой милый!
„Повернися и возьми съ собою
„Моего коня, чтобъ это ржанье
„Не стояло надъ горой лѣсистой,
„Чтобъ молва не разошлась далеко,
„Какъ ты друга своего обидѣлъ.“
То услыша, Муйо повернулся,
Взялъ Аліи лошадь вороную,
На нее пересадилъ дѣвицу
И помчался горною дорогой.
Полдороги Муйо ужъ проѣхалъ;
На пути онъ ворона встрѣчаетъ,
Правое крыло его отбито.
Говоритъ тутъ Муйо черной птицѣ:
„Ты несчастна, птица, черный воронъ.
„Безъ крыла какъ станешь жить на [свѣтѣ?“
Отвѣчаетъ Муйо черный воронъ:
„Таково мнѣ безъ крыла десного,
„Какъ и брату безъ милаго брата,
„Какъ тебѣ, мой Муйо, безъ Аліи.“
Низко Муйо головой поникнулъ:
„Зло большое сдѣлалъ я сегодня...
„И какъ этотъ воронъ укоряетъ,
„Укорять меня всѣ люди станутъ.“
Говорила горная тутъ вила:
„Повернемъ назадъ коней къ Аліи;
„Знаю я цѣлебныя лѣкарства,
„Можетъ быть и вылѣчу я брата.“
Повернулъ коня обратно Муйо;
Подъѣзжаетъ къ озеру,—и что же
Оглянувшись видитъ за собою?

(*) Или Муйо былъ женатъ, или Аліи показалось, что подлѣ Муйя стояло двѣ женщины. Прим. Кораджича.

Конь бѣжитъ, а нѣтъ на немъ дѣвицы!
Наклонился надъ Аліей Муйо,
А того ужъ тѣло холодѣетъ.
Какъ увидѣлъ Муйо трупъ Аліи,
Изъ ноженъ кинжалъ свой быстро вынулъ
И вонзилъ себѣ въ живое сердце.

---

7. Змѣй женихъ.

Слушайте, про чудо разскажу вамъ!
Оженился нашъ король Будимскій.
Годъ, другой и девять ужъ проходитъ,
Но дѣтей все нѣтъ у королевы.
Собирался разъ король Милютинъ
На охоту по лѣсамъ, планинамъ. (*)
Но ужъ такъ и Богъ и счастье дали,—(**)
Не поймалъ онъ звѣря никакого.
Одолѣла жажда Милутина;
Онъ пошелъ къ студеному колодцу,
Освѣжился тамъ водой холодной
И за елью отдохнуть усѣлся.
Вотъ немного времени проходитъ,
И три горныхъ вилы къ водопою,
Къ ключевой водѣ подходятъ вмѣстѣ.
Напились они воды холодной
И бесѣду здѣсь же начинали.
Та изъ вилъ, что старше, говорила:
„Слушайте, что я скажу вамъ, дочки!
„Сколько лѣтъ прошло, какъ оженился
„Милутинъ, король нашъ надъ Будимомъ?
„Девять лѣтъ прошло, какъ онъ вѣнчался;
„Но дѣтей все нѣтъ у королевы.“
Говорила эта вила дальше:
„Кто изъ васъ такое знаетъ средство,
„Что бъ жена его затяжелѣла?“
Обѣ вилы младшія ни слова,
Та жъ, что старше, дальше продолжаетъ:
„Еслибъ зналъ король, что я лишь знаю!
„Стоитъ лишь собрать дѣвицъ будимскихъ,
„Пусть онѣ сплетутъ изъ злата неводъ,
„Этотъ неводъ пусть въ Дунай закинутъ
„И поймаютъ рыбку златоперку.
„Взять перо лишь правое имъ надо
„И пустить обратно рыбу въ рѣку.
„Нужно дать перо то королевѣ,
„И она беременною станетъ.“
Милутинъ все слушаетъ и видитъ.
Онъ къ Будиму ѣдетъ торопливо,
Собираетъ дѣвушекъ будимскихъ,
Отдаетъ имъ золота безъ счета,
Что бъ онѣ сплетали частый неводъ.
Этотъ неводъ онъ въ Дунай бросаетъ.
Богъ и счастье такъ ему даруютъ,—
Златоперку неводомъ поймали.
Взялъ крыло онъ правое у рыбки,
Самую же рыбку бросилъ въ воду.
Къ королевѣ онъ крыло приноситъ.
Лишь перо то съѣла королева,
Въ тотъ же часъ беременною стала.
Цѣлый годъ она во чревѣ носитъ,
Наконецъ пришелъ и день рожденья:
Не ребенокъ у нея родился,
А змѣенышъ лютый; какъ родился,
Палъ на землю и въ стѣнѣ укрылся.
Побѣжала королева къ мужу,
Милутину говорила плача:
„Тяжелѣе чѣмъ холодный камень
„Вѣсть моя тебѣ на сердце ляжетъ!..
„Не ребенокъ у меня родился,
„А змѣенышъ лютый: палъ на землю
„И потомъ укрылся подъ стѣною.“
Королевѣ Милушинъ на это:
„Слава Богу за его дѣянья!“
Семь ужъ лѣтъ прошло. И вотъ изъ щели
Говоритъ змѣенышъ Милутину:
„Дорогой отецъ, король Будимскій!
„Осѣдлай-ка ты коня лихого
„И отправься ко Призрѣну граду;
„Славный царь тѣмъ градомъ управляетъ.
„За меня онъ, вѣрно, выдастъ дочку.“
Какъ услышалъ то король Будимскій,
Осѣдлалъ себѣ коня лихого
И поѣхалъ ко Призрѣну граду.
Подъѣзжаетъ къ городу Призрѣну;
Издалека царь его Призрѣнскій

(*) Планина—гора, покрытая лѣсомъ.

(**) Счастье-среча—у сербовъ считается чѣмъ то въ родѣ особаго божества.

Увидалъ съ своей высокой башни.
Къ Милутину онъ на встрѣчу вышелъ,
На дворѣ встрѣчалъ его широкомъ:
Обнимался съ нимъ и цѣловался
О здоровьѣ спрашивалъ юнацкомъ
И вводилъ за руку въ свѣтлый теремъ.
Слуги взяли лошадь Милутина,
Чтобъ поставить въ новую конюшню.
Три дня цѣлыхъ вмѣстѣ пировали
Короли и пили крѣпки вина;
Отъ вина ихъ лица раскраснѣлись,
Языки ракія развязала.
Безпокоенъ сталъ король Будимскій,
И Призрѣнскій царь, замѣтивъ это,
Говоритъ ему: „Господь съ тобою,
„Не бѣда ли у тебя какая?
„Что такое у тебя на сердцѣ?“
Милутинъ на это отвѣчаетъ:
„Разскажу тебѣ я, царь Призрѣна...
„Помнишь ли, когда я оженился?
„Девять лѣтъ сполна ужъ проходило,
„А дѣтей жена мнѣ не рожала;
„А когда минули эти годы,
„У жены моей тогда родился
„Не ребенокъ, а змѣенышъ лютый.
„Какъ родился, и поползъ подъ стѣнку.
„Вотъ семь лѣтъ промчались незамѣтно...
„Говоритъ тутъ сынъ мой изъ-подъ стѣнки:
„«Дорогой отецъ, король Будимскій!
„«Что ты ждешь, чего меня не женишь?»
„Я на это отвѣчаю змѣю:
„«О змѣенышъ, сынъ ты мой несчастный!
„«Кто же выдастъ дочь свою за змѣя?»
„Но на это змѣй мнѣ отвѣчаетъ:
„«Государь отецъ, король Будима!
„«Осѣдлай коня себѣ лихого,
„«Поѣзжай-ка къ городу Призрѣну:
„«Славный царь тѣмъ градомъ управляетъ,
„«За меня онъ, вѣрно, выдастъ дочку.»
„Собираться сталъ я въ путь-дорогу
„И къ тебѣ, какъ видишь самъ, пріѣхалъ.“
Говоритъ на это царь Призрѣна:
„Вотъ послушай, господинъ Будима!
„Возвращайся въ свой родимый городъ
„И скажи такъ змѣю: если можетъ
„Довести весь свадебный свой поѣздъ
„Отъ Будима такъ онъ до Призрѣна,
„Что бы солнце ихъ не освѣтило,
„Ни роса ночная не смочила,—
„Если змѣй съумѣетъ это сдѣлать,
„За него свою я выдамъ дочку.“
Выслушалъ такую рѣчь Милютинъ,
На коня садился и помчался
Черезъ поле къ городу Будиму,
Какъ звѣзда падучая по небу.
Вотъ король къ Будиму подъѣзжаетъ,
Говоритъ себѣ: „Какое горе!
„Какъ теперь найти мнѣ змѣя-сына,
„Передать ему царя рѣшенье?“
Но какъ разъ у самыхъ вратъ Будимскихъ
Ожидаетъ змѣй его и молвитъ:
„Дорогой отецъ мой, отдаетъ-ли
„Царь Призрѣна дочь свою мнѣ въ жены?“
Милутинъ на это отвѣчаетъ:
„Сынъ змѣенышъ, мой потомокъ горькій!—
„Если сможешь довести всѣхъ сватовъ
„Отъ Призрѣна до Будима града
„Такъ, что бъ солнце васъ не освѣтило,
„Ни роса ночная не смочила,—
„За тебя свою онъ выдастъ дочку;
„Если жъ сдѣлать этого не сможешь,
„Царь не выдастъ за тебя дѣвицы.“
Змѣй ему на это отвѣчаетъ:
„Собирай гостей, поѣдемъ сватать;
„Поведу свой свадебный я поѣздъ:
„Солнце насъ лучами не освѣтитъ,
„И роса ночная не замочитъ.“
Собиралъ гостей король не мало,
Тысячу собралъ нарядныхъ сватовъ.
У крыльца собрался пышный поѣздъ.
Выводили лошадь Милутина.
Закричали вѣстники-чауши:
„Все готово, сваты дорогіе!
„Все готово, молодой женихъ нашъ!“
Какъ услышалъ змѣй, что все готово,
Изъ стѣны тотчасъ наружу выползъ,
По ногѣ коня къ сѣдлу поднялся,

На сѣдлѣ своемъ въ клубокъ завился.
Изъ Будима выѣхали сваты.
Поднималось облако сѣдое
Отъ Будима града до Призрѣна:
Солнце ихъ лучемъ не освѣтило,
Не смочила ихъ роса ночная.
Подъѣзжаютъ къ городу Призрѣну,
Подъѣзжаютъ къ царскому жилищу;
По двору коней проводятъ сваты,
Не проводитъ лишь коня змѣенышъ,—
По двору конь ходитъ самъ собою.
Царь радушно сватовъ принимаетъ,
Дорогіе имъ даритъ подарки:
Каждому по шелковой рубашкѣ,
Жениху же сокола и лошадь
И еще красавицу невѣсту.
Закричали вѣстники-чауши:
„Все ль готово, сваты дорогіе!
„Время въ путь намъ, гости-поѣзжане!
„Время въ путь, красавица-невѣста!
„Время намъ отправиться въ дорогу!“
Сѣли гости на коней съ невѣстой.
Это змѣй изъ-подъ стѣны увидѣлъ,
Выползъ онъ оттуда и взобрался
На сѣдло чрезъ конское копыто
И кольцемъ вокругъ сѣдла завился.
Изъ Призрѣна поѣздъ выступаетъ.
Поднималась туча темной пыли.
Разыгрались подъ сватами кони;
Разыгрался борзый конь подъ змѣемъ:
Мостовую конь разбилъ въ Призрѣнѣ,
Всю дорогу торную испортилъ;
За двѣнадцать лѣтъ нельзя поправить,
Столько онъ нанесъ царю убытковъ.
Доѣзжали веселы и здравы,
Доѣзжали гости до Будима;
Веселились цѣлую недѣлю.
Наконецъ окончилось веселье.
Ѣдутъ гости ко дворамъ, остался
Змѣй, какъ прежде, подъ своей стѣною,
А король сталъ управлять народомъ.—
Вотъ приходитъ время, что бы вмѣстѣ
Молодыхъ наединѣ оставить:
Повели красавицу невѣсту,
Повели на башню во свѣтлицу.
Какъ ужъ ночь дошла до половины,
Что то вдругъ въ свѣтлицѣ зашумѣло.
Крадется не слышно королева
Съ этажа и на этажъ до верху:
Отворила дверь въ высокій теремъ—
Что же видитъ? Чудо, да какое!
На подушкѣ бѣлой кожа змѣя;
На постелѣ жъ спитъ красавицъ юный,
Обнимаетъ дочь царя Призрѣна.
Рада мать за сына дорогого!
Унесла царица кожу змѣя
И сейчасъ въ огонь ее метнула,
И бѣжитъ къ царю: „Дождались счастья!
„Я взошла на верхъ высокой башни,
„Дверь неслышно въ теремъ отворила;
„На подушкѣ—вижу—кожа змѣя,
„На постелѣ жъ спитъ красавецъ юный,
„Обнимаетъ дочь царя Призрѣна.
„Унесла я тихо кожу змѣя,
„На горячій жаръ ее метнула.
„Ужъ не будетъ сынъ теперь нашъ
И бѣжитъ опять она на башню. [змѣемъ!“
Что же видитъ? Горе ей несчастной!
На постелѣ мертвъ красавецъ юный,
А жена его цѣлуя плачетъ,
Королеву горько упрекаетъ:
„Горе мнѣ, о Боже Милосердный!
„Остаюсь я молодой вдовою!
„О, свекровь, Господь тебя накажетъ!
„Ты сама, царица, неразумно
„На себя накликала несчастье!“
Такъ сгубила мать родного сына.
Пѣснь отъ насъ, отъ Бога намъ здоровье.
Какъ намъ лгали, такъ и вамъ раз-
скажемъ.

Примѣчаніе. Сказка съ подобнымъ же содержаніемъ существуетъ у насъ, русскихъ. Послѣдній стихъ сербской пѣсни свидѣтельствуетъ объ отношеніи къ ней пѣвца.

8. Симеонъ—найденышъ.

Рано всталъ старикъ отецъ игуменъ,
И пошелъ онъ къ тихому Дунаю
Зачерпнуть себѣ воды студеной,

Что бъ умыться и молиться Богу.
И нашелъ у берега игуменъ
Сундучекъ изъ олова литого,
Выброшенный на берегъ волнами.
Онъ подумалъ, что казна въ немъ скрыта;
Въ монастырь отнесъ сундукъ съ собою.
Отворилъ сундукъ онъ оловянный:
Но серебра тамъ не было и злата,
А лежалъ младенецъ неразумный,
Семидневный маленькій ребенокъ.
Взялъ младенца—мальчика игуменъ,
Окрестилъ его въ святую вѣру,
Имя далъ хорошее младенцу,
Имя далъ ему: Семенъ-найденышъ.
И не зналъ кормленья грудью мальчикъ;
Самъ его отецъ игуменъ кормитъ,
Все питаетъ сахаромъ да медомъ.
Къ году былъ Семенъ такой ужъ ростомъ,
Какъ другіе дѣти въ три лишь года;
А въ три года, какъ другіе въ девять;
Въ девять лѣтъ такимъ былъ рѣзвый Симо,
Какъ иной не будетъ и въ двѣнадцать;
А въ двѣнадцать, какъ другіе въ двадцать.
Быстро Симо изучилъ всѣ книги:
Превзошелъ всѣхъ парней монастыр-
Не уступилъ старику игумну. [скихъ, (*)
Утромъ разъ въ святое воскресенье
Вышли всѣ товарищи Семена,
Чтобъ игрой на волѣ забавляться:
Стали прыгать и метать каменья.
Больше всѣхъ скачекъ былъ Симеона,
Дальше всѣхъ метнулъ свой камень Симо;
Превзойти его никто не можетъ,
Хоть не мало школьники старались.
Вотъ они и говорятъ съ укоромъ:
„Симеонъ, вѣдь ты у насъ найденышъ!
„У тебя нѣтъ племени и рода,
„Кто отецъ твой,—самъ того не знаешь.
„Въ сундукѣ тебя отецъ игуменъ
„У воды нашелъ, на самомъ брегѣ.“
Грустно стало на души Семена.

(*) Здѣсь разумѣются монастырскіе мальчики, бывшіе въ монастырѣ на обученіи; они соотвѣтствуютъ послушникамъ нашихъ монастырей.

Въ келью онъ пошелъ свою съ печалью,
Тамъ онъ взялъ Евангеліе въ руки,
Самъ читаетъ, ронитъ горьки слезы.
Входитъ въ келью Симеона старецъ—
Ихъ игуменъ, говоритъ Семену:
„Что съ тобою, сыне Симеоне?
„Что роняешь горестныя слезы?
„Или терпишь въ чемъ ты недостатокъ?„
Отвѣчаетъ Симеонъ Найденышъ:
„Честный отче, старецъ нашъ игуменъ!
„Надо мной товарищи смѣются,
„Что не знаю я отца и рода,
„Что меня нашелъ ты надъ рѣкою...
„Честный отче, ты меня послушай:
„Если въ Бога истиннаго вѣришь,
„Дай коня мнѣ быстраго, прошу я.
„Я пойду, постранствую по свѣту,
„Поищу себѣ отца и рода:
„Знать желаю—низкого ль я рода,
„Или рода знатнаго какого?
„Погулять хочу я у Дуная.„
Жалко стало старику Семена,
Жалко стало, какъ роднаго сына:
Далъ ему онъ новую одежду,
Далъ онъ Симу тысячу дукатовъ
И коня лихого изъ конюшни.
Ѣдетъ Симо погулять по свѣту.
Девять лѣтъ онъ по свѣту блуждаетъ,
Все онъ ищетъ племени и роду.
Только какъ ему о томъ развѣдать,
Если онъ *о чемъ* спросить не знаетъ?
Наступилъ девятый годъ; задумалъ
Симеонъ въ свой монастырь вернуться,
И коня онъ повернулъ обратно.
Засіяло утро золотое
Изъ—подъ града бѣлаго Будима;
Юный, стройный Симеонъ найденышъ
(Красотой онъ дѣвушки пригоже)
На конѣ своемъ лихомъ несется,
Словно соколъ мчится подъ Будимомъ
И лихую распѣваетъ пѣсню.
Королева славнаго Будима
Увидала изъ окна Семена
И зоветъ къ себѣ свою служанку:

„Ты иди на поле, подъ юнакомъ
„Удержи коня его лихаго
„И скажи юнаку: королева
„Говорить съ тобой о чемъ—то хочетъ."
Побѣжала вѣрная служанка,
Подъ юнакомъ лошадь удержала
И юнаку тихо говорила:
„О, юнакъ! съ тобою королева
„Говорить въ дворцѣ о чемъ то хочетъ."
Повернулъ Семенъ къ высокой башнѣ,
Въ ворота въѣзжаетъ и служанкѣ
Отдаетъ коня, чтобъ подержала;
Самъ идетъ въ свѣтлицу королевы.
Какъ увидѣлъ королеву Симо,
Шапку снялъ, до земли поклонился,—
Ей желаетъ добраго здоровья.
Королева ласково встрѣчаетъ
Симеона и за столъ сажаетъ,
Угощаетъ тутъ виномъ съ ракіей
И различнымъ сладкимъ угощеньемъ.
Вотъ сидитъ Семенъ и попиваетъ
Красное вино, но королева
Пить не можетъ,—все глядитъ на Сима.
А какъ ночь спускалась надъ землею,
Королева Симу говорила:
„Оставайся, незнакомый витязь!
„Ты ночуешь здѣсь и съ королевой
Обниматься будешь, цѣловаться."
Омрачился разумъ Симеона
Отъ вина хмельнаго и ракіи:
Легъ въ постель онъ вмѣстѣ съ королевой,
Цѣловался, обнимался съ нею.
Вотъ и утро въ небѣ засіяло;
Отрезвился Симеонъ отъ хмеля
И увидѣлъ тутъ, что съ нимъ случилось...
Тяжко стало на душѣ Семена:
Поднимался онъ на рѣзвы ноги,
Сталъ коня сѣдлать и въ путь собираться.
На столѣ готовитъ королева
Для Семена кофе и ракію.
Но Семенъ не хочетъ оставаться.
На коня онъ своего садится,
Ѣдетъ полемъ отъ Будима града.
Тутъ Семенъ припомнилъ, что оставилъ
Въ башнѣ онъ Евангелье святое.
Повернулъ коня Семенъ обратно.
У воротъ большихъ коня оставилъ,
Самъ пошелъ на башню къ королевѣ.
Входитъ онъ и видитъ: королева
На окнѣ усѣлася высокомъ,
У нее въ рукахъ святая книга,
И она читая горько плачетъ.
Симеонъ промолвилъ королевѣ:
„Дай мое Евангелье святое."
Отвѣчаетъ Симу королева:
„Дорогой Семенъ мой! о несчастный!
„Въ горькій часъ нашелъ ты родъ и племя!
„Ты въ Будимъ пріѣхалъ и сегодня
„Ночевалъ съ Будимской королевой,
„Цѣловался съ нею, обнимался!
„А она—вѣдь мать твоя родная!!„ (*)
Какъ услышалъ эту вѣсть Найденышъ,
Залился горючими слезами...
Взялъ свое Евангелье святое,
Облобзалъ онъ руки королевѣ,
На коня усѣлся и поѣхалъ
Въ путь обратный въ монастырь, гдѣ вы-
А когда былъ монастырь ужъ близко, [росъ.
Увидалъ отецъ игуменъ Сима,—
Своего коня узналъ: изъ кельи
Повстрѣчать онъ вышелъ Симеона.
Слѣзъ Семенъ съ коня и поклонился
До земли до черной предъ игумномъ,
Облобзалъ его полу и руку.
Говоритъ ему отецъ игуменъ:
„Гдѣ ты долго былъ, Семенъ-найденышъ?
„Много лѣтъ въ какихъ земляхъ ски-
Отвѣчаетъ Симеонъ игумну: [тался?„
„Ты меня не спрашивай, владыко...
„Въ горькій часъ нашелъ я родъ и племя,
„На бѣду нашелъ его въ Будимѣ."
Все какъ было—разсказалъ онъ старцу.
А когда все выслушакъ игуменъ,
Взялъ Семена онъ за бѣлу руку,
Отворилъ проклятую темницу,

(*) По всей вѣроятности гдѣ-нибудь на Евангеліи было написано чье оно, кому принадлежитъ и зачѣмъ его владѣлецъ путешествуетъ. Прим. Караджича.

Гдѣ вода стояла по колѣно
И кишѣли змѣи—скорпіоны,—
Симеона бросилъ въ тьму густую
И, замкнувши дверь замкомъ тяжелымъ,
Отъ нея въ Дунай ключи забросилъ.
Самъ съ собою говоритъ игуменъ:
„Какъ ключи поднимутся съ Дуная,
„И Семена грѣхъ тогда простится.“
Съ той поры ужъ девять лѣтъ проходитъ,
Наступаетъ слѣдомъ годъ десятый.
Рыбаки въ рѣкѣ поймали рыбу
И нашли ключи въ желудкѣ рыбы,
Отнесли ихъ къ старику игумну.
Тутъ игуменъ вспомнилъ о Семенѣ;
Взялъ ключи и отворилъ темницу:
Нѣтъ воды и сырости въ темницѣ,
Не кишатъ тамъ змѣи-скорпіоны,
А въ темницѣ солнышко сіяетъ:
За столомъ златымъ сидитъ Найденышъ
И въ рукахъ Евангеліе держитъ.

---

9. Предрагъ и Ненадъ.

Мать лелѣетъ двухъ своихъ малютокъ
Въ годъ голодный—тяжкую годину,
На колѣняхъ и рукахъ качаетъ.
Имена хорошія дала имъ:
Первый Прѐдрагъ, а другой сынъ Нѐнадъ.
А какъ выросъ Предрагъ, научился
Управлять копьемъ и острой саблей,—
Онъ оставилъ мать свою старуху
И ушелъ гайдучить въ черны горы. (*)
Со старухой оставался Ненадъ,
И не зналъ онъ о родимомъ братѣ.
А какъ выросъ Ненадъ, научился
На конѣ сидѣть и саблей править,
Какъ и братъ, онъ мать свою оставилъ
И гайдучить отправлялся въ горы.
Цѣлые три года онъ гайдучитъ.
Былъ юнакъ онъ мудрый и разумный,
Храбръ и счастливъ въ битвѣ со врагами
И за то былъ выбранъ атаманомъ.
Былъ три года атаманомъ Ненадъ;
Но взгрустнулъ о домѣ на четвертый
И такую рѣчь держалъ дружинѣ:
„О дружина, братья дорогіе!
„Съ матерью увидѣться хочу я.
„Мы подѣлимъ бранную добычу
И въ дома родные возвратимся.“
И на то дружина согласилась.
Вынимаетъ всякъ свою добычу,
Все что добылъ, и клянется тяжко,
Кто клянется братомъ, кто сестрою,—
Что добыча вся здѣсь безъ утайки.
Вынулъ Ненадъ всю свою добычу,
Говоритъ своей дружинѣ храброй:
„О дружина, братья дорогіе!
„Не имѣю ни сестры, ни брата,
„Но да будетъ мнѣ Господь свидѣтель,
„Правая рука моя усохни,
„Борзый конь пусть гриву потеряетъ,
„Сабля пусть заржавѣетъ, когда я
„Утаилъ добычи хоть немного!“
Подѣлили бранную добычу.
На коня садился храбрый Ненадъ
И поѣхалъ къ матери старухѣ.
Мать встрѣчала сына дорогаго
И за столъ сажала съ сладкой пищей.
А какъ вмѣстѣ ужинать садились,
Говорилъ своей родимой Ненадъ:
„Дорогая матушка, родная!
„Еслибы людей я не стыдился,
„Не боялся согрѣшить предъ Богомъ,—
„Матерью тебя бы не назвалъ я:
„Ты зачѣмъ не родила мнѣ брата,
„Или брата, или же сестрицы?
„Какъ дѣлилъ съ дружиной я добычу,
„Вся дружина мнѣ клялася тяжко,
„Кто сестрою, кто же милымъ братомъ;
„Только я собою и оружьемъ
„Да своимъ конемъ тогда поклялся.“
И на то старуха усмѣхнулась:
„Неразумно говоришь ты, Ненадъ:
„У тебя есть братецъ кровный Предрагъ.
„Я вчера извѣстье получила,

(*) Гайдучить—разбойничать. Впослѣдствіи, со времени порабощенія Сербіи турками, гайдуками стали называться борцы за независимость родины.

„Что теперь онъ со своей дружиной
„На горѣ зеленой Горевицѣ;
„Межъ юнаковъ тамъ онъ атаманомъ.“
Отвѣчаетъ молодой ей Ненадъ:
„Дорогая матушка, родная!
„Приготовь ты новое мнѣ платье
„Изъ сукна зеленаго, какъ зелень
„На горѣ зеленой Горевицѣ:
„Ѣду я на поиски за братомъ,—
„Таково души моей желанье.“
Мать ему старуха отвѣчала:
„Не разуменъ ты, мой милый Ненадъ!
„Потерять, знать, голову ты хочешь.“
Но старухи онъ не сталъ и слушать.
Что задумалъ, то и сдѣлать хочетъ:
Достаетъ себѣ онъ одѣянье
Изъ сукна зеленаго, какъ травы—
На горѣ зеленой Горевицѣ,
Ѣдетъ Ненадъ въ поиски за братомъ,—
Таково души его желанье.
И нигдѣ онъ слова не промолвитъ,
И не плюнетъ, на коня не гикнетъ.
А подъѣхалъ Ненадъ къ Горевицѣ,
Закричалъ онъ, словно соколъ сизый:
„О гора, зелена Горевица!
„Не живетъ ли на тебѣ мой Предрагъ,
„Удалой юнакъ, мой братъ родимый!
„Не хранишь ли на себѣ юнака,
„Кто бъ роднымъ мнѣ братомъ доводился?“
Подъ зеленой елью сидя, Предрагъ
Дорогое пилъ вино изъ кубка;
Услыхалъ онъ чей-то громкій голосъ
И сказалъ своей дружинѣ храброй:
„Ой дружина, братья дорогіе!
„На дорогѣ станьте вы въ засадѣ,
„Стерегите, ждите незнакомца;
„Но губить и грабить не посмѣйте,
„А ко мнѣ ведите невредимымъ;
„Не чужой мнѣ храбрый этотъ витязь.“
Поднялись юнаковъ ровно тридцать,
Въ трехъ мѣстахъ они въ засадѣ стали.
Наѣзжаетъ на десятокъ первый
Храбрый Ненадъ; но никто не можетъ
Удержать коня его лихого.
И хотѣли подстрѣлить стрѣлами
Гайдуки его. Имъ молвитъ Ненадъ:
„Не стрѣляйте вы въ меня, юнаки,
„Что бъ о братьяхъ вамъ не знать печали,
„Какъ томился я по миломъ братѣ.
„Я искать его сюда пріѣхалъ.“
И его гайдуки пропустили.
Встрѣтилъ Ненадъ и другой десятокъ,
И они въ него стрѣлять хотѣли.
И какъ прежде, говорилъ имъ Ненадъ:
„Не стрѣляйте вы въ меня, юнаки,
„Чтобъ о братѣ вамъ не знать печали,
„Какъ томился я о миломъ братѣ.
„Я искать его сюда пріѣхалъ.“
И они ему дорогу дали.
Наѣзжалъ на третій онъ десятокъ,
И они въ него стрѣлять хотѣли.
Разсердился Ненадъ и ударилъ
На юнаковъ—Предрага дружину:
Первыхъ десять порубилъ онъ саблей,
Потоптalъ конемъ другой десятокъ;
Остальные десять разбѣжались—
Кто на горы, кто къ водѣ холодной.
И такія вѣсти слышитъ Предрагъ:
„Атаманъ нашъ Предрагъ, что сидишь ты?
„Ѣдетъ къ намъ какой-то храбрый витязь.
„Перебилъ онъ всю твою дружину.“
И вскочилъ на рѣзвы ноги Предрагъ,
Взялъ свой лукъ тугой и остры стрѣлы,
На дорогѣ спрятался проѣзжей,
Сталъ въ засадѣ подъ зеленой елью.
И стрѣлу метнулъ въ юнака Предрагъ.
Въ злое мѣсто та стрѣла попала,
Угодила въ грудь, въ живое сердце.
Вскрикнулъ Ненадъ, словно соколъ сизый,
Закричалъ онъ, на конѣ качаясь:
„О юнакъ съ зеленой Горевицы!
„Погуби тебя Господь Владыка,
„И усохнетъ пусть твоя десница,
„Что стрѣлу изъ лука посылала;
„Да лишись, праваго ты ока,
„Что стрѣлу мнѣ въ сердце наводило,—
„Чтобъ ты зналъ тоску по миломъ братѣ,
„Какъ и я въ душѣ о немъ томился:

„Я искать его сюда пріѣхалъ,
„А нашелъ въ горахъ себѣ погибель."
Какъ заслышалъ Предрагъ эти рѣчи,
Изъ-за ели онъ спросилъ юнака:
„Кто такой ты и какого рода?"
Обливаясь кровью, молвитъ Ненадъ:
„Что ты вздумалъ спрашивать о родѣ?
„Не женихъ вѣдь я, и не невѣста.
„Я зовуся Ненадомъ, имѣю
„Мать и брата Предрага родного...
„Я сюда искать его пріѣхалъ,
„Чтобъ не вѣдать намъ тоски въ разлукѣ.
„Но нашелъ я здѣсь свою погибель."
Какъ услышалъ эти рѣчи Предрагъ,
Уронилъ отъ страха лукъ и стрѣлы,
Подбѣжалъ и снялъ съ коня юнака,
Положилъ его на лугъ зеленый.
„Это ты, о дорогой мой Ненадъ!
„Самъ я Предрагъ, братъ твой одно-
кровный...
„Можетъ быть перенесешь ты рану...
„Дай—твою я разорву рубашку,
„Осмотрю, куда стрѣла попала,
„И на рану сдѣлаю повязку."
И на это Ненадъ отвѣчаетъ:
„Братъ родной мой Предрагъ, это ты ли?
„Слава Богу, что тебя я вижу.
„Богъ мое желаніе исполнилъ.
„Но увы! моя смертельна рана.
„Кровь мою прости тебѣ, Создатель!".
Такъ сказалъ и умеръ юный Ненадъ.
И надъ мертвымъ Предрагъ горько пла-
„О мой Ненадъ, солнце золотое! [четъ:
„Показалось только мнѣ сегодня
„Да сейчасъ же и опять ты скрылось!
„Василекъ прекрасный ты изъ сада!
„До поры ты вѣнчикъ свой раскинулъ,
„Да за то и рано увядаешь!".
Изъ ноженъ кинжалъ свой вынулъ
Предрагъ,
Имъ себя ударилъ прямо въ сердце.
И упалъ на трупъ родного брата.

---

10. Царь Константинъ и юный самоучка.

Славу славитъ Константинъ въ весенній
Свѣтлый праздникъ, въ славный день
Егорьевъ.
Три трапезы царь велѣлъ поставить:
Первый столъ изъ золота литого,
Былъ второй изъ серебра, а третій
Сдѣланъ былъ изъ дерева шамшита.
За столомъ изъ золота литого—
Возсѣдали тамъ владыкъ двѣнадцать
И четыре славныхъ патріарха.
За столомъ изъ серебра—монахи,
Счетомъ было всѣхъ ихъ ровно триста;
За столомъ изъ дерева самшита—
Тамъ сидѣло триста самоучекъ,
Съ ними вмѣстѣ юный самоучка.
Царь не сѣлъ съ гостями за трапезу:
Межь столами ходитъ онъ съ бесѣдой.
Вотъ подходитъ онъ къ столу изъ злата,
Гдѣ владыкъ двѣнадцать возсѣдали
И четыре старца патріарха;
Кротко царь имъ кланяяся молвитъ:
„Богъ спаси васъ, славные владыки
„И четыре старца патріарха!
„Во грѣхахъ покаюсь я предъ вами...
„Учинилъ я грѣхъ когда-то тяжкій:
„На отца и мать я поднялъ руку...
„Чѣмъ могу загладить грѣхъ свой
И ему владыки отвѣчали [тяжкій?"
И четыре патріарха съ ними
Не по божьей правдѣ—по закону,
А царю угодливо, по кривдѣ:
„Константинъ нашъ, славная корона!
„Ты легко получишь отпущенье,
„Лишь отдай приказъ вѣнцы подѣлать
„Изъ серебра и золота литого,
„Разукрась ихъ дорогимъ каменьемъ,
„И на насъ сіи вѣнцы надѣнь ты,
„И Господь грѣхи тебѣ отпуститъ."
Снова ходитъ царь между гостями.
Вотъ къ столу изъ серебра подходитъ,—
Триста тамъ монаховъ возсѣдали;
Поклонясь смиренно, царь имъ молвитъ:

„О, отцы вы, иноки—монахи!
„Во грѣхахъ покаюсь я предъ вами...
„Я когда-то сдѣлалъ грѣхъ великій:
„На отца и мать я поднялъ руку.
„Чѣмъ могу загладить преступленье?“
И царю монахи отвѣчаютъ,
Говорятъ не по закону Божью,
А царю въ угоду, не по правдѣ:
„Константинъ нашъ, свѣтлая корона!
„Ты легко получишь отпущенье,
„Лишь богатыхъ сдѣлай триста вкладовъ:
„Ты построй для каждаго обитель,
„Триста всѣхъ обителей построй намъ;
„Жить тамъ будутъ иноки-монахи,
„За тебя молиться безпрестанно;
„И Господь твои грѣхи оставитъ!“
Снова ходитъ царь между гостями.
Онъ къ столу послѣднему подходитъ,
Былъ тотъ столъ изъ дерева шамшита,
Тамъ сидѣло триста самоучекъ,
Между ними юный самоучка.
Говоритъ имъ Константинъ съ поклономъ:
„Молодые триста самоучекъ!
„Передъ вами каяться я стану;
„Тяжкій грѣхъ я совершилъ когда-то,
„На отца и мать поднявши руку...
„Чѣмъ бы грѣхъ мнѣ искупить у Бога?“
Всѣ молчатъ, ни слова самоучки.
Вдругъ поднялся юный самоучка,
Говоритъ царю онъ не въ угоду,
Отвѣчаетъ по закону Божью:
„Константинъ нашъ, свѣтлая корона!
„Ты легко добудешь отпущенье:
„Лишь построй сосновую ты келью
„И обмажь ее смолой и саломъ;
„Затворись въ ней, государь, поджегши
„Съ четырехъ сторонъ ее:—до свѣта
„Съ вечера пусть келья та пылаетъ.
„Если выйдешь цѣлымъ, невредимымъ,
„Значитъ—Богъ грѣхи твои оставилъ.“
Какъ услышалъ Константинъ тѣ рѣчи,
Воспылалъ на самоучку гнѣвомъ:
Изъ сосны велѣлъ онъ сдѣлать келью,
Всю обмазать саломъ и смолою;
Посадили въ келью самоучку
И огонь подъ келью подложили
Съ четырехъ сторонъ. Горѣла келья
Съ вечера всю ночь до бѣла утра.
Только утро въ небѣ засіяло,
Поднимался Константинъ съ постели
Посмотрѣть, что стало съ самоучкой.
Вотъ подходитъ Константинъ и видитъ,
Что отъ кельи только груда пепла,
И сидитъ на пеплѣ самоучка,
Онъ псалтырь передъ собою держитъ
И по немъ молитву совершаетъ.
Это видитъ Константинъ дивяся,—
Какъ остался цѣлымъ самоучка!
Изъ сосны велитъ онъ строить келью,
Всю обмазать саломъ и смолою.
Затворился царь въ сосновой кельѣ,
Поджигалъ ее. Она горѣла
Съ вечера всю ночь до бѣла утра.
Только утро въ небѣ засіяло,
Поднимался рано самоучка,
Что бъ идти и посмотрѣть на келью.
Вотъ подходитъ къ кельѣ самоучка:
Только груды пепла тамъ остались.
Ходитъ онъ, царя подъ пепломъ ищетъ.
И нашелъ его десную руку,
Лишь рука десная освятилась.
Потому рука царя осталась,
Что добра онъ ею дѣлалъ много:
Милостыню подавалъ голоднымъ,
Тѣхъ, кто жаждалъ,—напоилъ водою,
Голыхъ-босыхъ надѣлялъ одеждой,
Призиралъ убогихъ и несчастныхъ...
Вотъ за то и осталась десница.

---

11. Какъ царь Стефанъ праздновалъ день своего святого.

Царь Стефанъ справляетъ свѣтлый праз-
Своему онъ празднуетъ святому. [никъ,
Много онъ гостей созвалъ на праздникъ.
Пригласилъ онъ триста іереевъ
Да владыкъ-епископовъ двѣнадцать
И четыре старца игумна.

Хорошо Стефанъ устроилъ праздникъ:
Въ рядъ усѣлись гости за трапезой,
Самъ Стефанъ вино гостямъ разноситъ.
Всѣмъ по ряду онъ подноситъ чашу,
Какъ и должно князю-государю
Почитать великій день святого.
Говорятъ царю Стефану гости:
„Царь нашъ славный, солнце золотое!
„Намъ безчестье и позоръ великій,
„Что вино ты самъ гостямъ разносишь:
„Пусть вино твои разносятъ слуги."
Соблазнила эта рѣчь Стефана,
Сѣлъ онъ съ ними вмѣстѣ за трапезу,
Не вознесши чаши въ честь святого
И поклономъ не смиривъ гордыни.
Приказалъ Стефанъ, чтобы служили
Слуги съ чашей въ свѣтлый день святого:
Не хотѣлъ Стефанъ почтить святого,
Послужить короткій срокъ слугою.
И пока Стефанъ служилъ въ трапезѣ,
Былъ при немъ его святой архангелъ,
На плечѣ десномъ сидѣлъ Стефана,
Покрывалъ лице ему крылами.
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями вмѣстѣ,
Разсердился на него архангелъ:
Онъ крыломъ царя въ лице ударилъ
И чертоги царскіе оставилъ.
Изъ гостей того никто не видѣлъ,
Только видѣлъ это старый инокъ,—
Залился онъ горькими слезами.
Къ старику подходитъ царедворецъ
И съ укоромъ говоритъ монаху:
„Что съ тобою, престарѣлый инокъ?
„Иль чего тебѣ здѣсь не хватаетъ?
„Не хватаетъ пищи и напитковъ?
„Или ты того, старикъ, боишься,
„Что домой вернешься безъ подарка?„
Отвѣчаетъ престарѣлый инокъ:
„Ты прости меня, прислужникъ царскій!
„Мнѣ не мало пищи и напитковъ,
„И того не думалъ я бояться,
„Что домой вернуся безъ подарка.
„Но я видѣлъ чудное видѣнье...
„Царь Стефанъ пока служилъ намъ, сотя,
„Былъ тогда при немъ его архангелъ,
„На десномъ плечѣ царя сидѣлъ онъ,
„Покрывалъ лице царя крылами.
„А когда съ гостями царь усѣлся,
„Разсердился на него архангелъ,
„По лицу крыломъ царя ударилъ
„И оставилъ царскіе чертоги."
Какъ Стефанъ услышалъ о видѣньи,
Со скамьи поднялся онъ на ноги,
Поднялись съ нимъ триста іереевъ
Да владыкъ-епископовъ двѣнадцать
И четыре старца игумена,—
Взяли въ руки писаныя книги,
Начинали миромъ всѣ молиться:
Совершили бдѣніе, молились
Бѣлые три дня, три темныхъ ночи,
Богу Силъ царя молились гости
И его архангелу святому.
И Господь послалъ Стефану милость,
И простилъ царя святой архангелъ.
Грѣхъ великій былъ прощенъ Стефану,
Что за столъ съ гостями онъ усѣлся,
Не вознесши чаши въ честь святого
И поклономъ не смиривъ гордыни.

12. Кто славу славитъ, тому она и поможетъ.

Кто томится рано въ воскресенье,
Въ воскресенье до восхода солнца
У Петра Марконича въ темницѣ,
Въ Соколъ-градѣ славномъ и высокомъ?
Это славный воевода Ѳедоръ.
Голоситъ онъ, будто соколъ сизый;
У него забота и большая:
Завтра день Георгія святого,
Нужно славу славить воеводѣ;
Чѣмъ же онъ ее прославитъ завтра?
Говоритъ тюремщику Ѳеодоръ:
„Братъ мой въ Богѣ, молодой тюремщикъ!
„Отвори тюремныя мнѣ двери:
„Въ домъ къ Петру Марконичу пойду я
„(Богъ порука, что сюда вернуся)

„Попрошуся у Петра на рынокъ,—
„Похожу по рынку межъ торговцевъ,
„Попрошу себѣ вина и хлѣба,
„Чтобы могъ товарищей въ темницѣ
„Покормить я ради свѣтлой славы."
И повѣрилъ Ѳедору тюремщикъ,
Отпустилъ къ Марконичу проситься:
Богомъ клялся Ѳедоръ, что вернется.
Воеводу отпустилъ Марконичъ,
И на рынокъ отправлялся Ѳедоръ.
Вотъ по рынку ходитъ воевода.
Денегъ нѣтъ у Ѳедора, пашелся
У него лишь ножикъ позлащеный,
Изъ серебра весь ножъ и позолоченъ.
Продастъ купцамъ свой ножъ Ѳеодоръ.
И купцы цѣнили этотъ ножикъ:
Два дуката предлагаетъ первый,
А другой назначилъ три дуката;
Третій цѣнитъ съ совѣстью согласно,
И даетъ четыре онъ дуката.
На дукатъ купилъ Ѳеодоръ хлѣба,
На другой дукатъ—вина съ ракіей,
А на третій онъ купилъ закусокъ
Да еще свѣчей изъ бѣла воска;
А четвертый у себя оставилъ,
Чтобъ отдать товарищамъ въ темницѣ
Въ свѣтлый день Георгія святого.
Вотъ въ темницу Ѳедоръ возвратился,
Возжигалъ тамъ свѣчи и вечерять
Начиналъ съ товарищами вмѣстѣ.
Пьютъ вино они, вкушаютъ пищу,
Славятъ славу. Съ мѣста всталъ Ѳеодоръ,
Говоритъ, вина поднявши чашу:
„О, прекрасно этотъ день мы славимъ!
„О Георгій, чье ношу я имя,
„Изведи меня ты изъ темницы."
Только кончилъ эту рѣчь Ѳеодоръ,
Вдругъ юнакъ къ темницѣ подъѣзжаетъ,
И зоветъ къ себѣ онъ воеводу:
„Ты послушай, воевода Ѳедоръ!
„Изъ темницы выйди: два-три слова
„Мнѣ сказать теперь съ тобою надо."
Отвѣчаетъ Ѳедоръ воевода:
„Ты прости, юнакъ мнѣ незнакомый!
„Радъ бы выйтти изъ своей темницы,
„Но вчера еще ее замкнули,—
„У себя хранитъ ключи Марконичъ."—
—„Нѣтъ, ты можешь выйтти, воевода:
„Нѣтъ запоровъ на дверяхъ темницы,
„Всѣ открыты двери—счетомъ девять—
„Отперты и двери и запоры."
Изъ своей темницы вышелъ Ѳедоръ:
Предъ темницей на конѣ могучемъ
Статный витязь во плащѣ зеленомъ;
На главѣ юнака шлемъ; надъ шлемомъ
Перья птицы—страуса нависли,
Осѣняя рыцаря и лошадь,
Чтобъ лице юнака жаркимъ лѣтомъ
Отъ лучей дневныхъ не загорѣло.
Говоритъ юнакъ: „О братъ мой Ѳедоръ!
„Выходи ты изъ темницы ночью,
„Не иди лишь брегомъ синя моря:
„Тамъ стоитъ латинской много стражи,
„И боюсь я, что тебя захватятъ.
„Но иди ты черною горою,
„И счастливо въ домъ свой возвратишься."
Тутъ въ тюрьму спустился воевода,
Что бы чашу поднести юнаку;
Онъ съ виномъ выходитъ,—нѣтъ юнака!
Возвратился въ свой подвалъ Ѳеодоръ,
Разсказалъ о бывшемъ заключеннымъ.
Увидали тридцать заключенныхъ,
Что всѣ двери ихъ тюрьмы раскрыты:
Оставляли скромную вечерю
И бѣжали ко родному краю.
Черезъ горы держитъ путь Ѳеодоръ;
Вотъ подходитъ онъ къ родному дому.
А жена его тамъ славу славитъ:
Созвала гостей, родныхъ, знакомыхъ,
Кумовей,—и имъ вино разноситъ;
Гости пьютъ и славятъ красну славу.
Говоритъ Ѳеодора супруга,
Поднимая чашу: „Помогите,
„Боже сильный и святый Георгій,
„Красна слава мужа дорогого,
„Отпустите мужа изъ темницы,
„Пусть вернется онъ къ родному дому."

Въ это время Ѳедоръ въ домъ свой входитъ,
Отъ жены своей пріемлетъ чашу,
Выпиваетъ чашу въ славу Божью,
Прославляетъ свѣтлый день святого
Въ дорогомъ своемъ родимомъ домѣ,
Угощаетъ кумовей съ гостями
И родныхъ своихъ и всѣхъ знакомыхъ.

II. Косовскія пѣсни.

13. Женитьба князя Лазаря.

Пьетъ вино Стефанъ, владыка сербовъ.
Во дворцѣ своемъ въ Призренѣ-градѣ.
Государю служитъ вѣрный Лазарь;
Только все переполняетъ чашу,
На Стефана поглядая косо.
Говоритъ Стефанъ: „Слуга мой, Лазарь!
„Что спрошу, скажи ты мнѣ по правдѣ:
„Отчего переполняешь чашу,
„Почему посматриваешь косо?
„Захудалъ, быть можетъ, конь твой борзый?
„Можетъ быть, поизносилось платье?
„Иль случился недостатокъ въ деньгахъ?
„Можетъ быть, что въ домѣ не хватаетъ
„Для тебя чего-нибудь? скажи мнѣ“....
Говоритъ Стефану вѣрный Лазарь:
„Будь здоровъ и веселъ, мой владыка!
„Ты спросилъ, и я скажу всю правду:
„Борзый конь мой служитъ мнѣ, какъ прежде;
„И мое не износилось платье;
„Я нужды не вѣдаю и въ деньгахъ,
„А въ твоемъ дворцѣ всего довольно.
„Будь здоровъ и веселъ, мой владыка!
„Ты спросилъ, и я скажу всю правду.
„Много слугъ къ тебѣ пришло и позже,
„Ужъ когда служилъ тебѣ я,—всѣхъ ты
„Оженилъ, и всѣ живутъ дворами.
„Только я живу лишь одинокимъ.
„Одного женить меня не хочешь;
„А теперь я и красивъ и молодъ.“
Говоритъ Стефанъ: „Слуга мой вѣрный,
„Но женить тебя вѣдь не могу я
„На пастушкѣ, иль на комъ случится:
„Намъ нужна господская дѣвица,
„Чтобы тесть твой былъ мнѣ другъ—пріятель,
„Посадить кого бы могъ я рядомъ,
„Съ кѣмъ бы можно пить вино мнѣ вмѣстѣ.
„Но послушай, что скажу я, Лазарь!
„Самъ тебѣ я пріискалъ невѣсту,
„А себѣ пріятеля и друга:
„Это дочка стараго Богдана
„И сестрица Юговичей храбрыхъ,
„Молода красавица Милица.
„Но нельзя заслать къ Богдану сватовъ,
„Не легко сказать ему о свадьбѣ:
„Югъ-Богданъ господскаго вѣдь рода,
„Не отдасть онъ за слугу Милицы.
„Но послушай, что хочу я сдѣлать.
„Вѣдь сегодня пятница, суббота
„Будетъ завтра, дальше жъ—воскресенье.
„Какъ пойду я на охоту въ горы,
„Позову съ собой и Югъ-Богдана,
„Вмѣстѣ съ Югомъ Юговичей девять.
„На охоту мы пойдемъ въ планину,
„Ты же, Лазарь, оставайся дома
„И готовь господскую вечерю.
„Какъ назадъ мы будемъ возвращаться,
„Позову на ужинъ я Богдана.
„Какъ мы сядемъ за столы златые,
„Подноси намъ сахаръ и ракію,
„Подноси вина намъ по порядку.

„Какъ виномъ мы старымъ подкрѣпимся,
„Заведетъ тогда Богданъ бесѣду:
„Кто изъ всѣхъ юнаковъ нашихъ лучше,
„Обо всемъ онъ разсуждать тутъ станетъ...
„Тутъ онъ вынетъ книги староставны,
„Чтобъ прочесть о временахъ грядущихъ.
„Какъ увидишь это, вѣрный Лазарь,
„Ты иди тогда скорѣй на башню
„И возьми тамъ чашу золотую,
„Ту, что самъ купилъ я въ Варадинѣ;
„Эту чашу ты виномъ наполни,
„И челомъ ударь Богдану съ чашей.
„Какъ Богданъ задумается—чѣмъ-бы
„Отплатить тебѣ за тотъ подарокъ,—
„Тутъ то я Богдану и напомню
„О его красавицѣ Милицѣ."
Проходила пятница съ субботой.
Въ воскресенье жъ рано царь со свитой
Собирался на охоту въ горы
И позвалъ съ собой Богдана-Юга,
Вмѣстѣ съ Югомъ Юговичей девять.
Неудачна ихъ была охота,
Ничего въ горахъ имъ не попалось,
И съ ничѣмъ они изъ горъ вернулись.
Повстрѣчать царя выходитъ Лазарь.
Царь зоветъ Богдана на вечерю,
Приглашаетъ Лазарь девять братьевъ.
Согласился Югъ къ царю заѣхать.
За столы они садились: первымъ
Сѣлъ Стефанъ, съ нимъ рядомъ Югъ, а съ Югомъ
Сѣли рядомъ Юговичей девять.
За столомъ имъ служитъ вѣрный Лазарь,
Онъ подноситъ сахаръ и ракію,
И вино онъ въ чашахъ имъ подноситъ.
Какъ виномъ юнаки подкрѣпились,
Обо всемъ у нихъ пошла бесѣда:
Кто изъ всѣхъ юнаковъ лучше, краше.
Вынулъ Югъ тутъ книги староставны,
Сталъ читать о временахъ грядущихъ:
„Поглядите, братья дорогіе!
„Поглядите, что намъ книга скажетъ:
„Настаетъ послѣдняя година...
„Ни овецъ не будетъ, ни пшеницы,
„Ни пчелы, ни цвѣтика на полѣ;
„Съ кумомъ кумъ въ судѣ тягаться будутъ,
„Какъ враги, родные будутъ братья."
Какъ заслышалъ это Лазарь, скоро
Поднимался на высоку башню,
Бралъ Стефана чашу золотую;
Эту чашу онъ виномъ наполнилъ
И поднесъ ее съ поклономъ Югу.
Принялъ Югъ отъ Лазаря подарокъ;
Въ руки взялъ онъ чашу, да не выпилъ:
Сталъ онъ думать чѣмъ бы отдариться?
Говорятъ тутъ Юговичей девять:
„Отчего не пьешь вино изъ чаши,
„Что поднесъ тебѣ въ подарокъ Лазарь?„
Говоритъ имъ Югъ: „Родные дѣти!
„Выпью я, да только вотъ не знаю,
„Чѣмъ бы мнѣ за чашу отдариться?„
Отвѣчаютъ Юговичей девять:
„Ты легко вѣдь можешь отдариться:
„У тебя ли соколовъ съ конями
„Не достанетъ? перьевъ или шапокъ?"
Молвитъ царь: „Нѣтъ, Лазарю не нужно
„Ни коней, ни соколовъ, ни шапокъ:
„Ничего того не хочетъ Лазарь.
„Но онъ взялъ бы дѣвушку Милицу,
„Старый Югъ мой, дочь твою меньшую,
„Ту сестру ли Юговичей храбрыхъ.„
Услыхали это девять братьевъ,
Повскочили съ мѣстъ на легки ноги
И мечами погубить хотѣли
Государя,—и въ его столицѣ!
Говоритъ Богданъ имъ: „Полно, дѣти!
„Подождите, Бога вы побойтесь!
„Если вы погубите Стефана,
„То на васъ останется проклятье;
„Подождите, посмотрю я въ книги:
„Суждена ли Лазарю Милица?„
Въ руки Югъ взялъ книги староставны,
Ихъ читаетъ и роняетъ слезы:
„Поглядите, дорогіе дѣти!
„Суждена ему моя Милица,
„А за нимъ останется и царство:
„Будетъ править Лазарь нашимъ царствомъ

„Во Крушевцѣ, у рѣки Моравы."
Какъ услышалъ то Стефанъ, то руку
Опускалъ въ карманъ свой и оттуда
Доставалъ онъ тысячу дукатовъ,
Доставалъ и яблоко златое,
А на немъ три дорогіе камня,—
Свадебный подарокъ для Милицы.

---

14. Построеніе Раваницы.

Лазарь царь справляетъ свѣтло славу
Въ укрѣпленномъ городѣ Крушевцѣ,—
Празднуетъ пророку онъ Амосу.
Вмѣстѣ съ нимъ гостей пируетъ много.
Съ кѣмъ бы было выпить въ честь святого
И вести разумную бесѣду.
Всѣхъ собралъ къ себѣ владыкъ онъ сербскихъ,
Разсадилъ по старшинству ихъ рядомъ,
Во главѣ же—самъ хозяинъ Лазарь.
Вотъ сидятъ, пируютъ гости князя,
Пьютъ вино холодное и рѣчи
Обо всемъ ведутъ между собою.
Вдругъ къ нимъ входитъ госпожа Милица,
Межъ гостей идетъ походкой легкой.
А на ней надѣто цѣлыхъ девять
Разноцвѣтныхъ поясовъ, да столько жъ
Ожерелій, головныхъ уборовъ.
На главѣ ея блеститъ корона,
А въ коронѣ три сіяютъ камня,—
Ночью свѣтъ отъ нихъ, какъ бы отъ солнца.
Говоритъ царю его супруга:
„Господинъ мой, Лазарь царь! При людяхъ
„Поглядѣть въ лицо твое мнѣ стыдно,
„А ужъ какъ то говорить съ тобою? (*)
„Но и слова я сдержать не въ силахъ...
„Сколько было государей славныхъ,
„Сколько было Нѣманичей храбрыхъ!
„Всѣ они покоются въ гробницахъ...
„Но они не тратили богатства
„На пиры, да какъ на что придется:
„Задужбины строили владыки,
„Устрояли церкви въ славу Божью:
„Тяковица да Дечанъ высокій,
„Пачаршія надъ равниной Печской,
„У Дреницы бѣлая Девича,
„И Петрово-церковь надъ Пазаромъ;
„А повыше Юрьево Ступово,
„Сапочина надъ холодной Рашкой,
„Да еще въ Герцоговинѣ Троица,
„Задужбина Яна въ Старомъ Влахѣ,
„Да Павлица подлѣ Ядовника,
„Студеница подлѣ Бревеника;
„Церковь Жича выше Коронавца,
„У Призрѣна церковь Параскевы,
„Грачаница на Косовомъ полѣ,—
„Это все Немапей задужбины!
„На пиры свои ты тратишь деньги,
„А нигдѣ ты церкви не построилъ,
„И не въ прокъ пойдетъ богатство наше—
„Ни за здравье, ни въ поминъ по смерти:
„Какъ и намъ, такъ и другимъ безъ поль-
Говоритъ царь Лазарь: „Вы слыхали, [зы."
„Что сказала госпожа Милица,
„Что себѣ я церкви не построилъ?
„Я построю церковь Раваницу,
„У Ресавы, надъ рѣкой Раваной.
„На нее добра не пожалѣю:
„Отолью изъ олова фундаментъ,
„Основанье прочное то будетъ;
„Изъ сребра новыведу я стѣны,
„Крыша жъ церкви будетъ золотая;
„Разукрашу церковь всю каменьемъ:
„Драгоцѣннымъ бисеромъ, алмазомъ."
Поднялися гости всѣ на ноги
И владыкѣ—князю поклонились:
„Устрояй, князь Лазарь, задужбину
„На поминъ души своей и предковъ."
За столомъ сидѣлъ Обиличъ Милошъ,
На концѣ стола сидѣлъ Обиличъ,
И онъ князю не промолвилъ слова.
Это видитъ царь и посылаетъ
Воеводѣ чашу золотую:
„За здоровье пей мое, Обиличъ!
„Что же ты мнѣ слова не промолвишь

(*) Женщины не имѣли права присутствовать на пирахъ мужчинъ.

„О постройкѣ, что хочу воздвигнуть?„
Сталъ на ноги воевода Милошъ,
Съ головы снялъ шапку онъ и низко
Поклонился Лазарю владыкѣ.
Поднесли ему златую чашу.
Взялъ ее Обиличъ, но не пьетъ онъ;
Онъ не пьетъ, такія рѣчи молвитъ:
„Лазарь князь! хвала тебѣ большая,
„Что ты хочешь задужбину строить.
„Но теперь стоитъ какое время?
„Ты возьми-ка книги староставны,
„Погляди, что эти книги скажутъ?
„Настаетъ послѣдняя година:
„Скоро турки завладѣютъ царствомъ,
„Будутъ править Сербіей жестоко,
„Ниспровергнутъ турки наши церкви,
„Разорятъ святыя задужбины,
„Разорятъ и церковь Раваницу.
„Оловяный выкопавъ фундаментъ,
„Перельютъ его себѣ на ядра,
„Чтобы наши жъ города разрушить.
„Серебро пойдетъ на украшенье
„Конской сбруи; золотая крыша
„Перелита будетъ въ ожерелья
„И монеты для турецкихъ женщинъ.
„Вправятъ турки дорогіе камни
„Въ рукоятки сабель да въ колечки
„Для своихъ турчанокъ. Царь нашъ, Ла-
„Прикажи-ка ты готовить мраморъ, [зарь!
„Да изъ камня и воздвигни церковь.
„Хоть владѣть и будутъ турки царствомъ,
„Но твоей постройки не разрушатъ.
„Въ ней молиться будутъ христіане
„И при насъ и послѣ насъ до вѣка.
„Ничего вѣдь взять нельзя отъ камня.“
Какъ услышалъ это славный Лазарь,
Онъ сказалъ: „О, воевода Милошъ!
„Честь хвала тебѣ за эти рѣчи.
„Ты сказалъ мнѣ истинную правду.“

---

15. Какъ поссорился Милошъ съ Вукомъ.

У окна сидитъ Милица,
князя Лазаря супруга,
У окна сидятъ съ Милицей
двѣ ея родныя дочки.
Говорила имъ царица:
„Поглядѣть мнѣ, право любо,
„Хорошо глядѣть на мужа
межъ зятьями дорогими.
„Но скажу вамъ, дочки: право
я бы глазъ не пожалѣла,
„Еслибъ только Вукъ Бранковичъ,
былъ таковъ, какъ храбрый
И на это отвѣчаетъ [Милошъ.“
Вука вѣрная супруга:
„Но ты знаешь: породила
Вука дочка властелина,
„А Обилича пастушка—
волошанка породила, (*)
„Волошанка породила,
подъ кобылою вскормила.“ (**)
Говоритъ жена Милоша:
„Это правду ты сказала,
„Что родился Вукъ отъ дочки
городскаго властелина;
„Моего же мила мужа
волошанка породила,
„Волошанка породила,
подъ кобылою вскормила:
„Потому то онъ въ народѣ
и Обиличемъ зовется.
„Но зато и та кобыла
двухъ волковъ бы одолѣла:
„Сразу бъ рядъ зубовъ переднихъ
задней выбила ногою.
„Въ дорогихъ мѣхахъ куницы,
рысьемъ мѣхѣ Вукъ твой ходитъ.
„А Обиличъ Милошъ, мужъ мой,
надѣваетъ шелкъ и бархатъ.“
Оскорбили эти рѣчи
молодую любу (***) Вука,

(*) Обиловичъ происходитъ отъ Кобыловичъ, сокращенно Обиличъ. Вукъ же значитъ волкъ.

(**) Волохи или влахи составляли низшій классъ народа, занимавшійся, по всей вѣроятности, скотоводствомъ. Милошъ былъ слѣдовательно самаго низкаго происхожденія; а Вукъ аристократическаго.

(***) Люба—жена.

И ударъ женѣ Милоша
нанесла она рукою,
Нанесла ударъ тяжелый
по лицу ея румяну.
На рукѣ ея былъ перстень
съ драгоцѣннымъ діамантомъ,
И лицо жены Милоша
оцарапалъ этотъ перстень:
Полилася кровь густая
по лицу ея румяну.
Уходила молодая
прочь оттуда въ садъ зеленый,
Подъ зеленымъ померанцемъ
горько плакала-рыдала,
Горько слезы проливала,
отирала кровь густую.
Лазарь царь къ двору съ зятьями
подъѣзжаетъ въ это время.
Изъ-подъ Лазаря за поводъ
приняла коня Милица,
Изъ подъ Вука Бранковича—
Вука вѣрная супруга.
Только нѣкому за поводъ
взять Обиличеву лошадь.
Озирается на право
и на лѣво храбрый Милошъ.
Тутъ идетъ къ нему Милица,
хочетъ взять коня за поводъ.
Но не далъ ей Милошъ близко
подойти къ коню: увидѣлъ
Онъ жену въ саду зеленомъ
подъ душистымъ померанцемъ:
Тамъ она рыдаетъ горько,
отираетъ кровь густую.
Соскочилъ съ коня Обиличъ,
мигомъ былъ въ саду зеленомъ
И женѣ своей любимой
говорилъ такія рѣчи:
„Что съ тобою, дорогая?
Что ты слезы проливаешь?
„Что ты слезы проливаешь,
отираешь кровь густую?
„Отчего лицо разбито
и залито алой кровью?“

Говоритъ жена Милошу:
„Разскажу тебѣ всю правду.
„Нынѣ утромъ мы сидѣли
у окна въ палатахъ царскихъ—
„Я съ сестрой, да мать Милица.
Намъ Милица говорила:
„«Хорошо глядѣть на мужа
межъ затьями дорогими!
„«Но когда-бы Вукъ Бранковичъ
былъ такой юнакъ могучій,
„«Какъ Обиличъ Милошъ, право,
я бы глазъ не пожалѣла.»
„Но сестра моя на это
такъ Милицѣ отвѣчала:
„«Всѣмъ извѣстно: породила
Вука дочка властелина,
„«А Обилича пастушка—
волошанка породила,
„«Волошанка породила,
подъ кобылою вскормила;
„«Потому то онъ въ народѣ
и Обиличемъ зовется.»
„Я сестрѣ на эти рѣчи
отвѣчала: „Это правда,
„Что родился Вукъ отъ дочки
городского властелина,
„Моего же мила мужа
волошанка породила,
„Волошанка породила,
подъ кобылою вскормила.
„Но зато вѣдь та кобыла
двухъ волковъ бы одолѣла:
„Сразу бъ рядъ зубовъ переднихъ
задней выбила ногою.
„Въ дорогихъ мѣхахъ куницы,
рысьемъ мѣхѣ Вукъ твой ходитъ;
„А Обиличъ Милошъ, мужъ мой,
надѣваетъ шелкъ и бархатъ.“
„Были горьки эти рѣчи
для сестры моей: жестоко
„Нанесла она рукою
мнѣ въ лицо ударъ тяжелый.
„Полилася кровь густая
отъ жестокаго удара.

„Потому то я рыдаю,
отираю кровь густую.“
Какъ услышалъ эти рѣчи
Милошъ, гнѣвомъ распалился:
Скокомъ выскочилъ изъ сада
и схватилъ за горло Вука;
Онъ схватилъ за горло Вука
и метнулъ его на землю;
Сталъ ногою правой Милошъ
наносить удары Вуку,
И изъ челюстью ногою
вышибъ два здоровыхъ зуба.
Подбѣжалъ къ Милошу Лазарь
и такое слово молвилъ:
„Перестань буянить, Милошъ,
не гнѣви враждою Бога!
„Умири свой гнѣвъ, и ссору
прекрати ты съ братомъ Вукомъ!
„Удержалъ едва царь Лазарь
раздраженнаго Милоша“.

---

16. Муратъ на Косовѣ.

Царь Муратъ на Косово приходитъ;
Какъ пришелъ, письмо онъ четко пишетъ
И его въ Крушевецъ посылаетъ
На колѣни сербскому владыкѣ:
„Лазарь царь, глава-владыка сербовъ!
„Небывало, да и быть не можетъ:
„Надъ одной землей—два господина,
„Рабъ одинъ, а два съ него оброка.
„Намъ нельзя царить съ тобою вмѣстѣ:
„Присылай мнѣ и ключи и подать,—
„Городовъ твоихъ ключи златые.
„За семь лѣтъ пришли мнѣ дань съ
народа.
„Если жъ такъ ты сдѣлать не захочешь,
„Приходи на Косово съ войсками,
„Саблями мы землю тамъ раздѣлимъ.“
Царь письмо Муратово читаетъ
И, читая, ронитъ горьки слезы.

* * *

Вотъ послушай старый да и малый,
Какъ народъ свой Лазарь заклинаетъ:
„Ничего отъ рукъ тѣхъ не родися,
„Кто на бой на Косово не выйдетъ:
„Ни на полѣ бѣлая пшеница,
„Ни въ баштанѣ виноградъ зеленый.“

17. Вукъ клевещетъ на Милоша.

Лазарь Царь въ Крушевцѣ славу сла-
За столомъ сидятъ князья-бояре, [витъ.
Сыновья ихъ—храбрые юнаки:
Старый Югъ отъ Лазаря направо,
Рядомъ съ Югомъ—Юговичей девять;
Слѣва—Вукъ Бранковичъ, остальные
По порядку гости размѣстились;
На концѣ же воевода Милошъ,
Съ нимъ Иванъ Косанчичъ воевода
И Миланъ Топлица. Поднимаетъ
Лазарь кубокъ золотой и молвитъ:
„За кого мнѣ чашу эту выпить?
„Если пить за старшинство, то выпить
„Должно чашу за Богдана-Юга;
„Если пить за знатность рода, выпить
„Должно чашу мнѣ за зятя Вука;
„Если жъ выпить за родство, то должно
„Выпить чашу за шурьевъ мнѣ милыхъ,
„Девять братьевъ Юговичей храбрыхъ;
„Если жъ пить за красоту, то должно
„Выпить за Косанчича Ивана;
„Если жъ пить за ростъ, то за Милана;
„А когда за храбрость и за удаль,—
„Надо выпить чашу за Милоша.
„Не хочу я выпить за другого,
„Пью за здравье Милошъ-Обилича.
„Будь здоровъ, и вѣрный и измѣнникъ!
„Прежде вѣрный, а теперь измѣнникъ....
„Завтра ты на Косовѣ измѣнишь,
„Перейдешь къ турецкому султану...
„Будь здоровъ и выпей на здоровье.
„Пей вино, возьми себѣ и кубокъ!
Тутъ вскочилъ на легки ноги Милошъ,
До земли царю онъ поклонился:
„Честь-хвала тебѣ, нашъ славный Лазарь!

„Честь-хвала тебѣ и за подарокъ,
„За одно лишь не скажу спасибо...
„Видитъ Богъ, клянусь своею вѣрой:
„Никогда измѣнникомъ я небылъ,
„Небылъ имъ и никогда не буду!
„Завтра въ битвѣ на Косовѣ полѣ
„За Христову вѣру я погибну.
„А измѣнникъ здѣсь съ тобою рядомъ,
„Пьетъ вино съ тобою: то проклятый
„Вукъ Бранковичъ! Видовъ день настанетъ, (*)
„Завтра мы на Косовѣ увидимъ,
„Кто измѣнникъ, кто изъ насъ и вѣрный.
„И клянусь я Богомъ Всемогущимъ:
„Будетъ битва на Косовѣ завтра,—
„Въ ней зарѣжу я царя Мурата,
„Наступлю погой ему на горло.
„Еслижъ Богъ и счастье мнѣ даруютъ
„Вновь въ Крушевецъ здравымъ возвратиться,
„Ухвачу измѣнника я Вука,
„Привяжу его къ копью стальному,
„Какъ кудель привязываютъ къ прялкѣ,
„И сведу на Косово злодѣя.“

18 Разговоръ Милоша съ Косанчичемъ передъ битвой.

„Побратимъ ты мой, Иванъ-Косанчичъ,
„Лагерь турокъ осмотрѣлъ ты тайно?
„Много-ль войска у царя Мурата?
„Противъ турокъ можемъ мы сразиться?
„Можно ль въ битвѣ одолѣть намъ турокъ?“
Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ:
„Побратимъ, Обиличъ Милошъ! Самъ я
„Видѣлъ войско: много силъ у турокъ.
„Еслибъ сербы стали солью туркамъ,
„Не хватило бъ на обѣдъ той соли.
„Тайно я пробрался въ лагерь турокъ
„И пятнадцать дней ходилъ по стану,
„Нѣту края стану, туркамъ счету.
„Отъ горы до Явора сухого
„Растянулся лагерь ихъ; оттуда,
„Побратимъ мой милый, до Сазліи,
„Отъ моста желѣзнаго къ Звечану,
„Отъ Звечана, побратимъ, къ Чечану;
„А оттуда до горы лѣсистой,—
„Все покрыто силою турецкой.
„Плотно конь съ конемъ, юнакъ съ юнакомъ,
„Какъ гора, чернѣютъ копья турокъ,
„Словно туча, вѣютъ ихъ знамена,
„Какъ снѣга, бѣлѣютъ ихъ палатки.
„Если дождь надъ станомъ ихъ прольется,
„То на землю не падетъ и капли:
„На коней все ляжетъ, да на войско.
„Царь Муратъ пришелъ на Мазгитъ поле,
„Захватилъ и Лабъ и всю Ситницу.“
Говоритъ Косанчичу Обиличъ:
„Побратимъ, Иванъ Косанчичъ! Видѣлъ—
„Гдѣ шатеръ Мурата? я поклялся
„Заколоть на Косовѣ султана
„И погою стать ему на горло.“
Отвѣчаетъ Милошу Косанчичъ:
„Ты безумецъ, побратимъ мой милый!
„Вѣдь шатеръ Мурата по срединѣ
„Стана турокъ; и имѣй ты крылья
„И спустися на Мурата съ неба,
„Всежъ назадъ не вынесешь ты тѣла.“
Заклинаетъ тутъ Ивана Милошъ:
„Побратимъ Иванъ! Ты милъ и дорогъ
„Мнѣ, какъ братъ родной. Я заклинаю—
„Не скажи ты правды этой князю,
„Чтобы Лазарь-царь не испугался,
„Или войско не упало духомъ.
„Но скажи ты князю такъ: «Довольно
„У Мурата войска; всежъ мы можемъ
„Выйдти въ бой, и одолѣемъ турокъ.
„Не искусно войско турокъ въ битвѣ.
„Старики тамъ, да мастеровые,
„Городскіе торгаши: ни разу
„Это войско битвы невидало;
„И затѣмъ взялись лишь за оружье,
„Что бы только хлѣбомъ пропитаться.
„Все же войско лучшее у турокъ
„Отъ болѣзни злой поослабѣло,
„Отъ болѣзни тяжкой, сердоболья;
„Даже кони ихъ болѣютъ сильно,
„И отъ мора мало ихъ осталось.“

(*) Видовъ день 15 іюля.

19. Милошъ убиваетъ Мурата. (*)

Воевода храбрый Милошъ
вѣрныхъ слугъ своихъ сзываетъ,
Призываетъ онъ Ивана
и Косовича Николу:
„Вы ступайте, вѣрны слуги,
и коней намъ осѣдлайте:
„Я сегодня вмѣстѣ съ вами
ѣду въ лагерь отманина.“
Поднимались вѣрны слуги
и коней сѣдлали скоро.
Вышелъ Милошъ воевода
изъ-за трапезы господской,
Сѣлъ въ сѣдло и вверхъ поѣхалъ
по Косову чйсту полю.
На конѣ вздремнулъ немного
Милошъ тихою дремотой.
Золотое солнце въ небѣ
не стояло на востокѣ,
А ужъ былъ Обиличъ Милошъ
предъ шатромъ царя Мурата.
И пошли къ царю султану
донести объ этомъ турки:
„Царь нашъ свѣтлый! вотъ Обиличъ
предъ твоей палаткой царской.“
И султанъ далъ приказанье
привести къ нему Милоша.—
И какъ былъ Обиличъ Милошъ
предъ царемъ въ его палаткѣ,
Свѣтлый царь такія рѣчи
говорить началъ юнаку:
„Ты пришолъ сюда развѣдать,
осмотрѣть мой станъ, Обиличъ?“
И на то Обиличъ Милошъ
отвѣчалъ царю султану:
„Отступился я отъ сербовъ
и отъ Лазаря-владыки,
„И пришолъ сюда сегодня,
чтобъ помочь тебѣ въ сраженьи.“
Услыхавъ такія рѣчи,
говоритъ Муратъ юнаку:
„Есть законъ въ землѣ турецкой:
кто придетъ ко мнѣ, султану,
„Долженъ въ землю поклониться,
облобзать мое колѣно.“
Подошелъ къ султану Милошъ,
чтобы въ землю поклониться,
И нагнулся, чтобъ колѣно
облобзать ему десное;
Тутъ онъ выхватилъ кинжалъ свой
и ударилъ имъ султана,
И опять поворотился
и ногой его притиснулъ.
А въ одинъ прыжокъ ужъ былъ онъ
внѣ Муратовой палатки,
На коня усѣлся мигомъ
вмѣстѣ съ слугами своими
И помчался словно вѣтеръ
внизъ по Косову по полю.
Закричали громко турки
крѣпкимъ голосомъ всѣ разомъ:
„Поразилъ султана Милошъ,
но его не погубилъ онъ.“
И помчалась за юнакомъ
вся могучая ихъ сила.
Увидалъ Обиличъ Милошъ
крѣпкихъ турокъ предъ собою,—
Онъ съ своею острой саблей
повернулся къ нимъ на встрѣчу.
Погубилъ онъ много турокъ
острой саблею своею;
Чтожъ отъ рукъ его бѣжало,
убивали вѣрны слуги.
Только здѣсь бѣда большая
приключилася юнаку:
Погубили въ битвѣ турки
слугъ обилича Милоша.
Но пока еще объ этомъ
не печалился Обиличъ.
Только снова здѣсь съ юнакомъ
случилась бѣда большая:
Говорить сталъ чей-то голосъ
атманнамъ изъ-за тучи:
„Иль не видите вы, турки,—
будто зрѣнья вы лишились,—
„Что юнакъ въ броню закованъ,
да и конь подъ нимъ юнацкій,

(*) Переводъ размѣромъ подлинника.

„Онъ своею острой саблей
истребитъ васъ до едина:
«Подъ коня бросайте, турки,
и щиты и ваши сабли.» (*)
И разслушали лишь только
турки голосъ изъ-за тучи,
То бросать начали сабли
и мечи коню подъ ноги.
И споткнулся конь ретивый
подъ Обиличемъ Милошемъ.
Навалились турки разомъ
на него и отрубили
Ногу правую юнаку.
Какъ увидѣлъ это Милошъ,
Онъ схватилъ копье рукою,
какъ ногою имъ подперся
И не далъ турецкой рати
погубить себя. Несчастный,
Закричалъ онъ бѣлымъ горломъ:
„Гдѣ ты князь нашъ, гдѣ ты, Лазарь?
„Помоги сейчасъ мнѣ, тесть мой!
помоги теперь, иль помощь
„Ни твоя, ничья ужъ больше
мнѣ во вѣкъ нужна не будетъ.
„Для тебя всю силу турокъ
я согналъ къ рѣкѣ Марицѣ.
„Многихъ самъ убилъ въ сраженіи,
утопилъ другихъ въ Марицѣ.“
И услышалъ Вукъ Бранковичъ
вопли Милоша и началъ
Предъ вождями войска сербовъ
напѣвать такія рѣчи:
„Крѣпче, Милошъ мой, держися,
благородное колѣно!
„И покуда хочешь биться,
бейся съ силою турецкой.
„Вотъ когда сполна заплатишь
мнѣ за выбитые зубы.»
И на эти рѣчи зятя
Вука Лазарь отвѣчаетъ:
„Ахъ, молчи ты, замолчи ты!
Онѣмѣй ты, Вукъ Бранковичъ!

(*) По другимъ сказаніямъ этотъ совѣтъ дала туркамъ одна старая женщина.

„Я услышалъ (молвитъ Лазарь)
чей-то голосъ издалека.
„Я сказалъ бы, что то голосъ
зятя Милоша.... Боюся,
„Что въ бѣдѣ большой Обиличъ“...
На коня вскочилъ лишь Лазарь,
Тутъ и турки подоспѣли
и на Лазаря напали,
Все разбили войско сербовъ,
ничего не осталося.
А проклятый Вукъ Бранковичъ
убѣжалъ въ зелены горы.
Лазарь въ плѣнъ былъ взятъ, и турки
отвели его къ Мурату,
Привели туда жъ въ палатку
и Обилича къ султану.
Въ это время не разстался
царь Муратъ еще съ душею
И пашамъ онъ и визирямъ
говорилъ такія рѣчи:
„Въ то мгновеніе, какъ буду
я съ душою разставаться,
„Вы главу владыкѣ сербовъ
князю Лазарю срубите,
„Вмѣстѣ съ Лазаремъ убейте
и Обилича Милоша.
„Вы меня похороните
средь Косова чиста поля.
„Князя Лазаря заройте
вы въ ногахъ моихъ султанскихъ.
„У руки жъ моей у правой
вы Обилича заройте“.
Услыхалъ объ этомъ Милошъ,
говорить печально началъ:
„Свѣтлый царь Муратъ отманинъ!
Я просить тебя могу ли?
„Дай приказъ, чтобъ не лежалъ я
подъ рукой твоей десною;
„Прикажи, тебя прошу я,
чтобъ у ногъ я былъ положенъ,
„У руки жъ твоей пусть турки
князя Лазаря схоронятъ:
„Какъ я Лазарю при жизни
былъ всегда слугой усерднымъ,

„И въ землѣ—въ могилѣ темной
пусть слугой ему останусь.“
На Обиличеву просьбу
согласился царь Отманинъ.
Какъ услышалъ Лазарь рѣчи
зятя Милоша, рѣкою
По лицу его по бѣломъ
полись горючи слезы,
И промолвилъ обратившись
Лазарь къ зятю дорогому:
„Мать твоя блаженна, Милошъ,
что тебя родивъ вскормила!
„Я тобой всегда хвалился
межъ родными и князьями.
„Вѣчно жъ проклятою будетъ
та, что Вука породила.
„Онъ меня, проклятый, нынѣ
передъ всѣми опозорилъ:
„Выдалъ насъ сегодня туркамъ
на большомъ Косовомъ полѣ.“
И еще хотѣлось что-то
князю Лазарю промолвить,
Но въ тотъ мигъ съ своей душою
разлучился царь Отманинъ.
Тотчасъ Лазарю съ Милошемъ
отрубили главы турки;
У руки десной Мурата
князя Лазаря зарыли;
Подъ ногами Отманина
былъ зарытъ Обиличъ Милошъ.
Какъ услышала Милица
эти горестные рѣчи,
У нея живое сердце
отъ печали разорвалось.(*)

Царь Лазарь и царица Милица.

За вечерей возсѣдаетъ Лазарь,
Рядомъ съ нимъ жена его Милица.
Говоритъ Милица: „Царь нашъ Лазарь,
„Золотая сербская корона!
„Ты уходишь на Косово завтра,
„Забираешь воеводъ и войско;
„Никого со мной не остается
„Изъ твоихъ юнаковъ, кто извѣстье
„Отъ меня на Косово носилъ бы
„И оттуда съ вѣстью возвращался.
„Ты съ собой монхъ уводишь братьевъ,
„Девять братьевъ—Юговичей храбрыхъ.
„Заклинаю я тебѣ: оставь мнѣ
„Одного хоть брата на утѣху.“
И царицѣ отвѣчаетъ Лазарь:
„Такъ скажи же мнѣ, моя Милица,
„Ты кого изъ братьевъ пожелаешь
„Здѣсь съ тобой оставить въ нашемъ до-
„—Ты оставь мнѣ Юговича Бошку.„ [мѣ?“
Отвѣчаетъ ей на это Лазарь:
„Госпожа моя Милица! завтра
„Надъ землей лишь бѣлый день настанетъ,
„Только въ небѣ солнце засіяетъ,
„И какъ-только ворота откроютъ,—
„Выходи ты къ городскимъ воротамъ.
„Проходить тутъ будетъ наше войско—
„На коняхъ съ оружіемъ юнаки;
„Впереди ихъ милый братъ твой Бошко,
„И въ рукахъ его святое знамя.
„Ты скажи ему, что я позволилъ
„Передать кому захочетъ знамя
„И съ тобою дома оставаться.“
И какъ утро въ небѣ засіяло,
Отправлялась къ воротамъ Милица,
Становилась въ городскихъ воротахъ.
Вотъ и войско выступаетъ строемъ;
На коняхъ съ оружіемъ юнаки,
Передъ ними братъ царицы Бошко.
Весь его нарядъ осыпанъ златомъ;
Осѣняетъ Юговича знамя—
До сѣдла концы его спадаютъ;
А надъ нимъ сіяетъ крестъ, съ креста же
Золотыя кисти внизъ повисли,
По плечамъ раскинулися Бошка.
Бросилась царица, удержала
За узду коня и обхватила
Шею брата бѣлыми руками;
Говоритъ ему такія рѣчи:
„Братъ мой Бошко! Лазарь разрѣшаетъ

(*) На самомъ дѣлѣ Милица пережила Косовскую катастрофу.

„Не итти тебѣ на бой съ дружиной:
„Не иди ты на Косово поле,
„Передай кому захочешь знамя
„И со мной въ Крушевцѣ оставайся:
„Не оставь меня одну, молю я.“
Но Милицѣ Бошко отвѣчаетъ:
„Воротись, сестра, въ свой бѣлый теремъ,
„Я домой съ тобой не ворочуся
„И хоругвь не передамъ другому,
„Еслибъ царь мнѣ далъ за то Круше-
„Чтобъ о мнѣ дружина не сказала: [вецъ,—
„Трусъ нашъ Бошко Юговичъ! Не смѣетъ
„Онъ итти на Косово отъ страха,
„Кровь пролить за крестъ святой до капли,
„Положить животъ за вѣру въ битвѣ.“
И въ ворота онъ коня направилъ.
Слѣдомъ ѣдетъ Югъ-Богданъ могучій,
А за нимъ семь Юговичей храбрыхъ,
Ѣдутъ братья рядомъ; на Милицу
Ни одинъ и поглядѣть не хочетъ.
Ожидаетъ бѣдная царица.
Вотъ и Воинъ, братъ ея послѣдній,
Ѣдетъ мимо: Лазареву лошадь
Онъ ведетъ покрытую попоной,
Дорогой попоной, золотою.
Ухватилась за узду Милица,
Шею брата бѣлыми руками
Обнимала, тихо говорила:
„Братецъ милый Воинъ! Мужъ мой Лазарь
„Шлетъ поклонъ тебѣ и вмѣстѣ проситъ,
„Чтобъ коня ты передалъ другому
„И со мной въ Крушевцѣ остался.
„Не оставь меня одну, молю я...“
Такъ Милицѣ Воинъ отвѣчаетъ:
„Воротись, сестра, въ свой бѣлый теремъ!
„Не вернуся я назадъ съ тобою,
„Царскій конь въ другихъ рукахъ не будетъ,
„Если бъ даже зналъ я, что погибну;
„Я иду на Косово, Милица,
„Кровь свою пролить за крестъ до капли,
„За святую вѣру пасть съ дружиной.“
И поѣхалъ отъ сестры въ ворота.
Наземь пала отъ тоски великой,
Пала наземь замертво Милица.
Вотъ къ воротамъ Лазарь подъѣзжаетъ.
Какъ увидѣлъ онъ свою царицу,
Залился горючими слезами;
Посмотрѣвъ направо и налѣво,
Подозвалъ слугу онъ Голубана:
„Голубанъ, слуга любимый, вѣрный!
„Ты сойди съ коня, возьми царицу,
„На рукахъ снеси въ высокій теремъ;
„Богъ тебѣ проститъ, что вмѣстѣ съ нами
„Ты не будешь на Косовѣ биться:
„Во дворцѣ съ царицей оставайся.“
Какъ слуга заслышалъ эти рѣчи,
Облился горючими слезами.
Слѣзъ съ коня онъ и поднялъ царицу,
На рукахъ отнесъ ее въ свѣтлицу.
Но онъ сердце удержать не можетъ,—
Рвется сердце въ битву со врагами:
Повернулъ коня онъ и поѣхалъ
Въ войско сербовъ на Косово поле.

* *
*

Рано утромъ, при восходѣ солнца,
Прилетѣли черные два врана,
Прилетѣли отъ Косова поля
И на царскомъ теремѣ усѣлись.
Черный воронъ говоритъ другому;
„Это ль теремъ Лазаря владыки?
„Что же въ немъ души живой не видно?“
Эту рѣчь царица услыхала,
Изъ своей свѣтлицы выходила
И двумъ вранамъ черным говорила:
„Ради Бога, птицы, разскажите—
„Вы сюда откуда прилетѣли?
„Не летите ль отъ Косова поля?
„Не видали ль тамъ двѣ рати храбрыхъ?
„Рать на рать ударила? Скажите,—
„Чье же войско въ битвѣ побѣдило?“
Отвѣчаютъ вороны Милицѣ:
„Мы сегодня отъ Косова поля.
„Тамъ сошлися храбрыя два войска,
„Рать на рать ударила,—сразились.
„У обѣихъ ихъ цари погибли.
„Кое-что отъ турокъ осталося,

„А отъ сербовъ раненые только.“
Не успѣли рѣчь окончить птицы,
Подъѣзжаетъ вдругъ слуга Милютинъ:
Въ лѣвой держитъ правую онъ руку,
А на немъ семнадцать ранъ зіяютъ;
Даже конь облитъ юнацкой кровью.
Говоритъ Милютину царица:
„Что, ты боленъ, мой слуга Милютинъ?
„Ужъ не выдалъ ли царя ты въ битвѣ?“
Отвѣчаетъ ей слуга Милютинъ:
„Помоги мнѣ слѣзть съ коня, царица...
„Освѣжи меня водой холодной,
„Ороси виномъ больныя раны.
„Я отъ тяжкихъ ранъ изнемогаю.“
Помогла Милютину царица
Слѣзть съ коня, водой его омыла
И виномъ ему отерла раны.
Какъ вернулись къ Милютину силы,
Начала распрашивать Милица:
„Разскажи теперь мнѣ, что случилось...
„Гдѣ погибъ супругъ мой, царь нашъ Лазарь?
„Гдѣ погибъ и Югъ-Богданъ, отецъ мой?
„Гдѣ погибли Юговичей девять?
„Гдѣ погибъ нашъ воевода Милошъ,
„Вукъ Бранковичъ, Бановачъ Страхи-
Отвѣчаетъ ей слуга Милютинъ: [нья?“
„Всѣ они на Косовѣ погибли.
„Гдѣ погибъ царь Лазарь, много копій
„Тамъ разбито въ щепки, сербскихъ копій
„И турецкихъ,—только сербскихъ больше:
„Ихъ ломали сербы, защищая
„Государя Лазаря въ сраженьи.
„Старый Югъ убитъ въ началѣ битвы,
„Въ первой схваткѣ Юговичей восемь—
„Восемь братьевъ—всѣ убиты вмѣстѣ:
„Братъ не выдалъ брата дорогого;
„Храбрый Бошко былъ убитъ послѣднимъ:
„Онъ съ хоругвью по полю носился,
„Поражая турокъ, какъ гоняетъ
„Голубей подъ небомъ сизый соколъ.
„Гдѣ стояло крови по колѣни,
„Тамъ убитъ былъ Бановачъ Страхинья;
„Былъ убитъ нашъ воевода Милошъ
„У Ситницы, у воды холодной,
„Гдѣ не мало перебилъ онъ турокъ:
„Погубилъ султана онъ Мурата
„И еще двѣнадцать тысячъ турокъ.
„Богъ проститъ грѣхи его, а вмѣстѣ
„И его родителей: оставилъ
„О себѣ онъ память, долго будутъ
„Въ пѣсняхъ пѣть о Милошѣ, доколѣ
„Будутъ сербы и Косово поле.
„Что жъ сказать о Вукѣ? Будь онъ про-
„И съ отцомъ и съ матерью своею! [клятъ
„Будь онъ проклятъ съ родомъ всѣмъ во
„Измѣнилъ на Косовѣ онъ сербамъ [вѣки!
„И увелъ съ собой двѣнадцать тысячъ
„Храброй рати, госпожа Милица.“

---

21. Гибель Сербскаго царства.

Сизый соколъ пролеталъ по небу
Отъ святого Іерусалима,
И держалъ онъ ласточку когтями;
Но то не былъ сизокрылый соколъ,—
Это былъ Илья Святитель: держитъ
Онъ въ рукахъ не ласточку, а книгу;
И несетъ отъ Пресвятой Маріи
Эту книгу къ Лазарю Святитель
На широкое Косово поле.
Пала книга кралю на колѣни,
И сама та книга говорила:
„Лазарь Царь, почетное колѣно!
„Выбирай какое хочешь царство:
„Или хочешь ты земного царства,
„Или царства вѣчнаго на небѣ?
„Если хочешь ты земного царства,—
„Прикажи сѣдлать коней, подпруги
„Подтянуть, да сабли приготовить,
„И немедля нападай на турокъ:
„Войско турокъ все погибнетъ въ битвѣ.
„Если жъ царства ты желаешь въ небѣ,
„Выстрой церковь на Косовѣ полѣ:
„Но не строй изъ мрамора ты церкви,—
„Строй ты церковь изъ сукна да шелка; (*)

(*) т. е. походную церковь.

„Причастися съ войскомъ въ этой церкви:
„Все твое погибнетъ войско въ битвѣ,
„Да и самъ ты, Лазарь, тамъ погибнешь."
Эти рѣчи слушаетъ царь Лазарь
И съ собою въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Боже Правый! какъ и что мнѣ дѣлать?
„Что избрать: небесное ли царство
„Иль земное? Но земное царство
„Коротко, небесное же вѣчно."
И избралъ небесное онъ царство,
А земное не избралъ, отвергнулъ:
Сталъ онъ строить на Косовѣ церковь
Не изъ камня,—изъ сукна да шелку;
И зоветъ къ себѣ онъ патріарха,
Вмѣстѣ съ нимъ епископовъ двѣнадцать,
Чтобы вмѣстѣ съ войскомъ причаститься.
И какъ все, что надобно, онъ сдѣлалъ,
Тутъ и турки привалили въ поле.
Противъ турокъ Югъ-Богданъ ударилъ;
Вмѣстѣ съ Югомъ Юговичей девять,
Девять братьевъ—соколовъ могучихъ.
Съ каждымъ братомъ девять тысячъ
А у Юга стараго—двѣнадцать. [войска,
Храбро Югъ рубился съ ратью турокъ:
Семь пашей убито было въ битвѣ;
А когда съ осьмымъ сражаться стали,
Югъ-Богданъ погибъ и съ сыновьями.
Девять сизыхъ соколовъ погибло,
Вмѣстѣ съ ними войско ихъ погибло.—
Вотъ выходятъ трое Мрлявчавичей:
Банъ Углеша, воевода Гойко,
Краль Вукашинъ; тридцать тысячъ войска
Вмѣстѣ съ каждымъ; бились и рубились
Храбро съ ратью турокъ: цѣлыхъ восемь
Ужъ пашей убито было ими;
Но съ девятымъ въ битвѣ пали вмѣстѣ
Банъ Углеша съ воеводой Гойкой;
А Вукашинъ люто былъ израненъ,
И его съ конемъ стоптали турки. (*)
Все погибло войско Мрлявчавичей.

(*) Анахронизмъ: они погибли въ битвѣ съ турками на Марицѣ въ 1371 году, на восемнадцать лѣтъ раньше.

Вотъ Степанъ, прозваньемъ Ерцегъ, (*)
Много рати храброй у Стефана, [вышелъ;
Шестьдесятъ съ нимъ тысятъ храброй
Храбро бился и рубился Ерцегъ: [рати.
Девять имъ пашей убито было;
На десятомъ палъ Стефанъ и съ войскомъ.
Вотъ выходитъ противъ турокъ Лазарь,
Самъ царь-Лазарь и съ собой выводитъ
Семьдесятъ семь тысячъ храброй рати.
Разогналъ по Косову онъ турокъ:
Не даетъ и оглядѣться туркамъ,
А не только въ битвѣ съ нимъ схватиться.
Въ прахъ разбилъ бы Лазарь войско турокъ,
Еслибъ тутъ не измѣнилъ Бранковичъ:
О, убей его Ты, Правый Боже!
Выдалъ тестя туркамъ Вукъ Бранковичъ...
Одолѣли Лазаря тутъ турки,—
И погибъ царь сербскій Лазарь, вмѣстѣ
Съ нимъ все войско сербское погибло—
Семьдесятъ семь тысячъ храброй рати.
Это были славные юнаки,
Ихъ Господь сподобилъ рая въ небѣ.

— —

22 Мусичъ Стефанъ.

Пьетъ вино въ дворѣ своемъ господскомъ
На Майданѣ Мусичъ. За трапезой
Ваистинъ слуга вино подноситъ.
Какъ вина Стефанъ довольно выпилъ,
Говоритъ онъ Ваистину началъ:
„Ваистинъ мой, чадо дорогое!
„Спать я лягу, ты жъ садись за ужинъ,
„Пей вино; потомъ изъ дома выйди,
„Погляди на ведреное небо:
„На заходѣ ль мѣсяцъ, не взошла ли
„На востокѣ яркая денница:
„Не пора ли въ путь намъ собираться
„На Косово поле въ войско сербовъ?
„Самъ ты знаешь, чадо дорогое,
„(Вѣдь съ тобой тогда мы были вмѣстѣ)
„Положилъ какое царь заклятье,
„Заклиная, проклиная люто:

(*) Ерцегъ—герцогъ.

„«Всякій сербъ, и сербскаго кто рода,
„«И отъ сербской крови и колѣна,
„«А пойти на Косово не хочетъ,—
„«Пусть не будетъ онъ имѣть потомства;
„«Ничего отъ рукъ тѣхъ не родися,
„«Ни вино, ни бѣлая пшеница!
„«Пусть погибнетъ все его колѣно!»
Легъ Стефанъ въ постель свою, за ужинъ
Ваистинъ слуга его садился.
Какъ поѣлъ, вина онъ выпилъ въ мѣру
И пошелъ изъ комнатъ господина
Поглядѣть на ведреное небо:
Высоко ль стоитъ на небѣ мѣсяцъ,
Не взошла ль денница на востокѣ:
Не пора ли въ путь имъ собираться
На Косово поле въ войско сербовъ?
Со двора пошелъ слуга въ конюшню,
Двухъ коней лихихъ оттуда вывелъ,
Осѣдлалъ ихъ, снарядилъ красиво—
И себѣ коня и господину.
А потомъ назадъ пошелъ въ хоромы:
Взялъ Стефана шелковое знамя,—
А на немъ крестовъ златыхъ двѣнадцать,
Да еще Крестителя икона—
Красно имя Мусича Стефана.
Ваистинъ къ стѣнѣ поставилъ знамя,
Самъ обратно въ комнаты вернулся
Разбудить Стефана господина.
Вотъ подходитъ онъ къ дверямъ свѣтли-
Гдѣ уснулъ Стефанъ; тутъ Ваистина [цы,
Повстрѣчала Мусича супруга;
Обняла его, поцѣловала:
„Братъ по Богу, Ваистинъ нашъ вѣрный!
„Въ Богѣ братъ мнѣ и въ Святомъ Иванѣ!
„Былъ ты вѣрнымъ мнѣ всегда слугою,
„Но теперь я Богомъ заклинаю,—
„Не буди Стефана господина.
„Мнѣ сегодня сонъ дурной приснился:
„Голубей снялась большая стая
„Съ нашего двора и полетѣла
„На Косово поле къ войску турокъ,
„Гдѣ султанъ Муратъ раскинулъ лагерь.
„Какъ упала стая, ужъ не встала.
„Этотъ сонъ—зловѣщее предвѣстье,
„Я боюсь, что тамъ вы пропадете.“
Отвѣчаетъ Ваистинъ на это:
„Посестрима, Мусича супруга!
„Не могу я покривить душою
„Предъ Стефаномъ, нашимъ господиномъ.
„Вмѣстѣ съ нимъ мы были, какъ царь
„Налагалъ великое заклятье, [Лазарь
„Заклиная, проклиная люто:
„«Кто изъ сербовъ, сербскаго кто рода,
„«Кто отъ сербской крови и колѣна,
„«А не выйдетъ на Косово биться,—
„«Отъ руки того пусть не родится
„«Ничего отнынѣ и до вѣка:
„«Ни вино, ни бѣлая пшеница!
„«Пусть его всегда пустѣетъ поле!
„«Пусть не будетъ онъ имѣть потомства,
„«Пусть погибнетъ все его колѣно.»
„Не могу невѣрнымъ оказаться,
„Ото сна не пробудить Стефана,
„Твоего и моего владыку.“
И пошелъ онъ въ Мусичеву спальню,
Сталъ будить Стефана: „Пробудися:
„Дорогой мой господинъ,—ужъ время
„Ѣхать въ путь на Косово намъ поле.“
Быстро сталъ Стефанъ на легки ноги,
Умывалъ лицо свое водою,
Надѣвалъ нарядную одежду,
Припоясалъ кованую саблю,
Въ руки взялъ съ виномъ холоднымъ чашу,
Пилъ вино изъ чаши въ славу Божью
За счастливый путь свой, за удачу,
За Господень крестъ святой. И больше
Пить вина не довелось Стефану.
Выходилъ онъ со слугой изъ комнатъ;
На коней садилися юнаки,
Распустили шелковое знамя,
Заиграли въ бубны и свирѣли,
Въ путь-дорогу съ Богомъ отправлялись.
На востокѣ зорька заалѣла,
Какъ они къ Косову подъѣзжали.
Встрѣтилась имъ дѣвушка Косовка,
Держитъ двѣ она златыя чаши,
Объ пусты; а подъ мышкой шапка,
Дорогая шапка бѣла шелка,

Перьями украшена богато:
Снизу перья серебромъ залиты,
Посединѣ златомъ перевиты,
Сверху жъ жемчугъ дорогой нанизанъ.
Говоритъ Стефанъ такія рѣчи:
„Богъ на помощь, дѣвушка Косовка!
„Гдѣ, душа моя, въ бою была ты?
„Гдѣ взяла ты шелковую шапку?
„Покажи мнѣ шапку: не узнаю ль—
„Чья она, какого воеводы?
„Я тебѣ клянусь своей удачей:
„Не узнаешь отъ меня обмана."
Отвѣчаетъ дѣвушка Косовка:
„Будь здоровъ и веселъ, воевода!
„Не иду домой я съ поля битвы:
„Мать меня, сегодня до разсвѣта
„Разбудивши, за водой послала.
„Прихожу я на воду Ситницы,
„А Ситница разлилась и мутна,
„И несетъ она коней, юнаковъ,
„Бѣлые чалмы и фески турокъ,
„Да и шапки сербскія. Прибило
„Эту шапку къ берегу волною.
„Я вошла въ Ситницу и рукою
„Захватила шелковую шапку.
„У меня есть братъ меня моложе;
„Отнесу я эту шапку брату,
„А себѣ возьму отъ шапки перья."
Подаетъ она Стефану шапку.
Какъ увидѣлъ эту шапку Мусичъ,
Какъ увидѣлъ, тотчасъ догадался
Чья она... заплакалъ горько Мусичъ
И рукой ударилъ по колѣну,
Такъ ударилъ сильно, что разсѣлся
Алый бархатъ на его колѣнѣ
И сломалась въ рукавѣ застежка:
„Тяжело мнѣ, Господи мой Боже!
„На меня падетъ теперь проклятье
„Моего честнаго государя."
Возвратилъ Косовкѣ шапку Мусичъ;
Опускаетъ онъ въ карманъ свой руку,
Вынимаетъ желтыхъ три дуката:
„Вотъ тебѣ, сестра моя Косовка!
„Я жъ иду на Косово сразиться
„За святое имя Іисуса...
„Если Богъ мнѣ дастъ назадъ вернуться,
„Награжу тебя тогда я больше.
„Если жъ я, сестра, погибну въ битвѣ,
„Вспоминай меня ты по подарку."
Тутъ коня онъ своего пришпорилъ,
Перешелъ черезъ Ситницу бродомъ
И ударилъ на турецкій таборъ.
Три паши убилъ онъ въ яростной схваткѣ;
А какъ сталъ съ четвертымъ бится, самъ
Былъ убитъ съ слугою Ваистиномъ, [онъ
И двѣнадцать тысячъ съ ними войска.
Въ этой битвѣ былъ убитъ и Лазарь.
Въ этой битвѣ сербы потеряли
На землѣ и власть свою и силу.

23. Смерть матери Юговичей.

Милосердный Боже, Всемогущій!
Какъ легло на Косовѣ все войско,
А въ томъ войскѣ Юговичей девять,
Да Богданъ—старикъ десятый съ ними,—
Тутъ взмолилась Югова супруга:
Далъ бы Богъ ей соколины очи,
Далъ бы Богъ ей лебедины крылья,
Чтобъ слетать ей на Косово поле
И увидѣть Юговичей девять
И Богдана, мужа дорогого.
Что просила, то и получила.
Далъ Господь ей соколины очи,
Далъ ей бѣлы лебедины крылья.
Полетѣла къ Косову старуха,
Сыновей нашла своихъ убитыхъ
И Богдана, мужа дорогого:
Передъ ними вбиты въ землю копья,
Девять копій Юговичей храбрыхъ.
На копьѣ по соколу сидѣло;
Девять тамъ коней стояло быстрыхъ,
Девять лютыхъ львовъ лежало подлѣ.
Вдругъ заржали Юговичей кони,
Девять львовъ вругъ лютыхъ заревѣло,
Сокола вдругъ разомъ заклектали.
Но старухи сердце было твердо,

И слезы она не уронила.
Вотъ коней беретъ она съ собою,
Лютыхъ львовъ и соколовъ проворныхъ
И идетъ обратно въ дворъ свой бѣлый.
Издалека увидали снохи—
Юговичей жены—мать старуху,—
Вышли къ ней на встрѣчу въ чисто поле.
Зарыдали горькія вдовицы,
Залилися горькими слезами...
Тутъ заржали Юговичей кони,
Девять лютыхъ львовъ тутъ заревѣли,
Соколы тутъ громко заклектали...
Но старухи сердце было твердо,
И слезы она не уронила.
Ровно въ полночь вдругъ заржалъ въ конюшнѣ
Конь Демьяна. Говоритъ старуха:
„О сноха моя, жена Демьяна!
„Что такъ ржетъ Демьяновъ конь въ конюшнѣ,
„Иль голоденъ или пить онъ хочетъ?“
Отвѣчаетъ ей жена Демьяна:
„О свекровь ты, матушка Демьяна!
„Конь ни ѣсть, ни пить сейчасъ не хочетъ.
„Но у мужа былъ такой обычай:
„До полночи конь стоялъ въ конюшнѣ,
„Ѣлъ овесъ; а съ пѣтухами въ полночь
„Выѣзжалъ Демьянъ мой въ путь-дорогу.
„Ржаньемъ конь зоветъ къ себѣ Демьяна,
„На него пѣняетъ, что онъ въ полночь,
„Какъ и прежде, въ путь не выѣзжаетъ.“
Твердо было материно сердце,
И слезы она не уронила.
А какъ утро въ небѣ засіяло,
Пролетаютъ черные два врана:
До плеча у нихъ кровавы крылья,
И покрыты пѣною ихъ клювы;
И несутъ они юнака руку,
На рукѣ же золоченый перстень.
Эту руку враны уронили
На колѣни Юговой супруги.
Вотъ взяла старуха эту руку,
Оглядѣла руку, повернула...
И зоветъ къ себѣ жену Демьяна:
„О сноха, Демьянова супруга!
„Можетъ быть, узнаешь эту руку?“
Отвѣчаетъ ей вдова Демьяна:
„О свекровь, ты мать милого мужа!
„Предъ тобой рука Демьяна сына.
„Узнаю и перстень золоченый:
„Этимъ перстнемъ въ церкви мы вѣнчались...“
Подняла старуха руку сына,
Осмотрѣла, повернула снова;
И рукѣ такъ тихо говорила:
„О рука ты, яблочко зелено!
„Гдѣ росло ты, гдѣ тебя сорвали?
„На груди моей ты выростало,
„А сорвали на Косовѣ полѣ.“
Тутъ стѣснило горе грудь старухи,
Грудь стѣснилась, сердце разорвалось.
Не снесла она потери мужа
И потери сыновей любимыхъ.

24. Косовская дѣвушка.

Рано встала дѣвушка Косовка
Въ свѣтлой праздникъ Божій—воскресенье,
Въ воскресенье до восхода солнца:
Засучила рукава по локоть,
На плечахъ своихъ несетъ хлѣбъ бѣлый,
А въ рукахъ—двѣ чаши золотыя:
Въ первой чашѣ—студена водица,
А въ другой—вино. По чисту полю
Дѣвушка Косовская проходитъ,
Чрезъ то мѣсто, гдѣ юнаки бились,—
Смотритъ, кто изъ нихъ въ живыхъ остался.
Какъ въ живыхъ найдетъ она юнака,
То водой лицо ему умоетъ,
Дастъ испить вина ему изъ чаши
И накормитъ раненаго хлѣбомъ.
Вотъ нашла она знаменоносца
Въ грудѣ труповъ—Орловича Павла.
Чуть былъ живъ Орловичъ, весь израненъ:
Безъ руки безъ правой онъ остался,
До колѣна отрубили турки
Лѣвую Орловичеву ногу;

Были ребры сломаны юнака,
И чрезъ ребра легкое виднѣлось.
Изъ подъ тѣлъ освободила Павла
Дѣвушка, водой его умыла
И дала испить вина изъ чаши,
Подкрѣпила силы Павла хлѣбомъ.
Ожило въ груди юнака сердце,
И сказалъ тутъ дѣвушкѣ Орловичъ:
„О сестра, Косовская дѣвица!
„У тебя большая, знать, неволя,
„Что ты ходишь по полю кровавомъ?
„Ты скажи,—кого средь труповъ ищешь?
„Ищешь ты племянника, иль брата?
„Не отца ли по грѣху ты ищешь?“ (*)
Говоритъ Орловичу Косовка:
„Братъ по Богу, незнакомый рыцарь!
„Не ищу я родственниковъ въ полѣ:
„Не ищу племянника, ни брата,
„Не ищу и по грѣху отца я.
„Можетъ быть ты знаешь, незнакомецъ,
„Какъ монаховъ тридцать причащали,
„Ровно три тому назадъ недѣли,
„Передъ битвой Лазарево войско
„У прекрасной Самодрежи церкви?
„Причастилось сербское все войско,
„Послѣ всѣхъ три храбрыхъ воеводы:
„Храбрый Милошъ и Иванъ Косанчичъ,
„Третій съ ними былъ Миланъ Топлица.
„Я въ то время въ воротахъ стояла.
„Вотъ проходитъ воевода Милошъ,
„Въ бѣломъ свѣтѣ чудный красотою;
„До земли его доходитъ сабля,
„Шелковая шапка, а на шапкѣ
„Ярко блещутъ кованыя перья:
„На юнакѣ пестрый плащъ накинутъ,
„А на шеѣ шелковый платочекъ.
„Поровнявшись, сталъ онъ предо мною,
„Поглядѣлъ и съ плечъ свой плащъ снимаетъ,
„Говоритъ мнѣ, плащъ свой подавая:
„«Вотъ тебѣ мой плащъ, возьми на память:
„«На него взглянувъ, меня вспомянешь...
„«Я жъ иду погибнуть въ лютой битвѣ
„«Вмѣстѣ съ войскомъ Лазаря—владыки...
„«За меня, душа моя, молися,
„«Чтобы здравымъ съ поля я вернулся.
„«И тебѣ Богъ счастье дастъ: ты выйдешь
„«За Милана—побратима замужъ.
„«Побратимы мы съ Миланомъ въ Богѣ
„«И Его Крестителѣ Иванѣ.
„«Буду я у васъ вѣнчальнымъ кумомъ.»
„Вотъ идетъ юнакъ Иванъ Косанчичъ.
„Въ бѣломъ свѣтѣ чудный красотою;
„До земли его доходитъ сабля,
„Шелковая шапка, а на шапкѣ
„Ярко блещутъ кованыя перья:
„На юнакѣ пестрый плащъ накинутъ,
„А на шеѣ шелковый платочекъ,
„На рукѣ же позлащеный перстень.
„Поровнявшись, сталъ онъ предо мною,
„Поглядѣлъ и перстень свой снимаетъ:
„Снялъ съ руки и подаетъ мнѣ перстень:
„«Вотъ, дѣвица, золотой мой перстень,—
„«Я дарю его. По перстню помни
„«Обо мнѣ, объ имени юнацкомъ.
„«Я жъ иду погибнуть въ лютой битвѣ
„«Вмѣстѣ съ войскомъ Лазаря—владыки.
„«За меня, душа моя, молися,
„«Чтобы здравымъ съ поля я вернулся.
„«И тебѣ Богъ счастье дастъ: ты выйдешь
„«За Милана побратима замужъ.
„«Побратимы мы съ Миланомъ въ Богѣ
„«И Его Крестителѣ Иванѣ.
„«Я жъ у васъ вѣнчальный буду деверь.»
„Вотъ идетъ юнакъ Миланъ Топлица,
„Красотою чудный въ бѣломъ свѣтѣ:
„До земли его доходитъ сабля,
„Шелковая шапка, а на шапкѣ
„Ярко блещутъ кованыя перья;
„На юнакѣ пестрый плащъ накинутъ,
„А на шеѣ шелковый платочекъ.
„Держитъ онъ платокъ, расшитый златомъ.
„Поровнявшись, сталъ онъ предо мною,

(*) Отецъ по грѣху—родной, законный отецъ. По народнымъ представленіямъ вступать въ бракъ—грѣхъ. Караджичъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ почтенный господинъ, упоминая о своемъ сынѣ, сказалъ: «Онъ мой по грѣху сынъ.»

„Говоритъ, платокъ мнѣ подавая:
„«Вотъ тебѣ, красавица, подарокъ:
„«На платокъ взглянувъ, меня вспомянешь..
„«Я жъ иду погибнуть въ лютой сѣчѣ
„«Вмѣстѣ съ войскомъ Лазаря владыки...
„«За меня, душа моя, молися,
„«Чтобъ я здравымъ съ поля возвратился:
„«Счастье дастъ тебѣ Господь-Владыка,
„«Какъ моею станешь ты женою.»
„И ушли на битву воеводы.
„Ихъ теперь ищу въ широкомъ полѣ.
Отвѣчаетъ ей Орловичъ Павелъ:
„Ой сестра, Косовская дѣвица!
„Видишь,—вонъ лежатъ копною копья,
„Толстымъ слоемъ землю покрывая:
„Тамъ лилася кровь и доходила
„До стремянъ коню и до поводьевъ,
„А юнаку—по шелковый поясъ.
„Ты назадъ вернися въ бѣлый теремъ,
„Не кровавь и рукава и подолъ.“
Услыхала эту рѣчь Косовка,
Пролила изъ глазъ горючи слезы.
И пошла Косовка въ дворъ свой бѣлый,
Причитая: „Горе мнѣ, несчастной!
„Лишь хотѣла скрыться я въ дубравѣ,
„Но она, зеленая, усохла.....

25. Обрѣтеніе головы князя Лазаря.

Какъ срубили Лазарю-владыкѣ
Голову въ сраженьи на Косовѣ,
Никого тамъ небыло изъ сербовъ;
Лишь случился молодой тамъ турокъ.
По отцу былъ турокъ онъ, по родомъ
Мать была изъ Сербіи-славянка.
Говоритъ онъ туркамъ: „Турки-братья!
„Голова вѣдь это не простая—
„Воеводы, или государя;
„Грѣхъ великій будетъ намъ отъ Бога,
„Если мы орламъ и чернымъ вранамъ
„Здѣсь ее клевать оставимъ въ полѣ,
„Или эту голову ногами
„Будутъ кони попирать и люди.“
Взялъ главу онъ мученика князя,
Завернулъ ее въ полу одежды,
Далеко ее изъ стана вынесъ
И пустилъ главу въ одинъ источникъ.
Сорокъ лѣтъ глава тамъ пребывала,
Тѣло жъ князя оставалось въ полѣ;
Не клевали птицы тѣло князя,
Не топталъ никто его ногою.
Боже нашъ, хвала Тебѣ повсюду!

* * *

Ѣхали извозчики дорогой
Черезъ поле Косово изъ Скопля;
Черезъ Нишъ они къ Видину ѣдутъ,
И везутъ оттоль болгаръ и грековъ.
Ночевать они остановились
На Косовѣ, на широкомъ полѣ;
Вмѣстѣ всѣ садились въ кругъ за ужинъ.
Послѣ жъ пищи пить имъ захотѣлось.
Можжевельникъ тамъ сыскался въ полѣ;
Въ пукъ его извозчики связали
И, зажегши, разбрелись по полю,
Чтобъ сыскать колодезь иль источникъ.
Вотъ нашли они источникъ въ полѣ.
Говоритъ другимъ одинъ извозчикъ:
„Какъ въ водѣ сіяетъ ясный мѣсяцъ!“
Говоритъ другой: „Нѣтъ, то не мѣсяцъ.“
Но ни слова не промолвилъ третій:
Повернулся онъ лицомъ къ востоку,
Помнная истиннаго Бога,
Помнная Бога и Николу:
„Помоги мнѣ Богъ съ святымъ Николой!“
Опустился онъ въ источникъ быстрый
И главу съ собой оттуда вынесъ—
Лазаря главу, святого князя.
Положилъ онъ голову на берегъ
И черпать сталъ воду ключевую.
Напились они воды и стали
На травѣ искать главу святую.
Но ее въ травѣ не оказалось:
Поднялась сама собою съ мѣста
И пошла глава къ святому тѣлу,—
Гдѣ была, такъ къ шеѣ и пристала.
А какъ утро ясное настало,
Разнеслася всюду вѣсть объ этомъ.

Приходило на Косово поле,
Приходило много духовенства:
Много тамъ священниковъ сходилось—
Цѣлыя три сотни іереевъ,
Да владыкъ—епископовъ двѣнадцать
И четыре старца-патріарха:
Первый—Печскій, да еще Царьградскій,
Василенскій, Іерусалимскій.
Облачались всѣ они въ одежды,
Надѣвали шапки-камилавки,
Брали въ руки книги староставны
И усердно службу совершали.
Цѣлые три дня, три темныхъ ночи
Не садились, не ложились старцы—
Не уснули: отдыха не зная,
Все они молилися святому,
Чтобъ открылъ имъ—гдѣ почить онъ хочетъ,—
Въ чьей почіетъ Лазарь задужбинѣ?
Иль въ Оновѣ, или Крушедолѣ,
Или въ Ясκѣ, или Бешеновой,
Иль въ Раковцѣ, или Шишатовцѣ,
Или въ Тивши, или Куведжинѣ,
Или ляжетъ въ краѣ Македонскомъ?
Не хотѣлъ онъ лечь въ чужомъ наслѣдьѣ,
Восхотѣлъ своей онъ задужбины—
Раваницы подъ Кучай-горою,
Той, что самъ онъ для себя построилъ
На поминъ души своей до вѣка:
Для себя ее построилъ Лазарь,
На свое имущество и деньги,
Не на слезы сиротины бѣдной.

III. Пѣсни о Маркѣ Кра̀левичѣ.

26. Женитьба короля Вукашина.

Четко пишетъ краль Вукашинъ Жура
Въ бѣломъ градѣ Скадрѣ на Боянѣ,
Шлетъ письмо онъ на Герцеговину
Въ градъ Перлѝторъ, противъ Дурмито-
Къ той женѣ Момчила Видосавѣ,— [ра,(*)
Тайно пишетъ, тайно посылаетъ.
Видосавѣ такъ въ письмѣ онъ пишетъ:
„О жена Момчила, Видосава!
„Что живешь среди лишь льдовъ да снѣга?
„Поглядишь ты вкругъ себя изъ града,
„Ничего хорошаго тамъ нѣту,
„Лишь гора Дурминторъ предъ тобою,
„Льдомъ да снѣгомъ бѣлымъ вся покрыта
„И средь лѣта, словно какъ зимою.
„Глянешь внизъ изъ города подъ горку,—
„Тамъ течетъ волнуясь мутно Тара,
„Бурно валитъ камни и деревья;
„Чрезъ нее нѣтъ брода, нѣтъ и моста.
„А вокругъ нея лѣса да скалы.
„Отравн Момчила воеводу,
„Отрави, или его мнѣ выдай.
„Приходи въ приморскую равнину,
„Въ бѣлый городъ—Скадеръ на Боянѣ:
„Ты мнѣ будешь дорогой женою,
„У меня ты будешь королевой;
„На златое будешь веретенце
„Прясть шелки и на шелки садиться,
„Одѣваться въ бархатъ и атласы,
„Украшаться серебромъ и златомъ.
„И каковъ-то Скадеръ на Боянѣ!
„Поглядишь изъ города на гору,—
„Цѣлый лѣсъ тамъ маслинъ и смоковницъ,
„Между ними виноградъ зеленый.
„А какъ взглянешь внизъ изъ бѣла гра-
„Тамъ бѣлѣетъ спѣлая пшеница; [да,—
„Лугъ широкій зеленѣетъ рядомъ,
„Черезъ лугъ Бояна протекаетъ;
„Много въ ней играетъ всякой рыбы;
„Лишь захочешь, свѣжую достанешь.“
Вотъ письмо доходитъ къ Видосавѣ.
Какъ прочла его жена Момчила,

(*) Дурминторъ—гора на границѣ между Герцеговиной и Черногоріей.

Королю письмо отвѣтно пишетъ:
„Краль Вукашинъ! не легко Момчила
„Извести мнѣ ядомъ или выдать:
„У него сестра есть Ефросима,—
„Та ему всегда готовитъ пищу,
„И сама отвѣдываетъ прежде;
„У Момчила девять милыхъ братьевъ
„Да еще племянниковъ двѣнадцать,—
„За столомъ они вино подносятъ,
„Прежде сами пробуя всѣ чаши;
„У Момчила конь есть Ябочѝло, (*)
„Ябочило, чудный конь крылатый,—
„Можетъ онъ летѣть, куда захочетъ.
„У Момчила чудная есть сабля.
„Одного лишь Бога онъ боится.
„Но послушай, что скажу Вукашинъ!
„Собери себѣ большое войско,
„Отведи его къ озерамъ гладкимъ
„И засядь тамъ за горой зеленой.
„У Момчила давній есть обычай:
„Въ воскресенье утромъ на разсвѣтѣ
„На охоту ходитъ онъ къ озерамъ
„И съ собою девять братьевъ водитъ
„Да еще племянниковъ двѣнадцать;
„Съ ними сорокъ егерей проворныхъ.
„А до той поры, до воскресенья,
„Ябочилу обожгу я крылья
„Да и саблю иступлю Момчила,
„Иступлю ее соленой кровью,
„Чтобъ ее не вынулъ онъ изъ ноженъ.
„И тогда Момчила ты погубишь.“
Какъ письмо дошло до Вукашина,
И узналъ онъ, что письмо гласило,
У него душа возликовала.
Собираетъ сильное онъ войско
И ведетъ его къ Герцеговинѣ.
Приходилъ онъ къ тѣмъ озерамъ гладкимъ
И укрылся за горой зеленой.

* * *

Вотъ Момчило ночью входитъ въ спальню
И ложится въ мягкую постелю.
Вслѣдъ за нимъ жена его приходитъ;
Не въ постель она ложится къ мужу,
У главы его рыдаетъ горько.
Говоритъ Момчило: „Видосава,
„Иль бѣда какая приключилась,
„Что ты слезы ронишь надо мною?“
Говоритъ Момчилу Видосава:
„Господинъ, Момчило воевода!
„Надъ собою я бѣды не знаю;
„Но про диво я одно слыхала,
„Да сама то диво не видала:
„Ябочила ты коня имѣешь,—
„Говорятъ всѣ, будто онъ крылатый,
„Но его я крыльевъ не видала;
„Какъ такому чуду мнѣ повѣрить?..
„Я боюсь, что ты погибнуть можешь....“
Былъ разуменъ храбрый воевода,
А жены обману онъ поддался
И сказалъ ей: „Вѣрная супруга!
„Я тебя утѣшу, не печалься:
„Ты увидишь крылья Ябочила.
„Прокричатъ лишь пѣтухи полуночь,
„Ты прокрадься въ новую конюшню,—
„Ябочилъ тогда распуститъ крылья,
„И ты можешь разсмотрѣть то диво.“
И уснулъ въ постелѣ воевода.
Спитъ Момчило, но женѣ не спится:
Видосава слушаетъ въ постелѣ,—
Скоро-ль полночь пѣтухи объявлятъ.
Только въ полночь пѣтухи пропѣли,
Видосава поднялась съ постели,
Въ фонарѣ свитильню разсвѣтила,
Захватила сала со смолою
И пошла въ конюшню Ябочила.
Что сказалъ Момчила,—справедливо:

(*) Про Ябочила передается слѣдующій разсказъ. Момчилова кобыла паслась около одного озера, въ которомъ жилъ крылатый конь. Этотъ конь выходилъ по ночамъ изъ озера и игралъ съ Момчиловой кобылой, послѣ чего ударилъ ее копытомъ по животу, чтобъ она не могла принести крылатаго жеребенка. Когда узналъ про это Момчило, онъ запасся бубнами, тулумбасами и другими ударными инструментами и спрятался недалеко отъ своей кобылы, пасшейся у озера. Ночью вышелъ крылатый конь и по обыкновенію сталъ играть съ кобылой Момчила; когда кобыла была оплодотворена, Момчило ударилъ въ свои инструменты. Испуганный крылатый конь, неуспѣвши ударить копытомъ кобылу, бросился въ озеро; а кобыла принесла Момчилу крылатаго коня. Эти крылья въ обычное время не были видны.

Ябочило распускаетъ крылья,
До копыта крылья достигаютъ.
Видосава саломъ и смолою
Натирала крылья Ябочила
И свѣчею крылья поджигала.
И сгорѣли Ябочила крылья!
Что въ огнѣ горючемъ не сгорѣло,
То она подпругой придавила.
А потомъ пошла она въ палаты;
Мужа саблю острую достала,
Иступила всю соленой кровью;
И опять въ свою вернулась спальню.

* * *

Просыпался рано воевода,
Говорилъ женѣ такія рѣчи:
„Видосава, милая супруга!
„Чудный сонъ сегодня мнѣ приснился:
„Собралася вдругъ густая туча
„И спустилась подлѣ Дурмитора.
„Я на тучу черную ударилъ,
„Девять братьевъ дорогихъ со мною
„Да еще племянниковъ двѣнадцать,
„Съ нами сорокъ егерей проворныхъ.
„Въ этой тучѣ черной мы разстались,
„А разставшись, не встрѣчались больше.
„Этотъ сонъ недоброе вѣщаетъ."
Говоритъ Момчилу Видосава:
„Ничего не бойся, мужъ мой милый!
„Добрый витязь—добрый сонъ увидитъ.
„Сонъ—мечта, а истина у Бога."
Собрался Момчило на охоту.
Онъ выходитъ изъ своей свѣтлицы,
На дворѣ его встрѣчаютъ братья
Да еще племянниковъ двѣнадцать,
Съ ними сорокъ егерей проворныхъ.
Ябочила быстраго Момчилу
Подвела супруга Видосава.
Путь держали всѣ къ озерамъ гладкимъ.
А когда къ озерамъ подъѣзжали,
Окружило ихъ большое войско.
Увидалъ Момчило, что случилось,—
У бедра за саблю онъ схватился;
Но изъ ноженъ сабля не выходитъ,
Приросла, какъ будто прикипѣла.
Говорилъ дружинѣ воевода:
„Дорогіе братья и дружина!
„Выдала врагамъ насъ Видосава.
„Дайте мнѣ вы саблю потяжеле."
Воеводу слушалися братья
И большую подавали саблю.
Говорилъ дружинѣ воевода:
„Дорогіе братья и дружина!
„По краямъ ударьте вы на войско,
„Самъ же я ударю на средину."

* * *

Милосердный Боже, Всемогущій!
Было тамъ на что подивоваться,
Какъ рубилъ Момчило острой саблей
Вражье войско,—какъ дрова средь бора!
Больше войска топчетъ Ябочило,
Чѣмъ Момчило губитъ острой саблей.
Но несчастье тутъ съ нимъ приключилось:
Повернулъ коня онъ къ Перлитору,—
Вороныхъ коней навстрѣчу девять,
А на нихъ ни одного нѣтъ брата.
Какъ увидѣлъ это воевода,
У него въ груди упало сердце
Отъ печали по любимымъ братьямъ,
Ослабѣли воеводы руки,
На врага поднять не могутъ сабли.
Тутъ коня ударилъ воевода,
Онъ его ударилъ острой шпорой,
Чтобъ летѣлъ онъ къ граду Перлитору;
Но летѣть не можетъ Ябочило.
Говоритъ коню тутъ воевода:
„Чтобъ ты, конь мой, да достался волкамъ!
„Для забавы прежде мы летали,
„Безъ нужды носилъ меня ты прежде,
„А теперь въ бѣдѣ летѣть не хочешь."
Ябочило говоритъ на это:
„Господинъ мой, славный воевода!
„Не гони меня, не бей напрасно,
„Не могу я полетѣть сегодня,—
„Богъ убей твою жену лихую:
„Вѣдь она мнѣ крылья опалила!
„Укрывайся отъ бѣды, какъ знаешь."

Какъ услышалъ это воевода,
Тутъ пролилъ изъ глазъ горючи слезы,
Соскочилъ поспѣшно съ Ябочила,
Въ три прыжка ужъ былъ у Перлитора.
Но ворота города закрыты,
Изнутри засунуты засовомъ!
Какъ бѣду увидѣлъ воевода,
Онъ зоветъ и кличетъ Евросиму:
„Евросима, милая сестрица!
„Со стѣны спусти конецъ холстины,
„Чтобъ по ней я на стѣну поднялся."
Отвѣчаетъ Евросима плача:
„О Момчило, братъ ты мой любимый!
„Не могу спустить тебѣ холстины:
„Вѣдь сноха моя, твоя супруга,
„Волоса мои въ колоду вбила:"
Но душа сестры полна любовью,
Жаль сестрѣ ея родного брата:
Голоситъ она и горько плачетъ,
Головой и тѣломъ сильно бьется.
Волоса свои всѣ вырывала,
На колодѣ волосы остались.
Полотно схватила Евросима,
Съ городской стѣны его спускала.
И за холстъ Момчило ухватился,
По холсту сталъ кверху подниматься.
Ужъ готовъ онъ былъ взойти на стѣну:
Какъ бѣжитъ къ Момчилу Видосава,
Держитъ саблю острую въ десницѣ:
Полотно у самыхъ рукъ Момчила
Разрубила Видосава саблей.
И упалъ онъ со стѣны на землю,
Гдѣ стояло войско Вукашина:
И упалъ несчастный воевода
На мечи, на палицы стальныя,
Остры копья да на буздованы. (*)
Подъѣжалъ къ нему король Вукашинъ
И копьемъ ударилъ воеводу,
Онъ его ударилъ прямо въ сердце.
Говорилъ Момчило Вукашину:
„Краль Вукашинъ, я тебя прощаю!
„Не бери ты только Видосаву,
„Не бери ея себѣ ты въ жены:
„И твою главу она погубитъ;
„Выдала она меня сегодня,
„А тебя другому завтра выдастъ.
„На сестрѣ моей ты, краль, женися,
„На сестрѣ, мнѣ милой Евросимѣ,—
„Вѣрною она женою будетъ
„И каковъ я—породитъ юнака."
Говорилъ Момчило Вукашину,
Говорилъ, а самъ съ душой боролся;
Какъ окончилъ, и съ душой разстался.
Какъ скончался храбрый воевода,
Отворились градскія ворота,
И оттуда вышла Видосава,
Поджидала краля Вукашина...
Отвела его въ свои хоромы,
За злаченый столъ его сажала;
Предлагаетъ вина и ракію,
Угощаетъ всякимъ угощеньемъ.
А потомъ пошла въ свѣтлицу мужа
И оттуда выносила платье
И оружье свѣтлое Момчила.
Поглядите на такое чудо:
Что Момчилу было до колѣна,
Вукашину до земли доходитъ:
Ровно въ мѣру шапка для Момчила,—
Вукашину ужъ до плеча упала;
Въ мѣру сдѣланъ былъ сапогъ Момчилу,—
Вукашина ужъ входятъ обѣ ноги:
Въ золотой Момчила перстень—входятъ
Три перста свободно Вукашина;
Что была Момчилу сабля въ пору,
Та съ аршинъ волочится за кралемъ;
Подъ броней легкою Момчила
Краль не можетъ двинуться и съ мѣста.
Говоритъ король: „Великій Боже!
„Вотъ теперь узналъ я Видосаву!
„Ужъ когда юнака изгубила,
„Что другого не найдешь и въ свѣтѣ,
„То меня погубитъ вѣрно завтра."
Тутъ позвалъ онъ вѣрную прислугу;
Взяли тѣ ее и привязали
Ко хвостамъ коней, и въ чистомъ полѣ
Растрепали кони Видосаву.

(*) Буздованъ—родъ дубины, палицы; тоже что шестоперецъ.

Взялъ Вукашинъ все въ дворцѣ Момчила,
Взялъ себѣ сестру Момчила въ жены—
Евросиму красную дѣвицу,
И, вернувшись въ Скадеръ на Боянѣ,
Повѣнчался тамъ на Евросимѣ.
Сыновей она ему родила—
Породила Марка и Андрея;
Уродился въ дядю старшій Марко,
Уродился въ дядю онъ Момчила.

27. Смерть Душана.

Царь Стефанъ въ Призренѣ разболѣлся,
Разболѣлся царь и близокъ къ смерти.
То жена Стефанова Роксанда
Увидала и за столъ садилась:
Пишетъ письма къ сербскому народу,
Ихъ въ четыре края посылаетъ
Ко князьямъ, надъ Сербіей владыкамъ:
„Государи, сербскіе владыки!
„Разболѣлся царь Стефанъ, и близокъ
„Смертный часъ владыки государя.
„Приходите къ городу Призрену,
„Поскорѣй идите, чтобъ живого
„Вамъ застать Стефана и услышать,
„Что Стефанъ вамъ скажетъ, умирая,
„И кому свое откажетъ царство."
Какъ Роксанда письма разослала,
Ихъ князья-владыки прочитали,
Поспѣшили къ городу Призрену
И въ живыхъ Стефана заставали.
Всѣ стоятъ вокругъ его постели.
Съ ними краль Вукашинъ; поправляетъ
Онъ подушку и постель Стефана;
Головой на грудь его склонился
И роняетъ горестныя слезы.
Поглядѣлъ вокругъ Стефанъ и видитъ,—
Передъ нимъ его князья-бояре;
Поглядѣлъ кругомъ Стефанъ и молвитъ:
„Милый кумъ мой, краль Вукашинъ! Бу-
„Надъ моей землею ты владыкой: [дешь
„Ты владѣй землей и городами,
„Будь ты старшимъ надъ моимъ Урошемъ;
„Въ колыбели тихо сынъ мой дремлетъ,
„Отъ рожденья двѣ ему недѣли.
„Правь семь лѣтъ землею, какъ своею,
„На восьмомъ же передай Урошу."
Говоритъ Стефану краль Вукашинъ:
„Милый кумъ мой, царь Стефанъ! Не смѣю
„Быть царемъ я надъ твоей землею.
„У меня есть Королевичъ Марко,
„Самовольный сынъ и непокорный.
„Ѣдетъ онъ туда, куда захочетъ,
„Гдѣ захочетъ—сядетъ и повсюду
„Пьетъ вино да ссору затѣваетъ."
Отвѣчаетъ царь Стефанъ: „Вукашинъ!
„Обуздалъ я воеводъ строптивыхъ,
„Подчинилъ своей ихъ власти царской;
„Ты же сына обуздать не можешь!
„Отдаю тебѣ мои владѣнья,
„Правь моими всѣми городами;
„Завѣщаю я тебѣ и сына—
„Уроша младенца въ колыбели. (*)
„Кумъ Вукашинъ, правь семь лѣтъ землею,
„На осьмой отдай ты власть Урошу..."
Говорилъ Стефанъ такія рѣчи,
Говорилъ, съ душой своей боролся;
А окончилъ—и съ душой разстался...

* * *

Ужъ шестнадцать лѣтъ Вукашинъ правитъ;
Правитъ онъ съ насильемъ и неправдой:
Кто носилъ тогда изъ шолка платье,
Тотъ теперь въ сукно ужь нарядился.
Выросъ Урошъ, сынъ царя Стефана,
Сталъ юнакомъ крѣпкимъ и разумнымъ.
Вотъ зоветъ онъ мать свою старуху:
„Мать моя, вдова царя Стефана!
„Дай мнѣ хлѣба съ отчаго наслѣдья."
Такъ Роксанда отвѣчаетъ сыну:
„Сынъ мой Урошъ! Всѣмъ наслѣдьемъ нашимъ
„Завладѣлъ неправо краль Вукашинъ:
„Завѣщалъ отецъ твой, умирая,
„Править царствомъ кралю Вукашину,—
„Чтобъ семь лѣтъ твоимъ онъ царствомъ правилъ,

(*) На самомъ дѣлѣ въ это время Урошу было лѣтъ восемнадцать.

„На восьмомъ тебѣ отдалъ правленье.
„Но шестнадцать лѣтъ Вукашинъ
правитъ...“

28. Урошъ и Мрлявчевичи.

На прекрасномъ на Косовѣ полѣ,
Подлѣ бѣлой церкви Грачаницы—
Тамъ четыре табора стояло.
Первый таборъ Вукашина краля,
А другой былъ деспота Углеши,
Третій таборъ воеводы Гойка,
А четвертый царскаго потомка—
Уроша,—Стефанова наслѣдья.
Всѣ владыки спорятъ межъ собою,
Каждый хочетъ править сербскимъ
царствомъ,
Другъ на друга саблями грозятся,
А кому владѣть—рѣшить не могутъ.
Краль Вукашинъ говоритъ: „Мнѣ
царство.“
„Не тебѣ, а мнѣ!“ кричитъ Углеша.
„Мнѣ владѣть!“ имъ отвѣчаетъ Гойко.
Лишь молчитъ одинъ царевичъ Урошъ,
Отъ боязни не промолвитъ слова:
Онъ боится Мрлявчевичей братьевъ.
Вотъ письмо Вукашинъ четко пишетъ
И съ гонцемъ письмо то посылаетъ
Къ протопопу Призрена Недѣлькѣ:
Пусть идетъ онъ на Косово поле,
Пусть онъ скажетъ,—кто владыка
царства?
Онъ предъ смертью причащалъ Стефана,
Причащалъ царя и исповѣдалъ.
У него жъ и книги староставны.
Пишетъ деспотъ Углеша посланье,
И съ гонцемъ письмо то посылаетъ
Къ протопопу Призрена Недѣлькѣ.
Третьимъ пишетъ воевода Гойко
И гонца къ Недѣлькѣ посылаетъ.
Посылаетъ и царевичъ Урошъ
Въ Призренъ градъ посланье къ про-
топопу.

* * *

Написали воеводы письма,
Посылали съ скорыми гонцами,
Посылали тайно другъ отъ друга.
Но гонцы другъ съ другомъ повстрѣча-
На дворѣ Недѣльки протопопа. [лись
Но Недѣльки не застали дома:
Былъ онъ въ церкви Божіей за службой,
Совершалъ заутреню съ обѣдней.
О себѣ гонцы князей возмнили,
Что сильнѣе нѣтъ ихъ въ цѣломъ свѣтѣ:
Не сошли они съ коней ретивыхъ,
На коняхъ въѣзжали въ божью церковь
И кнутами стали бить Недѣльку:
„Поскорѣе, протопопъ Недѣлька,
„Отправляйся на Косово съ нами!
„Тамъ ты скажешь спорящимъ влады-
камъ:
„Кто наслѣдникъ истинный Стефана;
„Причащалъ предъ смертью ты Стефана,
„Причащалъ его и исповѣдалъ.
„У тебя жъ и книги староставны.
„А не то ты съ головой простишься.“
Слезы ронитъ протопопъ Недѣлька,
Горьки слезы ронитъ, отвѣчая:
„Обождите, сильные изъ сильныхъ!..
„Я сейчасъ окончу литургію
„И скажу вамъ, что о царствѣ знаю.“
Отступили тутъ гонцы. Недѣлька
Совершилъ святую литургію
И къ гонцамъ изъ бѣлой церкви вышелъ:
„Ой гонцы вы, дѣти дорогіе!
„Причащалъ предъ смертію я Стефана,
„Причащалъ его и исповѣдалъ,
„Но его не спрашивалъ о царствѣ:
„О грѣхахъ я спрашивалъ Стефана.
„Вы въ Прилепъ отсюда отправляйтесь,
„Поѣзжайте къ Кралевичу Марку,
„Ученикъ мой Марко: отъ меня онъ
„Перенялъ всю книжную премудрость;
„Былъ писцомъ онъ у царя Стефана.
„У него жъ и книги староставны.
„Марко знаетъ, кто владыка царства;
„Вы его на Косово зовите,—
„Предъ князьями Марко скажетъ правду:

„Никого вѣдь Марко не боится,
„Никого на свѣтѣ, кромѣ Бога."
Вотъ гонцы отправились къ Прилепу,
Въ бѣлый домъ ко Кралевичу Марку.
Ко двору подъѣхали, въ воротахъ
Постучали, звякнули въ колечко.
Стукъ въ ворота слышитъ Евросима,
Призываетъ Кралевича Марка:
„Сынъ мой Марко, чадо дорогое!
„Кто стучится въ воротахъ колечкомъ?
„Не гонцы ли то стучатъ княжіе?...."
Вышелъ Марко, отворилъ ворота.
Поклонились посланные Марку:
„Божья помощь, господинъ нашъ Марко!"
Жметъ имъ руку Марко: „Какъ дошли
„Какъ здоровы сербскіе владыки?" [вы?
Говорятъ ему гонцы съ поклономъ:
„Государь нашъ, Королевичъ Марко!
„Всѣ здоровы, только нѣтъ въ нихъ миру.
„Жарко спорятъ сербскіе владыки
„На широкомъ на Косовѣ полѣ
„Подлѣ бѣлой церкви Грачаницы;
„Отнимаютъ царство другъ у друга,
„Другъ на друга ковы замышляютъ,
„Другъ на друга саблями грозятся,
„Но кому владѣть,—рѣшить не могутъ.
„Просятъ, Марко, государи наши:
„Ты приди къ нимъ на Косово поле
„И скажи—кому владѣть по праву."
Въ бѣлый домъ свой Марко возвратился,
И зоветъ къ себѣ онъ Евросиму:
„Евросима, мать моя родная!
„Жарко спорятъ сербскіе владыки
„На широкомъ на Косовѣ полѣ
„Подлѣ бѣлой церкви Грачаницы,
„Другъ у друга отнимаютъ царство,
„Другъ на друга ковы замышляютъ,
„Другъ на друга саблями грозятся,
„Но кому владѣть,—рѣшить не могутъ.
„Вотъ теперь они за мной прислали,
„Чтобы шелъ я на Косово поле
„И сказалъ—кому владѣть по праву."
Свято чтилъ святую правду Марко,
Да къ тому жъ и мать его молила:
„Милый Марко, сынъ ты мой единый!
„Если ты моей боишься клятвы,
„Не скажи ты криво государямъ—
„Ни въ отцову пользу и не дядей,—
„Но по правдѣ истиннаго Бога.
„Не губи души, родное чадо:
„Лучше жизни, головы лишиться,
„Чѣмъ сгубить грѣхомъ—неправдой душу."
Взялъ тутъ Марко книги староставны,
Выводилъ Шарина изъ конюшни,(*)
На Шарина своего садился
И поѣхалъ на Косово поле.

* * *

Подъѣзжаетъ Марко къ княжьимъ ставкамъ.
Говорилъ тутъ сыну краль Вукашинъ:
„Благодать Господь мнѣ посылаетъ:
„Это сынъ мой, дорогой мой Марко,—
„Онъ присудитъ царство мнѣ, и царствомъ
„Будетъ править самъ, какъ я скончаюсь."
Слышитъ Марко рѣчь, но, не промолвивъ
Даже слова, проѣзжаетъ мимо.
Видитъ Марка Углеша и молвитъ:
„Счастье мнѣ! Племянникъ ѣдетъ Марко;
„Онъ присудитъ сербское мнѣ царство...
„Вмѣстѣ будемъ мы съ тобою править,
„Если, Марко, мнѣ присудишь царство."
Но ни слова не промолвилъ Марко,
На шатеръ Углеши и не взглянулъ.
Какъ увидѣлъ воевода Гойко,
Какъ увидѣлъ Марка, такъ промолвилъ:
„Благо мнѣ,—вѣдь это мой племянникъ!
„Онъ присудитъ сербское мнѣ царство.
„Какъ ребенкомъ малымъ былъ ты, Марко,
„Я любилъ, ласкалъ тебя, племянникъ;
„Я носилъ тебя въ полѣ шелковой,
„Какъ плоды за пазухою носятъ.
„Если самъ я на коня садился,
„То съ собою бралъ всегда и Марка.
„Если, Марко, мнѣ присудишь царство,
„Я всю власть отдамъ тебѣ: ты первымъ

(*) Шаринъ, Шарецъ—конь Марка.

„Будешь въ царствѣ, я вторымъ ужъ буду."
Но ни слова не промолвилъ Марко,
На шатеръ не бросилъ даже взгляда;
Путь онъ держитъ прямо къ бѣлой цер-
Ко шатру царевича Уроша. [кви,
У шатра остановилъ онъ Шарца,
Разсѣдлалъ его. Увидѣвъ Марка,
Молодой царевичъ Урошъ быстро
Поднимался съ шелковой подушки,
Поднимался быстро, и промолвилъ:
„Благо мнѣ! Вѣдь это братъ крестовый,
„Братъ крестовый—королевичъ Марко...
„Скажетъ онъ—кому владѣть по праву."
Обнимались славные юнаки,
Ко груди другъ друга прижимали,
За юнацкое здоровье пили
И въ шатрѣ садились на подушки.—
Вотъ проходитъ времени немного.
День истекъ, ночь черная ложится.
А какъ утро въ небѣ засіяло,
Зазвонили въ колоколъ церковный.
Всѣ владыки въ церковь собралися.
Отстоявъ святую литургію,
Выходили всѣ изъ бѣлой церкви,
За столомъ предъ церковію сѣли
За ракію, сахарныя яства.
Взялъ тутъ Марко книги староставны,
Прочиталъ и молвитъ Вукашину:
„О отецъ, Вукашинъ, краль! Иль мало
„Королевства для тебя? Зачѣмъ же
„Завладѣть чужимъ ты царствомъ хо-
„Дядя, деспотъ Углеша! Довольно [чешь?
„Для тебя и твоего деспотства.
„Ты отнять чужое хочешь царство.
„Дядя Гойко воевода! Мало ль
„Воеводства для тебя? Зачѣмъ же
„Замышляешь ты отнять чужое?
„Вы забыли истиннаго Бога!
„А по книгамъ—царство за Урошемъ:
„Отъ отца оно осталось сыну,
„Урошу,—отъ царскаго колѣна.
„Царь Стефанъ ему оставилъ царство
„Въ смертный часъ, передъ своей кон-
чиной."

Какъ услышалъ это Краль Вукашинъ,
Поднимался онъ съ земли на ноги,
Выхватилъ свой ножикъ золоченный
И хотѣлъ убить на мѣстѣ сына.
Побѣжалъ отъ Вукашина Марко:
Не пристало, братья, биться сыну
Да съ отцомъ... Бѣжитъ Кралевичъ
Марко,
Онъ бѣжитъ вкругъ церкви Грачаницы:
Онъ бѣжитъ, а вслѣдъ за нимъ Вука-
Такъ они вкругъ церкви обѣжали [шинъ.
Три раза. Совсѣмъ ужъ настигаетъ
Краль Вукашинъ Марка. Но раздался
Вдругъ изъ церкви чей-то голосъ:
[„Марко,
„Укрывайся въ церковь. Нынѣ можешь
„Ты погибнуть отъ руки отцовской
„Неповинно, за святую правду."
Двери церкви отворились сами,
И укрылся Марко въ Божьей церкви;
А за нимъ закрылись сами двери.
Подбѣжалъ король къ церковной двери
И въ нее ножемъ своимъ ударилъ,—
Полилась изъ двери кровь на землю.
Тутъ король, покаявшись, промолвилъ:
„Горе мнѣ! Убилъ я сына Марка."
А изъ церкви голосъ отвѣчаетъ:
„Ты послушай, сербскій краль Вукашинъ!
„Поразилъ ты не родного сына,
„А поранилъ ангела Господня."
Обозлился краль на сына Марка,
Такъ его клянетъ и проклинаетъ:
„Богъ убей тебя, да будешь проклятъ!
„Не имѣй ты племени и рода!
„Будешь жить ты здѣсь на бѣломъ свѣтѣ,
„Чтобъ служить турецкому султану."
Краль клянетъ, благословляетъ Урошъ:
„Марко кумъ! Господь тебѣ поможетъ!
„Пусть въ судѣ съ лицомъ ты свѣтлымъ
будешь,
„Пусть сѣчетъ твоя въ сраженьи сабля,
„Никого сильнѣй тебя не будетъ!
„И покуда солнце есть и мѣсяцъ,
„Будутъ Марка вспоминать повсюду."
Что сказали оба,—все сбылося.

29. Марко и вила. (*)

Ѣдутъ вмѣстѣ двое побратимовъ
По прекрасной Мирочѣ-планинѣ;
Первый—храбрый Королевичъ Марко,
А другой былъ Милошъ воевода.
Рядомъ ѣдутъ храбрые юнаки,
На плечо свои забросивъ копья;
И въ уста цѣлуются юнаки
Отъ любви великой. Только Марко
Задремалъ на Шарцѣ шаговитомъ.
Говоритъ онъ: „Побратимъ мой, Милошъ!
„Слишкомъ сонъ меня одолѣваетъ;
„Спой мнѣ пѣсню, разгони дремоту.“
А на это отвѣчаетъ Милошъ:
„Побратимъ мой, Королевичъ Марко!
„Я пропѣлъ бы, и съ большой охотой,
„Да боюсь: прошедшей темной ночью
„Пилъ вино я съ вилой Равийойлой.
„Пѣть мнѣ пѣсни вила запретила:
„Если только голосъ мой услышитъ,
„То метнетъ стрѣлу съ тугого лука
„Или въ сердце мнѣ, или же въ горло.“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко;
„Пой мнѣ пѣсню и не бойся вилы;
„Не страшися вилъ, покуда живъ я,
„И со мной мой видовитый (**) Шарецъ
„Да еще злаченый шестоперецъ.“
И запѣлъ тутъ воевода Милошъ,
И запѣлъ хорошую онъ пѣсню
О старинныхъ быляхъ и преданьяхъ:
Кто когда былъ королемъ и правилъ
Въ Македонскомъ княжествѣ, оставилъ
По себѣ какія задужбины.
Умилила эта пѣсня Марка:
Задремалъ онъ, на сѣдло склонившись.
Марко дремлетъ, распѣваетъ Милошъ.
Это слышитъ вила Равийойла
И сама ему тихонько вторитъ;
Онъ поетъ, а вила подпѣваетъ:
Лучше горло царское юнака,
Лучше горло, чѣмъ у бѣлой вилы.
Разсердилась вила Равийойла:
Полетѣла на Мирочь-планину,
Двѣ стрѣлы съ собою захвативши:
Первую въ уста пѣвцу пустила,
А другую въ грудь—въ живое сердце.
Закричалъ тутъ раненый: „Ой Марко,
„Побратимъ мой дорогой по Богу!
„Горе мнѣ, меня убила вила.
„Не тебѣ ль я говорилъ, что лучше
„Мнѣ не пѣть на Мирочѣ-планинѣ?“
Пробудился отъ дремоты Марко.
Соскочилъ онъ съ быстраго Шарина,
Подтянулъ на немъ подпругу туже,
И цѣлуетъ и ласкаетъ Шарца;
„Ты рука моя десная, Шарецъ!
„Догони мнѣ вилу Равийойлу:
„Для тебя я сдѣлаю подковы
„Изъ сребра и золота литого,
„До колѣнъ тебя покрою шелкомъ,
„Кисти жъ будутъ до колѣнъ спускаться;
„Я твою украшу златомъ гриву
„И усыплю жемчугомъ зернистымъ.
„Если жъ ты мнѣ не догонишь вилы,
„Ослѣплю тебя на оба глаза
„И, сломивши ноги, такъ оставлю:
„И томись тутъ на горѣ зеленой,
„Какъ и Марко безъ Милоша брата.“
Сѣлъ на Шарца Марко и помчался
По широкой Мирочѣ-планинѣ.
Быстро мчится Шарецъ видовитый,
Но нигдѣ не замѣчаетъ вилы.
Наконецъ ее увидѣлъ Шарецъ:
Онъ на три коня поднялся къ верху,
На четыре онъ копья подпрыгнулъ
И достигъ до вилы. Полетѣла
Къ облакамъ она отъ злой неволи.
Вынималъ тутъ буздованъ свой Марко
И пустилъ его съ размаха въ вилу;
Между плечъ онъ угодилъ. Упала
На сырую землю бѣла вила.
Марко сталъ надъ вилой съ буздованомъ:
Онъ ее ворочаетъ направо
И налѣво и нещадно сыплетъ

(*) Вила—русалка.

(**) Шарцъ называется видовитымъ—видящимъ, потому что онъ обладалъ способностью видѣть вилъ; другіе кони лишены были этой способности.

Шестоперцемъ золотымъ удары:
„Богъ убей тебя, лѣсная вила!
„Ты за что убила побратима?
„Дай отъ ранъ ему скорѣй лѣкарства,
„Если хочешь быть сама живою.“
Марка Богомъ заклинаетъ вила:
„Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Отпусти меня живой въ планину.
„Соберу я на планинѣ зелья
„И закрою Милошевы раны.“
Марко клятвѣ вилиной повѣрилъ:
Поклялася Богомъ вила Марку,
Да и Марко жалостливъ былъ сердцемъ.
Отпустилъ онъ вилу на планину.
Собираетъ Равийойла зелье,
Собираетъ по Мирочь-планинѣ,
Собираетъ и кричитъ юнакамъ:
„Вы за мной идите, побратимы.“
Какъ собрала Равийойла зелье,
Залѣчила Милошевы раны.
Стало горло царское юнака
Отъ того лѣкарства даже лучше;
Заростала и на сердцѣ рана,—
Сталъ здоровъ онъ, будто не былъ ра-
Полетѣла вила по планинѣ, [ненъ.
И поѣхалъ Марко съ побратимомъ,
Онъ поѣхалъ къ Поречкой окрайнѣ.
Чрезъ Тимокъ онъ бродомъ переѣхалъ
Предъ селомъ Бреговымъ; а оттуда
Онъ поѣхалъ къ Видинской окрайнѣ.
Говорила Равийойла виламъ:
„Слушайте, мои подруги вилы!
„Не стрѣляйте на горѣ юнаковъ,
„Не стрѣляйте, живъ покуда Марко,
„И покуда вмѣстѣ съ Маркомъ Шарецъ,
„Да при Маркѣ тяжкій шестоперецъ.
„Что пришлось мнѣ потерпѣть отъ
„Я едва живою осталася.“ [Марка!

30. Марко и Лютица Богданъ.

Ѣдутъ вмѣстѣ три юнака сербскихъ
Отъ Косова, краснаго приморья;
Первый витязь—Марко изъ Прилепа,
А другой былъ Реля изъ Пазара,
Третій витязь—Милошъ изъ Поцера.
Воеводы ѣдутъ краемъ сада,
Краемъ сада Лютицы Богдана.
Разыгрался Релинъ конь, понесся
Черезъ весь Богдановъ виноградникъ
И ломаетъ виноградъ зеленый.
Говорилъ тутъ Марко Королевичъ:
„Проѣзжай скорѣе виноградникъ!
„Еслибы зналъ ты—чей онъ, то навѣрно
„Далеко бы ты его объѣхалъ:
„Виноградникъ этотъ вѣдь Богдана.
„Самъ я какъ-то разъ сюда заѣхалъ,
„Поломалъ не мало винограда;
„Увидалъ меня Богданъ Лютица
„И за мной погнался на кобылѣ.
„Не посмѣлъ сразиться я съ Богданомъ
„И помчался къ ровному приморью.
„А за мной Богданъ погнался слѣдомъ
„На кобылѣ дорогой арабской.
„И не будь я на своемъ Шаринѣ,
„Захватилъ меня бъ Богданъ навѣрно.
„Быстро мой впередъ понесся Шарецъ,
„И кобыла осталась за мною.
„Какъ увидѣлъ то Богданъ Лютица,
„Отвязалъ свою онъ топузину
„И пустилъ ее за мною слѣдомъ.
„Угодила эта топузина
„Рукояткой мнѣ по поясницѣ:
„Полетѣлъ я чрезъ главу Шарина,
„И, едва ужъ на сѣдло взобравшись,
„Отъ Богдана ускакалъ въ приморье.
„Ровно семь лѣтъ,—какъ случилось это;
„И съ тѣхъ поръ мнѣ быть здѣсь не слу-
Говорятъ юнаки межъ собою, [чалось.“
Повернувъ коней своихъ изъ сада,—
А на встрѣчу имъ Богданъ Лютица,
Да двѣнадцать воеводъ съ нимъ ѣдутъ.
Ихъ завидѣвъ, Королевичъ Марко
Говоритъ сталъ Милошу и Релѣ:
„Посмотрите, дорогіе братья!
„Это ѣдетъ къ намъ Богданъ Лютица.
„Всѣхъ трехъ онъ вмѣстѣ насъ погубитъ...
„Намъ бѣжать скорѣй отсюда надо.“

Отвѣчаетъ Милошъ отъ Поцера:
„Побратимъ нашъ, Королевичъ Марко!
„Вѣдь идетъ молва объ насъ, что въ [свѣтѣ
„Нѣтъ такого сильнаго юнака,
„Кто бы вмѣстѣ насъ троихъ осилилъ.
Лучше намъ ужъ здѣсь погибнуть вмѣстѣ,
„Чѣмъ бѣжать отъ робости постыдно."
Говоритъ имъ Марко Королевичъ:
„Хорошо. Но только мнѣ скажите:
„Иль хотите вы съ Богданомъ биться,
„Иль напасть на воеводъ Богдана."
Отвѣчаютъ побратимы Марку:
„Нѣтъ, съ Богданомъ мы хотимъ сразиться."
Разговоръ лишь кончили юнаки,
Какъ Лютица къ нимъ совсѣмъ подъ- [ѣхалъ.
Отвязалъ тутъ Марко топузину
И напалъ на воеводъ Богдана.
Скоро Марко одолѣлъ ихъ, сбивши
Всѣхъ съ коней, связалъ имъ бѣлы руки
И ведетъ всѣхъ вмѣстѣ краемъ сада.
А на встрѣчу имъ Богданъ Лютица;
И ведетъ онъ Милоша и Релю,
Позади связавъ обоимъ руки.
Какъ увидѣлъ лишь Богдана Марко,
Тутъ сробѣлъ онъ такъ, какъ не случа- [лось
Никогда робѣть до той годины,—
И глядитъ—куда-бъ бѣжать пуститься.
Только вспомнилъ онъ о побратимахъ—
Какъ они другъ другу обѣщали:
Если будетъ кто изъ нихъ въ неволѣ,
Выручать его должны другіе.
Затянулъ узду на Шарцѣ Марко,
Низко шапку на-брови надвинулъ—
До бровей ему доходитъ соболь—
Вынулъ саблю острую и взглядомъ
Мѣряетъ онъ поперекъ Богдана.
Сталъ Богданъ у края винограда
Какъ увидѣлъ черны очи Марка
И каковъ на видъ онъ,—подломились
Подъ Богданомъ ноги, и на Марка
Онъ глядитъ; а Марко на Богдана:
Оба съ мѣста двинуться не смѣютъ.
Наконецъ сказалъ Богданъ Лютица:
„Марко, мы помиримся съ тобою:
„Отпущу я Милоша и Релю,
„Ты жъ за это воеводъ отпустишь."
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Отпустилъ онъ воеводъ Богдана,
А Богданъ его двухъ побратимовъ.
Мѣхъ съ виномъ тутъ снялъ съ Шарина
И юнаки пить вино усѣлись, [Марко,
Заѣдая гроздьемъ виноградным.
Какъ виномъ юнаки подкрѣпились,
Поднялись три сербскихъ воеводы
И садились на коней ретивыхъ.
Молвилъ Марко Лютицѣ Богдану:
„Оставайся съ Богомъ, братъ Лютица!
„А какъ снова встрѣтиться случится,
„Мы вина опять съ тобою выпьемъ."
Говорилъ ему на то Лютица:
„Отправляйся съ Богомъ въ путь-дорогу...
„Чтобъ глаза мои тебя во вѣки
„Не видали, Королевичъ Марко!
„Какъ меня ты напугалъ сегодня,
„Никогда того не позабуду."
Путь направилъ Марко на приморье,
А Богданъ въ саду своемъ остался.

---

31. Сестра Лека Капитана.

Съ той поры, какъ свѣтъ стоитъ нашъ [бѣлый,
Не бывало этакого чуда,
Не бывало этакихъ и слуховъ,
Какъ въ Призренѣ чудо объявилось:
Чудо то у Лека Капитана,—
Это чудо дѣвушка Роксанда.
Въ четырехъ концахъ земного края—
Ни у турокъ, ни въ земляхъ крещеныхъ—
Не было нигдѣ такого чуда:
Ни такой турчанки, ни влашанки,
Не бывало и латинки стройной;
А кому и вилъ случалось видѣть,
Тотъ и вилы не видалъ красивѣй.
Въ терему своемъ росла Роксанда,
Говорятъ, пятнадцать лѣтъ таилась,
Не видала мѣсяца и солнца,
Лишь теперь оставила свѣтлицу.
И пошла о ней молва по свѣту,

Съ устъ въ уста передаются рѣчи.
И дошли тѣ вѣсти до Прилепа,
Ихъ услышалъ Королевичъ Марко.
Были Марку слухи тѣ по сердцу:
Хвалятъ люди дѣвушку Роксанду,
И о немъ никто не скажетъ худо;
Мыслитъ Марко, что женою будетъ
Для него хорошею Роксанда,
Капитанъ же Леко будетъ другомъ,
Съ кѣмъ вина онъ можетъ выпить чару
И вести господскую бесѣду.
Вотъ зоветъ сестру и призываетъ
Королевичъ Марко: „Эй, сестрица!
„Поднимайся на чердакъ высокій,
„Открывай всѣ сундуки и ларцы,
„Вынимай господскую одежду,
„Ту, что самъ, сестра, я приготовилъ,
„Чтобъ надѣть, какъ буду я жениться.
„Я хочу въ дорогу собираться—
„Въ градъ Призренъ, что у планины
„Я хочу сестру посватать Лека. [Шары:
„А когда, сестрица, поженюся,
„И тебя тогда я выдамъ замужъ."
На чердакъ сестра тутъ подымалась,
Открывала сундуки и ларцы,
Вынимала Маркову одежду.
Одѣвался Королевичъ Марко,
Одѣвался онъ въ сукно и бархатъ,
Надѣвалъ онъ шапку и челенки, (*)
Шаровары надѣвалъ и пряжки,
Изъ монетъ различное убранство;
Взялъ онъ саблю изъ дамасской стали:
По землѣ изъ злата бьются кисти,
Въ золото оправлена вся сабля,
А клинокъ ея остро отточенъ.
Выводили слуги лошадь Марку:
Все сѣдло покрыто позолотой,
До копыт коню идетъ попона,
Рысьей кожей все покрыто сверху;
Конь зауздан въ удила стальныя.
Лишь одно тутъ худо сдѣлалъ Марко:
Приказалъ слугамъ итти онъ въ погребъ,
Два сосуда принести оттуда,

(*) Серебряное перо для украшенія шапки.

А сосуды тѣ съ виномъ холоднымъ.
Далъ коню одинъ сосудъ онъ выпить,—
Расходилась кровь въ немъ, разыгралась;
А другой сосудъ самъ Марко выпилъ,—
Налилися кровью очи Марка.
А какъ змѣй поѣхалъ да на змѣѣ, (*)
Задрожало поле подъ Прилепомъ.
Проѣзжалъ поля онъ и планины,
Подъѣзжалъ ужъ къ самому Косову.
Онъ не ѣдетъ полемъ Дмитровицкимъ,—
Съ перекрестка повернулъ онъ вправо
И поѣхалъ ко двору Милоша
Воеводы, побратима въ Богѣ.
Издалека, изъ высокой башни
Воевода заприметилъ Марка
И слугамъ приказывалъ: „Идите,
„Отоприте вы мои ворота,
„Выходите сами въ чисто поле,
„Становитесь у большой дороги
„И, съ головъ своихъ поснявши шапки,
„Положите ихъ себѣ подъ мышку,
„Сами въ землю кланяйтесь, какъ будетъ
„Подъѣзжать къ дворамъ моимъ высокимъ
„Побратимъ мой—Марко Королевичъ.
„Не посмѣйте только, вѣрны слуги,
„Прикоснуться вы къ его доламѣ, (**)
„Не посмѣйте ухватить за саблю,
„Даже близко къ Марку не идите:
„Можетъ быть—сердитъ сегодня Марко,
„Можетъ быть, что пьянъ сегодня Марко,—
„Потоптать тогда конемъ васъ можетъ,
„И на вѣкъ останетесь калѣкой.
„Ужъ какъ въѣдетъ Марко самъ въ во-
„И я съ Маркомъ стану цѣловаться, [рота,
„Вы тогда коня его возьмите;
„Я же Марка поведу въ хоромы."
Слуги настежь ворота открыли,
Въ чистомъ полѣ повстрѣчали Марка.
Но на нихъ не бросилъ онъ и взгляда,
А поѣхалъ къ Милошеву дому,

(*) Марко на Шарцѣ.
(**) Долама—верхняя одежда.

У воротъ слѣзалъ съ коня. Тутъ Милошъ
Повстрѣчатъ изъ дому вышелъ гостя:
Обнимаетъ Марка и цѣлуетъ,
Въ бѣлый домъ свой проситъ побратима.
Марко сталъ и въ домъ итти не хочетъ:
„Побратимъ мой, не пойду въ свѣтлицу,
„Мнѣ гостить теперь совсѣмъ не время.
„Слышалъ ты, иль не слыхалъ, быть мо-
„О Призренскомъ Лекѣ Капитанѣ? [жетъ,
„Говоритъ, что чудо есть у Лека,—
„Это чудо дѣвушка Роксанда.
„Въ четырехъ концахъ земного края—
„Ни у турокъ, ни въ земляхъ крещеныхъ—
„Не бывало этакого чуда,
„Ни такой турчанки, ни влашанки,
„Не бывало и латинки стройной;
„А кому и вилъ случилось видѣть,
„Тотъ и вилы не видалъ пригоже.
„Пусть молва Роксанду всюду хвалитъ,
„И объ насъ никто не скажетъ худо.
„Мы съ тобою въ Богѣ побратимы,
„И съ тобою оба не женаты;
„Кто и хуже насъ, а все жъ смѣется:
„Хуже насъ, и тѣ ужъ поженились,
„Поженились и дѣтей имѣютъ.
„Мы жъ съ тобой остались для укоровъ.
„Побратима мы еще имѣемъ,
„То крылатый Реля изъ Пазара,
„Что живетъ надъ Рашкою рѣкою;
„Отъ начала вѣрны мы другъ другу.
„Одѣвайся, побратимъ, получше
„И поѣдемъ къ дѣвушкѣ съ подаркомъ,—
„Повеземъ ей перстень обручальный.
„Позовемъ и Релю ѣхать вмѣстѣ.
„Всѣ въ троемъ поѣдемъ мы къ Призрену,
„Пусть насъ видятъ дѣвушка и Лека,
„Пусть Роксанда выберетъ, кто милъ ей,
„Изъ троихъ одинъ женихъ ей будетъ,
„А другіе двое—деверьями.
„Лѣко жъ будетъ добрый намъ пріятель.“

* *
*

Эта рѣчь понравилась Милошу.
У воротъ своихъ оставивъ Марка,
Онъ поднялся на чердакъ высокій,
Одѣвался въ чудную одежду:
Надѣвалъ изъ соболя онъ шапку
Съ кованымъ изъ серебра султаномъ,
Одѣвался въ три одежды сразу—
По одной другую; и накинулъ
Онъ на плечи пеструю аздію. (*)
И у краля нѣтъ такой одежды:
Слухъ идетъ,—пятнадцать только тысячъ
За подкладку плачено піастровъ;
Сколько жъ стоитъ верхъ,—никто не знаетъ:
За него уплачено безъ счета.
Вотъ и конь осѣданъ для Милоша.
А покуда Милошъ одѣвался,
Зелена вина Кралевичъ Марко
Выпивалъ сосудъ, другимъ сосудомъ
Напоилъ коня передъ дорогой.
Поглядите вы на воеводу:
Даже храбрый Королевичъ Марко
Не пригоже статнаго Милоша!
Всѣхъ юнаковъ Милошъ выше ростомъ,
Никого нѣтъ, кто плечами шире.
А лицо какое у юнака!
Что за очи! Что за усъ кудрявый!
До плеча усы его доходятъ.
Благо той, кому онъ будетъ мужемъ!
На коней садилися юнаки,
Отправлялись къ ровной Дмитровицѣ
И пустились къ Енину Пазару
Краемъ Рашки—къ Релину подворью.
Издалека ихъ завидѣлъ Реля,
Къ побратимамъ выходилъ на встрѣчу:
Обнимаетъ и въ лицо цѣлуетъ.
Въ воротахъ съ коней сошли юнаки,
Ихъ коней приняли вѣрны слуги.
Побратимовъ приглашаетъ Реля
Въ домъ къ себѣ. Итти не хочетъ Марко,
Отвѣчаетъ Релѣ побратиму:
„Не пойдемъ мы, побратимъ, въ хоромы,
„Ни въ хоромы, ни въ твою свѣтлицу.“
Разсказалъ тутъ Королевичъ Марко—
Онъ куда, съ какою ѣдетъ цѣлью:
„Такъ ступай въ свою свѣтлицу, Реля,

(*) Аздія—плащъ.

„Подожду тебя я здѣсь съ Милошемъ;
„Одѣвайся въ лучшую одежду,
„А коня пусть слуги приготовятъ.“
Эта рѣчь понравилася Релѣ.
Только глазомъ ты мигнуть успѣлъ бы,
Какъ въ одежду Реля нарядился.
Поглядите—вотъ женихъ, такъ чудо!
То крылатый *) Реля изъ Пазара!
Вотъ такъ диво то—юнакъ крылатый!
Вѣдь не шутка—крылья для охраны!
Что передъ нимъ и Королевичъ Марко,
Что передъ нимъ и воевода Милошъ!
На коней садилися юнаки,
Путь держали по широку полю,
Берегами Рашки, къ переходамъ,
Ешаницу рѣку переплыли,
Перешли чрезъ семьдесятъ семь бродовъ,
Чрезъ село Колашино спустились
Къ Метохіи ровной, а оттуда
На Сеновцу и на Ореховцу,
Черезъ всю равнину Метохію
Прямо къ полю города Призрена,
Гдѣ въ хоромахъ жилъ высокихъ Леко.
Далеко еще юнаки были,
Какъ завидѣлъ капитанъ ихъ Леко;
Взялъ онъ въ руки телескопъ хрусталь-
Поглядѣлъ—кто это и откуда? [ный,
Видитъ—кони борзые несутся,
А на нихъ юнаки непростые.
А какъ Леко узнавалъ юнаковъ,
Телескопъ онъ бросилъ на окошко:
Какъ узналъ ихъ Леко, удивился
И слегка сробѣлъ. Онъ слугъ сзываетъ:
„Отворяйте настежь вы ворота,
„Сами жъ, слуги, въ поле выходите.
„Ѣдутъ къ намъ три сербскихъ воеводы,
„А за чѣмъ и съ чѣмъ?—про то не знаю.
„И не знаю,—все ли будетъ мирно...“
Настежъ слуги ворота открыли,
Выходили сами въ чисто поле,
Воеводамъ кланялися въ землю.

(*) Реля называется крылатымъ, потому что у него были крылья. Что это были за крылья, недостаточно выяснено.

Тѣ на слугъ не бросили и взляда,
А коней своихъ къ воротамъ гонятъ.
Вслѣдъ за ними слуги подоспѣли
И коней у витязей приняли.
Изъ хоромъ своихъ выходитъ Леко,
У воротъ гостей своихъ встрѣчаетъ:
Обнимаетъ и въ лицо цѣлуетъ,
Вопрошаетъ, какъ они здоровы;
И, за руки взявши побратимовъ,
Ихъ въ хоромы бѣлыя уводитъ.
Вотъ они уже въ хоромахъ Лека.
Всюду Марку побывать случалось,
Ничѣму нигдѣ онъ не дивился,
Не дивился онъ и не стыдился;
А увидѣлъ комнаты онъ Лека,
Роскошь Лека и его богатства,—
Удивился Марко, застыдился.
Изъ чего была подстилка въ домѣ?
Изъ сукна коверъ во всѣхъ покояхъ
Отъ воротъ разостланъ былъ широкихъ!
По ковру жъ еще настеленъ бархатъ.
А постели каковы у Лека!
Каковы для головы подушки!
Всѣ они плетеныя изъ злата.
По стѣнамъ гвоздей набито много,
А на нихъ виситъ оружье Лека;
Гвозди всѣ изъ серебра литого.
Всѣ столы серебряные въ домѣ,
А на нихъ узоры золотые.
Въ залѣ Лека, у стѣны на лѣво,
Столъ стоялъ; подъ нимъ въ огромной [чашѣ
Тамъ вино хранилося. А сверху
На столѣ была другая чаша,
Въ ней вина вмѣщалось девять литровъ,
Вся она изъ золота литаго.
Это чаша Лека капитана.
Видя все то, Марко удивился.
Приглашаетъ побратимовъ Леко,
Ихъ за столъ сажаетъ въ красный уголъ.
Подбѣгали вѣрные тутъ слуги,
Со столовъ они снимали чаши,
Дали чаши въ руки воеводамъ;
Прежде жъ дали чашу въ руки Лека

Капитана, своего владыки.
Было вдоволь и вина и пищи
За столомъ у Лека капитана.
Съ воскресенья и до воскресенья
Три пируютъ сербскихъ воеводы.
Часто Марко косо поглядаетъ,
Поглядаетъ онъ на побратимовъ,
Чтобъ они о дѣвушкѣ-невѣстѣ
Начинали рѣчи съ капитаномъ.
Тѣ замѣтятъ эти взгляды Марка,—
И свои опустятъ взоры въ землю:
Не легко начать о свадьбѣ рѣчи,
А начать, такъ лучшему юнаку!
Какъ увидѣлъ Марко, что придется
Говорить ему, неволей началъ:
„О хозяинъ, капитанъ ты Леко!
„Здѣсь сидимъ мы, пьемъ вино съ тобою,
„Обо всемъ ведемъ съ тобою рѣчи;
„Все глядимъ, прислушиваемся все мы,
„Что начнешь распрашивать насъ, Леко:
„Для чего пришли мы издалека
„И коней дорогою томили?
„А о томъ ты насъ спросить не хочешь."
Повстрѣчался тутъ юнакъ съ юнакомъ,
Натолкнулся разумъ тутъ на разумъ.
Хитро имъ на то отвѣтилъ Леко:
„Воевода Королевичъ Марко!
„Какъ мнѣ было распросить объ этомъ?
„Вѣдь вы сами въ этомъ виноваты...
„Отчего не приходили раньше
„О своемъ увѣдомить здоровьѣ
„И вина всѣмъ вмѣстѣ выпить чару,
„Чтобы знать, что мирно все межъ нами?
„Здѣсь теперь вы, къ вамъ я буду завтра."
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Порѣшилъ не медлить объясненьемъ
И такія рѣчи Леку молвилъ:
„Все то такъ, товарищъ добрый Леко!
„О другомъ сказать тебѣ мнѣ надо.
„И сказать мнѣ надо, да и стыдно....
„Досадили намъ людскіе слухи,
„Будто ты скрываешь въ домѣ чудо,—
„Это чудо дѣвушка Роксанда.
„Въ четырехъ концахъ земного края—
„Нѣтъ ни въ Боснѣ, ни въ Урменліи,
„Ни въ Сиріи нѣтъ да и въ Египтѣ,
„Атоліи и Анатоліи,
„Ни въ семи влашанскихъ королевствахъ,
„Нѣтъ нигдѣ красавицы, какъ Роса. (*)
„Пусть ее молва повсюду славитъ,
„И о насъ никто не скажетъ худо.
„Мы пришли къ тебѣ сестру посватать.
„Здѣсь насъ трое, всѣ мы побратимы,
„И до сей поры мы не женаты.
„Выбирай въ зятья кого захочешь,
„Кто изъ насъ троихъ тебѣ по нраву.
„Кто-нибудь изъ насъ женихъ пусть бу-
„Два другіе деверьями будутъ, [детъ,
„Ты же будешь первый нашъ пріятель."
Вспыхнулъ Леко и нахмурилъ брови:
„Королевичъ Марко, вамъ не надо
„Присылать мнѣ перстень обручальный,
„И съ виномъ не засылайте сватовъ:
„Я чего желалъ себѣ отъ Бога,
„Вотъ того сегодня и дождался,—
„Я нашелъ пріятелей по сердцу.
„Но скажу вамъ про свое я горе...
„Что слыхалъ ты, воевода Марко,
„О красѣ сестры моей Роксанды,—
„Это правду люди говорили.
„Но скажу вамъ: самовольна Роса,
„Только Бога одного боится.
„А меня она не хочетъ слушать.
„Жениховъ ужъ семьдесятъ четыре
„Приходили, сватали Роксанду;
„Недостатокъ въ каждомъ отыскавши,
„Отказала Роса всѣмъ, кто сваталъ,
„Пристыдивъ меня предъ женихами.
„Не могу я взять вѣнчальный перстень,
„Не могу и чаши съ вами выпить
„Въ знакъ согласья своего на свадьбу,
„Если только не захочетъ выйти
„За кого-нибудь изъ васъ Роксанда.
„Я не знаю, что она отвѣтитъ:.
Громкимъ смѣхомъ засмѣялся Марко
И такія рѣчи молвилъ Леку:
„О насчастный, капитанъ ты Леко!

(*) Роса—сокращенная форма отъ Роксанда.

„Какъ же можешь быть въ семьѣ ты старшимъ,
„И землею какъ ты можешь править,
„Если страха предъ тобой не знаетъ
„Въ домѣ здѣсь сестра твоя Роксанда?
„Вотъ клянусь Богомъ я и вѣрой:
„Если бы сестра моя въ Прилепѣ,
„Какъ твоя, меня не стала слушать,
„Я бъ за это отрубилъ ей руки
„Иль лишилъ ея очей бы свѣтлыхъ.
„Но послушай, что скажу, я Леко!
„Если ты сестры своей боишься,
„То тебя, какъ брата, всѣ мы просимъ:
„Ты иди къ сестрѣ своей въ свѣтлицу,
„Попроси ее сюда спуститься,
„Пусть увидитъ насъ она юнаковъ:
„Приходилось ли такихъ ей видѣть?
„Дай сестрѣ ты полную свободу:
„Выбираетъ пусть, кого захочетъ;
„Межъ собой мы ссоры не затѣемъ.
„Пусть одинъ изъ насъ женихъ ей будетъ,
„Два-жъ другіе будутъ деверьями,
„Ты же будешь добрый намъ пріятель.“
Какъ услышалъ Капитанъ тѣ рѣчи,
Съ мѣста всталъ онъ и пошелъ въ свѣтлицу,
Сталъ сестрѣ онъ говорить Роксандѣ:
„Приходи ко мнѣ въ мои хоромы,
„За тобой пришло твое же счастье:
„Выбирай изъ трехъ юнаковъ сербскихъ.
„Нѣтъ ихъ лучше въ цѣломъ бѣломъ свѣтѣ.
„Мнѣ они пріятелями будутъ,
„Ты же въ дворъ хорошій выйдешь замужъ.“
Отвѣчала Капитану Роса:
„Отправляйся, братъ, въ свои хоромы,
„Пей вино холодное съ гостями;
„Я сейчасъ же къ вамъ туда спущуся.“
И вернулся Леко къ воеводамъ.
Зазвучало вдругъ въ хоромахъ Лека,
На ступенькахъ лѣстницы раздался
Звукъ подковокъ отъ нарядныхъ туфель:
Это шла толпа дѣвицъ въ хоромы,
Между ними дѣвушка Роксанда.
А вступила лишь въ хоромы Роса,
То въ хоромахъ ярко засіяло,
Засіяло отъ ея одежды,
Отъ лица Роксанды и отъ стана.
Поглядѣли трое побратимовъ,
Поглядѣли, да и застыдились,
Подивились красотѣ Роксанды!
Много Марко видѣлъ въ бѣломъ свѣтѣ,
Много видѣлъ вилъ онъ на планинахъ,
Были вилы Марку посестримы,
Но до сей поры онъ не терялся,
Ни предъ кѣмъ Кралевичъ не стыдился.
Но Роксандѣ Марко удивился
И немного устыдился Лека;
Опустилъ свои онъ очи въ землю.
Поглядаетъ братъ Роксанды Леко
На сестру свою и побратимовъ:
Не промолвитъ ли изъ нихъ кто слова
Иль ему, или сестрѣ Роксандѣ?
Какъ увидѣлъ, что молчатъ юнаки,
Сталъ тутъ Леко вразумлять Роксанду:
„Выбирай, сестра, кто всѣхъ милѣе,—
„Предъ тобой три славныхъ воеводы.
„Если хочешь, Роса, выйти замужъ
„За юнака храбраго, который
„Одолѣетъ всякаго въ сраженьи,
„Выбирай ты Кралевича Марка
„И иди съ нимъ къ городу Прилепу.
„Никогда тамъ горя не узнаешь.
„Если, Роса, хочешь выйти замужъ
„За юнака, кто своей красою,
„Стройнымъ станомъ и лицомъ—пригоже
„Всѣхъ юнаковъ въ Сербіи, то, Роса,
„Выбирай Милоша воеводу
„И иди съ нимъ на Косово поле.
„Никогда съ нимъ горя не узнаешь.
„Если жъ, Роса, хочешь выйти замужъ
„За юнака съ чудными крылами,
„Обнимать его и имъ гордиться,
„Выбирай Крылатаго ты Релю,
„Отправляйся съ Релею къ Пазару.
„Никогда тамъ не узнаешь горя.“
Услыхала эти рѣчи Роса,
И руками бѣлыми всплеснула
(Звукъ раздался въ Лековыхъ хоромахъ):

Начала она худыя рѣчи:
„Слава Богу, Истинному слава!
„Вотъ всему могу я подивиться
„И вездѣ бѣду могу примѣтить;
„Не могу лишь я въ землѣ Призренской
„Надивиться Капитану Леку,
„Гдѣ ты, глупый, держишь капитанство.
„Что за память! Иль ея не стало!
„Что задумалъ? Иль меня не знаешь?
„Я хочу весь вѣкъ плести здѣсь косу
„Здѣсь—въ Призренѣ—нашей кралевинѣ.
„Хочешь ты, чтобы въ Прилепъ пошла я,
„Чтобъ была я Марковой женою....
„Но прислужникъ вѣдь турецкій Марко,
„Онъ за турокъ рубится и бьется;
„И не будетъ у него ни гроба,
„Ни могилы, даже отпѣванья
„Надъ его могилою не будетъ.
„Что же мнѣ съ моею красотою
„Быть женой прислужника невѣрныхъ?
„На тебя бы я не разсердилась,
„Что хотѣлъ меня за Марка выдать,—
„Вѣдь юнакъ онъ тѣмъ я огорчилась,
„Что давалъ ты женихамъ согласье,
„Что женой я Милошевой буду.
„Онъ юнакъ и сильный и красивый;
„Но въ народѣ слухъ есть, что Милоша
„Породила сѣрая кобыла...
„Былъ онъ найденъ утромъ въ Семи-
„Воскормила Милоша кобыла,— [градьѣ.
„Потому то онъ высокъ и строенъ.
„И за это бъ я не разсердилась,
„Что хотѣлъ меня отдать Милошу;
„Но за то я, братъ мой, разлютилась,
„Что сказалъ о Релѣ ты Крылатомъ.
„Что за память! Иль ея не стало?
„Вотъ языкъ! Молчалъ-бы ты ужъ лучше!
„Отчего же не спросилъ ты Релю,—
„Онъ какого племени и роду,
„Гдѣ отецъ и мать его?.. Слыхала
„Отъ людей я, что подкидышъ Реля:
„Былъ онъ найденъ утромъ въ переулкѣ,
„Вырощенъ пазарскою цыганской;
„Потому онъ и имѣетъ крылья. (*)
„Не пойду ни за кого я замужъ.“
Такъ сказавши, вышла вонъ Роксанда.
Отъ стыда юнаки покраснѣли,
Стало стыдно другъ имъ передъ другомъ.
Вспыхнулъ Марко, какъ живое пламя.
Поднимался онъ на легки ноги;
Со стѣны схвативши острую саблю,
Голову срубить хотѣлъ онъ Леку.
Но вскочилъ тутъ воевода Милошъ
И за саблю ухватился Марка:
„Руки прочь, оставь ты саблю, Марко!
„Если ты погубишь Капитана,
„Кто насъ принялъ съ честью и почетомъ,
„Изъ—за скверной и бранчивой дѣвки,
„То всю землю опечалишь Лека.“
Не далъ Милошъ возгорѣться ссорѣ.
Догадался Королевичъ Марко,
Что не дастъ обратно Милошъ сабли;
На кинжалъ за поясомъ взглянувши,
Побѣжалъ изъ комнаты онъ Лека.
Какъ спустился онъ на дворъ широкій,
Весь мощеный камнемъ, тутъ увидѣлъ
Онъ предъ домомъ дѣвушку Роксанду.
Дѣвушки Роксанду окружали,
Ей держали рукава и полы.
То увидя, крикнулъ Росѣ Марко:
„Ой невѣста, хваленая Роса!
„Прикажи служанкамъ разступиться
„И лицомъ ко мнѣ ты повернися:
„Я въ хоромахъ, Роса, застыдился,
„Застыдился Лека Капитана,
„Хорошо въ лицо тебя не видѣлъ.
„А когда въ Прилепъ я возвращуся,
„То сестра съ распросами пристанетъ:
„Какова же дѣвушка Роксанда?..“
„Обернись же, чтобъ тебя увидѣть.“
Разступились дѣвушки—служанки,
И лицомъ къ юнаку стала Роса:
„Вотъ я, Марко; погляди на Росу.“
Разлютился Королевичъ Марко:
Подскочилъ онъ къ дѣвушкѣ Роксандѣ,

(*) Караджичъ отказывается объяснить, что общаго между цыганкой и крыльями Рели.

Ухватилъ ее за праву руку,
Изъ за пояса кинжалъ свой вынулъ,
До плеча отсѣкъ ей праву руку;
Праву руку въ лѣвую вложилъ онъ,
Вынималъ кинжаломъ Росѣ очи
И, въ платокъ ихъ шелковый собравши,
Положилъ за пазуху Роксандѣ;
И промолвилъ ей при этомъ Марко:
„Выбирай же, дѣвушка Роксанда,
„Выбирай, кто всѣхъ тебѣ милѣе:
„Или милъ тебѣ прислужникъ турокъ,
„Или милъ тебѣ Кобыличъ-Милошъ,
„Или можетъ быть подкидышъ Реля?...
Закричала, запищала Роса,
Призывая Лека Капитана:
„Братъ мой Леко! Или ты не видишь,
„Что отъ рукъ я Марка погибаю?“
Это слышитъ Леко, но не можетъ
Ни сказать онъ ничего, ни сдѣлать:
Вѣдь и самъ погибнуть можетъ Леко.
Не пошелъ назадъ въ хоромы Марко,
Закричалъ своимъ онъ побратимамъ:
„Побратимы, изъ хоромъ идите
„И мою съ собой несите саблю;
„Намъ въ дорогу время отправляться.“
Побратимы слушалися Марка:
Изъ хоромъ на дворъ они спускались
И несли съ собою Марка саблю;
На коней своихъ они усѣлись
И широкимъ полемъ путь держали.
Оставался Леко словно камень,
Пораженный тѣмъ, что видѣлъ—слы-
А Роксанда—о бѣдѣ рыдала. [шалъ;

32. Дѣвушка перехитрила Марка.

Сирота дѣвица въ бѣломъ свѣтѣ.
Вотъ пора приходитъ всѣмъ обѣдать,
А бѣдняжкѣ нечего обѣдать;
Станутъ люди ужинать, а бѣдной
Иногда и ужинать-то нечѣмъ.
Но за то и выпало ей счастье:
Шлетъ къ ней сватовъ Королевичъ Марко,
Сватовъ шлетъ и воевода Янко,
И Уступчичъ Павелъ шлетъ къ ней пер-
Поднялися женихи всѣ сразу,— [стень.
Тысяча нарядныхъ сватовъ съ каждымъ,
И идутъ они къ двору невѣсты.
Впереди всѣхъ Марко, слѣдомъ Янко,
А за Янкомъ вслѣдъ Уступчичъ Павелъ.
Оглянулся Королевичъ Марко
И такія рѣчи молвилъ Янку:
„Что идешь ты, воевода Янко?
„Ты сзывалъ своихъ напрасно сватовъ
„И коней томишь своихъ напрасно.
„Вѣдь невѣста за тобой не будетъ,
„А за мною—Кралевичемъ Маркомъ.“
Янко слышитъ, но молчитъ,—ни слова
Не промолвилъ Марку; повернувшись,
Говорилъ онъ рѣчи тихо Павлу:
„Что и ѣхать намъ, Уступчичъ Павелъ?
„И къ чему мы сватовъ собирали
„И коней дорогою томили?
„Не моя и не твоя невѣста:
„Быть женой ей Кралевича Марка!“
Павелъ слышитъ, не промолвилъ слова,
И какъ прежде, передъ свитой ѣдетъ.
А какъ были женихи ужъ близко
Отъ жилища дѣвушки невѣсты,
Мать невѣсты жениховъ узнала
И изъ дома повстрѣчать ихъ вышла,
Проводила къ своему ихъ дому
И вводила по трое въ ворота;
Кумовей за столъ сажаетъ вмѣстѣ,
Сватовъ вмѣстѣ усадила рядомъ,
Вмѣстѣ жъ рядомъ женихов сажала,
Къ остальнымъ же сватамъ обернулась:
„Гости-сваты! Къ намъ, прошу, войдите!“
Какъ съ дороги отдохнули сваты,
Поднимался Королевичъ Марко,
Вынималъ дамасскую онъ саблю,
На колѣни клалъ передъ собою,
Обернулся къ воеводѣ Янку
И такія рѣчи молвилъ тихо:
„Ты послушай, воевода Янко,
„И Уступчичъ Павелъ! Всѣ мы трое
„По златому яблоку положимъ
„И положимъ по златому перстню.
„Пусть ведутъ къ намъ дѣвушку-невѣсту,
„Пусть она, что хочетъ выбираетъ—

„Иль златое яблоко, иль перстень.
„Чей подарокъ выберетъ невѣста,
„Пусть того женой она и будетъ."
И они послушалися Марка:
Вынимали яблоки златыя,
Вынимали три златыя перстня.
Выходила дѣвушка-невѣста;
Ей такія рѣчи молвилъ Марко:
„Ты послушай, красная дѣвица!
„Выбирай: вотъ яблоко и перстень."
Выслушала эту рѣчь невѣста.
Сирота, а разума-то много
У нее, и отвѣчаетъ Марку:
„Кумъ мой въ Богѣ, Королевичъ Марко!
„Старый сватъ мой, воевода Янко!
„Сваты наши, дорогіе гости!
„Яблоко—вѣдь дѣвичья забава,
„Золотой же перстень—знакъ юнака.
„Мнѣ милѣе всѣхъ Уступичъ Павелъ."
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Зарычалъ, какъ звѣрь онъ и, рукою
По колѣну своему ударивъ,
Говорить сталъ дѣвушкѣ невѣстѣ:
„Ой пройдоха, сирота невѣста!
„Научилъ тебя навѣрно кто-то!...
„Кто училъ тебя сказать, признайся?"
Отвѣчаетъ сирота невѣста:
„Милый кумъ мой, Королевичъ Марко!
„Вѣдь твоя же сабля научила."
Засмѣялся Королевичъ Марко
И промолвилъ сиротинкѣ тихо:
„Сиротинка, ужъ твоя удача,
„Что ты перстень взять не захотѣла,
„Не взяла и яблоко изъ злата:
„Вотъ клянусь тебѣ своею вѣрой,—
„Отрубилъ тебѣ бъ я обѣ руки,
„И главы бъ свой ты не носила,
„Ни вѣнка зеленаго на свадьбѣ.

33. Марко Королевичъ и Вуча генералъ.

Или громъ то, иль земля трясется?
Нѣтъ, не громъ то, не земля трясется,—
То грохочутъ въ Варадинѣ пушки:
Веселится Вуча и ликуетъ,
Взявъ себѣ богатую добычу,—
Взялъ онъ въ плѣнъ три сербскихъ воево-
Первый витязь—Милошъ изъ Поцера, [ды:
А другой Миланъ Топлица, третій
Былъ Иванъ Косанчичъ. Всѣхъ ихъ Вуча
Посадилъ въ глубокую темницу,
Гдѣ вода стояла до колѣна,
Если жъ лечь, то по плечо юнаку.
Люто воетъ воевода Милошъ,
Люто воетъ, какъ змѣя лютая:
Не привыкъ переносить онъ муку,
У врага жестокую неволю.
На окно темницы онъ взобрался
И глядитъ на улицу,—быть можетъ
Здѣсь знакомый кто-нибудь случится.
И увидѣлъ Милошъ книгоношу,
Подозвалъ его къ себѣ и молвитъ:
„Въ Богѣ братъ, почтарь ты книгоноша!
„Принеси одинъ мнѣ листъ бумаги:
„Мнѣ письмо послать съ тобою надо."
Книгоноша принялъ побратимство:
Онъ принесъ Милошу листъ бумаги.
И письмо писать садился Милошъ
Въ градъ Прилепъ ко Кралевичу Марку:
„Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Иль не слышалъ, или знать не хочешь?
„Извела насъ горькая неволя
„У Мадьяра, милый побратимъ нашъ.
„Въ плѣнъ попалъ я къ Вучѣ генералу,
„И со мною двое побратимовъ.
„Посадили насъ въ подвалъ темницы,
„Гдѣ вода юнаку по колѣно,
„Если жъ лечь, то до плеча доходитъ.
„Ужъ три дня мы цѣлыхъ здѣсь томимся.
„А когда еще три дня, три ночи
„Просидимъ мы здѣсь, то насъ ты, Марко,
„Никогда ужъ больше не увидишь.
„Ты спаси изъ плѣна насъ отъ Вучи
„Иль за деньги, или силой съ бою."
Онъ перомъ въ лицо себя ударилъ
И своею кровью запечаталъ
То письмо ко Кралевичу Марку.
Отдаетъ письмо онъ книгоношѣ

И двѣнадцать золотыхъ дукатовъ;
Книгоношу проситъ воевода:
„Отнеси письмо къ Призрену граду,
„На колѣни Кралевича Марка.“
И почтарь отправился къ Прилепу.
А пришелъ туда онъ въ воскресенье;
Въ этотъ день всѣ сербы были въ церкви.
Книгоноша сталъ у входа въ церковь
Дожидаться Кралевича Марка.
Вотъ выходитъ Королевичъ Марко.
Книгоноша шапку взялъ подъ мышку,
До земли онъ кланяется Марку,
Подавая Милоша посланье.
Марко взялъ письмо, его читаетъ.
Какъ прочелъ письмо отъ побратима,
Тутъ пролилъ онъ горестныя слезы
И промолвилъ: „Горе, побратимъ мой!
„Какъ же ты, бѣдняга, въ плѣнъ попался?
„Но клянуся я своею вѣрой:
„Иль за деньги, иль кровавымъ боемъ,
„А избавлю я тебя изъ плѣна.“
И идетъ къ себѣ на башню Марко.
Тамъ присѣвъ, вина онъ чару выпилъ,
Припоясалъ кованную саблю,
Надѣвалъ на плечи волчью шубу,
Волчью шапку на брови надвинулъ,
Повязалъ ее платкомъ онъ чернымъ.
Взялъ свое копье стальное Марко,
Изъ конюшни выводилъ Шарина
И его къ походу приготовилъ:
Семь подпругъ онъ подтянулъ на Шарцѣ,
Зауздалъ уздою золоченой.
Мѣхъ съ виномъ взялъ Марко Королевичъ,
Привязалъ его къ сѣдлу онъ слѣва,
Топузину жъ справа онъ привѣсилъ,
Чтобъ съ боковъ обоихъ вѣсъ былъ равный.
Сѣлъ на Шарца Марко и поѣхалъ
Изъ Прилепа прямо ко Бѣлграду.
А какъ ѣхалъ мимо онъ Бѣлграда,
Завернулъ въ него вина отвѣдать.
А оттуда онъ погналъ Шарина
Къ переправѣ на рѣкѣ Дунаѣ.
Два раза онъ лодочнику крикнулъ;
Не хотѣлось дожидаться Марку,
И погналъ онъ Шарца черезъ рѣку;
А оттуда прямо къ Варадину,
Подъ Варадинъ на широко поле.
Тутъ сдержалъ коня своего Марко,
Во сыру землю копьемъ ударилъ,
За копье онъ привязалъ Шарина,
На зеленый лугъ вино поставилъ
И вина усѣлся выпить чару.
Но ничѣмъ инымъ вино не пьетъ онъ,
Пьетъ лоханью въ окъ двѣнадцать мѣ-
Половину самъ пьетъ, половину [рой: *)
Отдаетъ онъ быстрому Шарину.
А какъ утро въ небѣ засіяло,
На градскую стѣну выходила
Вучева сноха, супруга сына
Велимира,—Велимировица.
И она, на поле поглядѣвши,
Увидала Кралевича Марка.
Какъ она лишь Марка увидала,
Приключилась съ нею лихорадка
И трясла ее три цѣлыхъ года.
Побѣжала Велимировица
Въ дворъ къ себѣ. А Вуча вопрошаетъ:
„Что съ тобой, сноха моя родная!“
Отвѣчаетъ Велимировица:
„Милый свекоръ, генералъ нашъ Вуча!
„Тамъ сидитъ юнакъ въ широкомъ полѣ,
„Во сыру землю копье воткнулъ онъ,
„Привязалъ къ копью коня уздечкой;
„Предъ юнакомъ мѣхъ съ виномъ, и пьетъ онъ
„Не какъ всѣ,—а тазомъ въ окъ двѣнад-
„Половину самъ пьетъ, а другую [цать:
„Отдаетъ коню; а конь юнака
„Не таковъ, какъ кони: весь онъ пестрый,
„Словно быкъ. Юнакъ, его хозяинъ,
„Не таковъ, какъ прочіе юнаки:
„На плечахъ юнака волчья шуба,
„На главѣ надѣта волчья шапка,
„Повязалъ ее платкомъ онъ чернымъ,
„Держитъ что-то черное зубами—
„Будто то полгодовый ягненокъ.“
Говоритъ въ отвѣтъ невѣсткѣ Вуча:

(*) Окъ—2¼ фунта; 12 окъ—27 фунтовъ.

„Не пугайся, дочь моя—невѣстка!
„У меня такіе есть въ темницѣ.
„И его сейчасъ туда отправлю."
Призываетъ Вуча Велимира:
„Велимиръ мой, чадо дорогое!
„Всадниковъ возьми съ собой три сотни
„Отправляйся съ ними въ чисто поле,
„Приведи ко мнѣ того юнака."
Велимиръ вскочилъ на быстры ноги,
Взялъ съ собою всадниковъ три сотни,
На коня сѣлъ борзаго и въ поле
Изъ воротъ Варадина помчался.
Окружили Кралевича Марка
Съ четырехъ сторонъ враги; не видитъ
Марко ихъ, вино лишь попиваетъ.
Но враговъ замѣтилъ умный Шарецъ:
Сталъ онъ бить копытами о землю,
Жаться сталъ ко Кралевичу Марку.
Оглянулся Королевичъ Марко,—
А его враги ужъ окружили.
Выпилъ Марко тазъ съ виномъ холод-
И, въ траву его далеко бросивъ, [нымъ
На Шарина своего усѣлся.
Бросилися всадники на Марка.
Было здѣсь на что полюбоваться,
Какъ ударилъ на враговъ нашъ Марко,
Словно соколъ на голубокъ стаю!
Погубилъ однихъ онъ острой саблей,
Потопталъ другихъ ногами Шарецъ,
Третьи же въ Дунаѣ потонули.
Велимиръ бѣжать пустился въ городъ.
Но догналъ его средь поля Марко
И ударилъ тяжкой топузиной:
Повалился Велимиръ на землю.
Марко слѣзъ съ коня и Велимира
По рукамъ и по ногамъ веревкой
Крѣпко стиснулъ и къ сѣдлу привѣсилъ.
А затѣмъ туда вернулся Марко,
Гдѣ въ травѣ зеленой тазъ оставилъ.
Велимира тамъ въ траву онъ бросилъ,
Самъ же снова за вино усѣлся.
Увидала то невѣстка Вучи,
Побѣжала къ Вучу генералу:
„Горе намъ! Всѣ всадники избиты,
„Крѣпко связанъ Велимиръ веревкой,
„И лежитъ онъ на травѣ зеленой;
„Подлѣ мужа на травѣ тотъ витязь—
„Знай, вино изъ мѣха, попиваетъ.
Отвѣчаетъ генералъ ей Вуча:
„Милая сноха моя, не бойся!
„Ты увидишь, какъ старикъ сразится."
Загремѣли въ Варадинѣ пушки,
Собралося къ Вучѣ генералу
Всадниковъ три тысячи; тотчасъ же,
Изъ воротъ онъ ѣдетъ Варадина
На кобылѣ на своей арабской.
Вывелъ войско Вуча въ чисто поле,
Окружилъ со всѣхъ сторонъ онъ Марка;
А того и не замѣтилъ Марко.
Но враговъ своихъ замѣтилъ Шарецъ:
Сталъ онъ бить копытами о землю,
Жаться сталъ ко Кралевичу Марку.
Какъ увидѣлъ Марко, что врагами
Окруженъ онъ, всталъ на быстры ноги,
Вспрыгнулъ Шарцу на крутую спину...
Вотъ бы тутъ кому полюбоваться,
Какъ ударилъ на враговъ нашъ Марко!
Остру саблю держитъ онъ въ десницѣ,
Въ лѣвой держитъ онъ копье стальное,
А конецъ узды зубами держитъ.
И кого ударитъ саблей Марко,
Станетъ двое съ одного юнака,
А кого копьемъ своимъ ударитъ,
Черезъ себя съ размаху переброситъ.
Разбѣжались всадники по полю.
Въ Варадинъ бѣжать пустился Вуча
На кобылѣ на своей арабской.
Догонять его пустился Марко.
Горяча арабская кобыла,
Быстро мчится къ граду Варадину.
Взялъ тутъ Марко буздованъ тяжелый,
Раскачалъ и въ слѣдъ пустилъ за Вучей.
Угодила Вучѣ генералу
Рукоятка буздована въ спину;
И упалъ съ кобылы онъ на землю.
Прыгнулъ Марко на землю съ Шарина
И скрутилъ ему веревкой руки,
Да связалъ еще ему и ноги.

Ко сѣдлу привѣсилъ Вучу Марко,
Взялъ съ собой арабскую кобылу
И поѣхалъ полемъ къ Велимиру:
Привязалъ ихъ Марко Королевичъ,
Привязалъ ихъ одного къ другому
И повѣсилъ на спину кобылы;
Привязалъ кобылу за Шарина
И въ Прилепъ свой бѣлый возвратился,
А въ Прилепѣ бросилъ ихъ въ темницу.
Четко пишетъ Вучева супруга,
Шлетъ письмо то къ Кралевичу Марку:
„Братъ по Богу, Марко Королевичъ!
„Не губи ты Вучи генерала,
„Не губи и сына Велимира,
„А проси за нихъ, что самъ захочешь."
Вотъ пришлю посланье это къ Марку.
Прочиталъ онъ и отвѣтно пишетъ:
„Ты послушай, Вучева супруга!
„Отпусти изъ плѣна побратимовъ,
„Дай добра имъ каждому по возу;
„Отпусти и стараго Топлицу, (*)
„Дай добра ему три цѣлыхъ воза:
„Вѣдь онъ долго просидѣлъ въ темницѣ.
„Дай и мнѣ добра три полныхъ воза,
„Вѣдь не даромъ же томилъ я Шарца.
„Дай еще ты Милошу подарки,—
„Ты сама ужъ съ нимъ уговоришься."
И письмо послалъ въ Варадинъ Марко.
Какъ прочла его супруга Вучи,
Приказанье отдала немедля
Отослать добра три воза Марку.
А затѣмъ ключи взяла и ими
Отперла проклятую темницу
И троихъ юнаковъ выводила,
Да къ тому жъ и стараго Топлицу.
Приводила ихъ въ свои хоромы,
Брадобрѣевъ хитрыхъ призывала:
Тѣ ихъ моютъ, тѣ стригутъ имъ косы,
Третьи ногти на рукахъ срѣзаютъ.
Принесли вина имъ и ракіи,
Принесли и разныхъ имъ закусокъ.
Разсказала Вучева супруга,
Что писалъ ей Королевичъ Марко,
И такія рѣчи говорила:
„Братья въ Богѣ, Милошъ и Топлица!
„Отпустите вы мнѣ мужа Вуча,
„Вмѣстѣ жъ съ мужемъ сына Велимира."
Отвѣчаетъ Милошъ изъ Поцера:
„Ты не бойся, Вучева супруга!
„Дай коня мнѣ Вучи Генерала,
„На которомъ разъ въ году онъ ѣздилъ,
„Лишь однажды въ годъ къ Токіи церкви.
„Снаряди коня нарядной сбруей,
„Какъ бывало мужу снаряжала,—
„Я на немъ помчусь черезъ Немадію.
„Золотую дай ты мнѣ карету,
„А къ каретѣ лошадей двѣнадцать,
„Тѣхъ, что мужъ твой запрягалъ, какъ ѣхалъ
„Въ путь обратный отъ владыки Беча: (*)
„Въ ней поѣдетъ старый нашъ Топлица.
„Дай еще мнѣ Вучеву рубашку,
„Что онъ въ Пасху только надѣваетъ,
„Чтобъ одѣть мнѣ моего Топлицу."
Все дала имъ Вучева супруга,
Сверхъ того по тысячѣ дукатовъ
Каждому юнаку, чтобъ хватило
На вино въ дорогѣ до Прилепа.
И въ Прилепъ юнаки отправлялись.
Хорошо ихъ принялъ храбрый Марко.
Отпустилъ онъ Вучу генерала
И при Вучѣ сына Велимира;
Провожатыхъ много далъ имъ Марко—
Проводить до града Варадина.
Подѣливъ добычу, воеводы
Выпили вина, поцѣловали
Въ бѣлое лицо одинъ другого,
Облобзали бѣлу руку Марка
И пошли къ дворамъ путемъ—дорогой.

(*) Старый Топлица—это отецъ Топлицы Милана, который, какъ видно, раньше былъ взятъ въ плѣнъ Вучей. По всей вѣроятности Милошъ со своими двумя побратимами пошелъ выручать его; но и сами они попались въ плѣнъ къ Вучѣ.

(*) Бечъ—Вѣна.

34. Марко Королевичъ и орелъ.

Разболѣлся Королевичъ Марко:
У дороги легъ онъ подъ доламой,

А лицо платкомъ покрылъ отъ солнца,
Въ головахъ копье воткнулъ онъ въ землю
И за поводъ привязалъ Шарца.
На копьѣ его орелъ усѣлся:
Навѣваетъ крыльями прохладу,
Въ клювѣ носитъ воду ключевую
И поитъ водой больного Марка.
Говоритъ орлу лѣсная вила:
„Ты скажи, орелъ, мнѣ ради Бога!
„Или видѣлъ ты добро отъ Марка,
„Что ему прохладу навѣваешь
„И водой поишь его изъ клюва?“
Говоритъ орелъ ей сизокрылый:
„Замолчи ты! Я ль добра не видѣлъ
„Отъ юнака—Кралевича Марка?
„Можетъ быть, ты знаешь да и помнишь,
„Какъ войска сразились на Косовѣ?
„Два царя погибли въ этой битвѣ—
„Сербскій Лазарь и Муратъ Турецкій.
„Кровь рѣкой лилась тамъ; доходила
„До стремянъ конямъ она юнацкимъ,
„А юнакамъ—по шелковый поясъ.
„И въ крови той, отъ рѣзни великой,
„Плавали и кони и юнаки.
„Много птицъ слетѣлося голодныхъ—
„И голодныхъ и на мясо жадныхъ—
„Наклеваться тѣла человѣчья
„И людскою кровію упиться.
„Я свои тамъ крылья окровавилъ.
„Жарко солнце ясное сіяло,
„И подъ нимъ засохла кровь на крыльяхъ,—
„Былъ не въ силахъ полетѣть я въ небо.
„Улетѣла наша птичья стая,
„Я одинъ остался на Косовѣ.
„Чуть меня на полѣ не стоптали,
„Не стоптали кони и юнаки.
„Да нанесъ Богъ Кралевича Марка:
„Онъ рукой меня изъ крови поднялъ
„И съ собою посадилъ на Шарца;
„И, отвезши въ горы—въ лѣсъ зеленый,
„Посадилъ меня на вѣтку ели.
„Частый дождь пошелъ съ небесъ на землю,
„Съ крыльевъ кровь омылъ онъ, такъ что могъ я
„Полетѣть къ своей орлиной стаѣ.
„И еще добро мнѣ сдѣлалъ Марко.
„Можетъ быть, ты помнишь да и знаешь
„О пожарѣ на Косовѣ полѣ,
„Какъ горѣла башня Аджагина?
„Были тамъ въ гнѣздѣ мои орлята;
„Взялъ къ себѣ за пазуху ихъ Марко
„И отнесъ съ собою въ дворъ свой бѣлый.
„Цѣлыхъ девять мѣсяцевъ кормилъ ихъ
„Да еще къ тому одну недѣлю;
„И затѣмъ пустилъ въ зелены горы,
„Гдѣ я съ ними снова повстрѣчался.
„Вотъ что сдѣлалъ Королевичъ Марко!“
Это память о юнакѣ Маркѣ:
Былъ герой онъ славный и могучій.

---

35. Женитьба Марка Кралевича.

Сѣлъ за ужинъ Марко съ Евросимой.
Говоритъ тутъ Евросима Марку:
„Сынъ мой Марко! Я стара ужъ стала,
„Не могу тебѣ готовить пищу,
„Подносить вино тебѣ не въ силахъ,
„Тяжело мнѣ засвѣчать лучину;
„Оженился ты бы, сынъ мой милый,
„Чтобы мнѣ была въ дворѣ замѣна“
Отвѣчаетъ Евросимѣ Марко:
„Ты послушай, матушка родная!
„Въ королевствахъ девяти я побылъ
„Да въ десятомъ царствѣ мусульман-[скомъ:
„Гдѣ себѣ я находилъ невѣсту,
„Тестя—друга тамъ не находилось;
„Гдѣ жъ мнѣ друга находить случалось,
„Тамъ себѣ не находилъ невѣсты.
„Лишь одну нашелъ себѣ по сердцу,—
„Это дочка краля Шишманина,
„Надъ землей болгарскою владыки.
„Повстрѣчалъ ее я на колодцѣ,
„Поглядѣлъ я на нее, родная!
„Вкругъ нея склонялись даже травы...
„Будетъ мнѣ подстать она невѣста,
„А отецъ ея мнѣ будетъ другомъ.

„Приготовь мнѣ пищи на дорогу:
„Я поѣду сватать королевну."
Услыхала это Евросима,—
И заря еще не занималась,
А она печетъ уже для Марка
Калачи изъ сахарнаго тѣста.
А какъ утро въ небѣ засіяло,
Въ путь дорогу ужъ собрался Марко:
Нацѣдилъ онъ мѣхъ вина, Шарина
Осѣдлалъ и, взявши топузину,
На спину крутую сѣлъ Шарину
И направилъ путь къ землѣ болгарской
За невѣстой къ кралю Шишманину.
Издалека краль его увидѣлъ
И самъ вышелъ повстрѣчать юнака:
Обнимаетъ и въ уста цѣлуетъ,
О здоровьѣ спрашиваетъ Марка.
Слуги Шарца отвели въ конюшню.
Шишманинъ ведетъ въ палаты Марка
И за столъ его сажаетъ рядомъ.
Имъ вино подносятъ въ чашахъ слуги.
А какъ чашей Марко подкрѣпился,
Поднимался онъ на быстры ноги,
Шапку снялъ, челомъ ударилъ кралю:
Проситъ выдать за него невѣсту.
Сразу краль на это согласился.
Марко даритъ дѣвушкѣ подарки:
Ей подноситъ яблоко и перстень
И еще даритъ ей на рубашку;
Онъ даритъ свояченицъ и тещу.
Порѣшили—черезъ мѣсяцъ свадьба,
Какъ вернется изъ Прилепа Марко
И найдетъ себѣ нарядныхъ сватовъ.
Говорила Марку мать невѣсты:
„Зять мой Марко! Не бери съ собою
„Ни чужихъ, ни незнакомыхъ сватовъ,—
„Пригласи племянниковъ, да братьевъ:
„Красоты вѣдь чудной наша дочка,
„Какъ бѣды бъ въ дорогѣ не случилось."
Ночь одну провелъ у краля Марко,
А на утро осѣдлалъ Шарина
И домой къ Прилепу отправлялся.
Какъ ужъ близко былъ онъ отъ Прилепа,
Увидала Марка Евросима
И на встрѣчу къ сыну выходила:
Обнимаетъ и въ уста цѣлуетъ;
Марко жъ ей цѣлуетъ бѣлы руки.
Говоритъ старуха: „Сынъ мой, Марко!
„Было ль все въ пути благополучно?
„И себѣ засваталъ ты невѣсту,—
„Мнѣ сноху, себѣ жену по сердцу?"
Отвѣчаетъ Марко Евросимѣ:
„Было мирно все въ моей дорогѣ,
„И себѣ засваталъ я невѣсту.
„Раздарилъ я три кармана денегъ;
„А когда въ Прилепъ я возвращался,
„Мать невѣсты такъ мнѣ говорила:
„‹Зять мой милый, Королевичъ Марко!
„‹Не води съ собой чужихъ ты сватовъ,
„‹А возьми племянниковъ да братьевъ:
„‹Красоты вѣдь чудной наша дочка,—
„‹Какъ бѣды въ дорогѣ бъ не случилось..."
„У меня же братьевъ нѣтъ, ты знаешь,
„Нѣтъ ни братьевъ, ни дѣтей отъ брата."
Отвѣчаетъ Марку Евросима:
„Сынъ мой Марко! Не скорби объ этомъ:
„Напиши письмо Млетака дожу,
„Пусть твоимъ вѣнчальнымъ будетъ кумомъ
„И возьметъ съ собой пять сотенъ сватовъ.
„Да пошли ты къ Зе́мличу Степану,—
„Пусть онъ будетъ деверемъ вѣнчальнымъ
„И возьметъ съ собой пять сотенъ сватовъ;
„И тогда ужъ ничего не бойся." (*)
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Взялъ себѣ бумагу на колѣно
И письмо писалъ Млетака (**) дожу,
А другое Земличу Степану.
Проходило времени немного,
Вотъ и дожъ въ Прилепъ приходитъ къ Марку,
И пять сотъ нарядныхъ сватовъ съ дожемъ.

(*) Давая такой совѣтъ, Евросима подозрѣвала Шишмана въ коварствѣ; ей показалась странной просьба взять съ собою только ближайшихъ родственниковъ, т. е. явиться съ ничтожной дружиной.

(**) Млетакъ—Венеція.

Марко вводитъ дожа въ дворъ свой бѣлый,
Сваты жъ стали въ полѣ подъ шатрами.
Вслѣдъ за дожемъ и Степанъ приходитъ
И съ собой пятьсотъ приводитъ сватовъ.
Подкрѣпились всѣ виномъ холоднымъ
И въ дорогу съ Маркомъ отправлялись
За невѣстой къ кралю Шишманину.
Хорошо король юнаковъ встрѣтилъ:
Развели коней ихъ по конюшнямъ,
А юнаковъ пригласили въ башню.
Цѣлые три дня у Шишманина
Отдыхалъ весь поѣздъ отъ дороги.
На четвертый, только солнце встало,
Приказанье вѣстники разносятъ;
„Собирайтесь въ путь-дорогу, сваты!
„Дней не много, а длинна дорога!
„Насъ давно ужъ дома ожидаютъ."
И съ невѣстой двинулися сваты
Въ путь-дорогу изъ земли Болгарской.
Гдѣ удача, тамъ и неудача.
Дунулъ вѣтеръ въ полѣ,—отпахнулось
Покрывало на лицѣ невѣсты.
Увидалъ невѣсту дожъ Млетака:
Голова у дожа разболѣлась
Отъ любви. И ждетъ онъ темной ночи.
На ночлегъ остановились сваты.
Дожъ пошелъ въ Степанову палатку
И такія рѣчи тихо молвилъ:
„Деверь другъ, пусти меня въ палатку,
„Дай лишь на-ночь мнѣ невѣсту въ [жены, (*)
„И за то сапогъ тебѣ насыплю
„Золотыхъ дукатовъ, мой пріятель."
Говоритъ Степанъ ему: „Ты шутишь!
„Что съ тобою? Или смерти хочешь?"
Дожъ ни съ чѣмъ вернулся отъ Степана.
На другой ночлегъ приходитъ поѣздъ.
Снова дожъ въ шатеръ идетъ Степана
И такую рѣчь заводитъ тихо:
„Деверь другъ, пусти меня въ палатку,
„Дай лишь на-ночь мнѣ невѣсту въ жены:
„Не сапогъ, а два тебѣ, повѣрь мнѣ,
„Я отсыплю золотыхъ дукатовъ."
И опять Степанъ ему отвѣтилъ:
„Голова тебѣ знать надоѣла!
„Можно ль куму, да куму безчестить?!"
Какъ и прежде, дожъ ни съ чѣмъ вернулся.
А на третью ночь опять приходитъ
Дожъ къ Степану и тихонько шепчетъ:
„Деверь другъ, пусти меня въ палатку,
„Дай лишь на-ночь мнѣ невѣсту въ жены:
„Дамъ тебѣ три сапога дукатовъ!"
И Степанъ прельстился на дукаты,
И за деньги продалъ сноху дожу.
Дожъ беретъ куму за бѣлы руки
И ведетъ ее въ свою палатку.
Тамъ онъ тихо говоритъ невѣстѣ:
„Здѣсь усядься, милая подруга;
„Будемъ мы любить и цѣловаться."
Говоритъ на то ему болгарка:
„Кумъ мой милый, славный дожъ Млетака!
„Вѣдь земля провалится подъ нами
„Да и небо сломится, навѣрно,
„Если станешь ты къ кумѣ ласкаться."
Говоритъ ей дожъ: „Чего бояться?
„Я любилъ ужъ девять кумъ крестильныхъ,
„А вѣнчальныхъ двадцать и четыре,—
„Никогда земля не провалилась,
„Никогда не проломилось небо.
„Такъ небойся жъ, милая подруга;
„Будемъ мы съ тобою миловаться."
Говоритъ тутъ дѣвушка невѣста:
„Кумъ мой милый, славный дожъ Мле- [така!
„Заклинала мать меня родная,—
„Не любила что бъ я бородатыхъ;
„А любила бъ парней безбородыхъ,
„Вотъ каковъ хоть Королевичъ Марко."
Какъ услышалъ это дожъ Млетака,
Призывалъ онъ тотчасъ брадобрѣевъ:
Первый мылитъ, а другой ужъ бритъ.
Наклонилась дѣвушка невѣста
И въ платокъ свой бороду собрала.
Изъ шатра дожъ выгналъ брадобрѣевъ,

(*) На обязанности Земича Степана, какъ вѣнчальнаго деверя, лежала обязанность охранять палатку невѣсты.
Женихъ и невѣста еще не были обвѣнчаны; вѣнчаніе должно было совершиться въ домѣ жениха.

На ушко невѣстѣ тихо шепчетъ:
„Полюби жъ теперь меня, дѣвица.“
А ему болгарка отвѣчаетъ:
„Милый кумъ мой, славный дожъ Млетака!
„А когда про то узнаетъ Марко,—
„Вѣдь обоимъ головы отрубитъ!“
Говоритъ ей дожъ Млетака: „Полно,
„Полюби меня, къ чему дичишься?
„Спитъ спокойно Марко Королевичъ
„Тамъ, гдѣ видна бѣлая палатка,
„А надъ нею яблоко изъ злата,
„Два въ немъ камня дорогихъ сіяютъ.
„Дай тебя я обниму, цѣлуя.“
Отвѣчаетъ дѣвушка-невѣста:
„Подожди немного, сватъ мой милый:
„Изъ шатра я выйду на минуту,
„Погляжу на звѣзды и на небо:
„Что на небѣ—тучи или ясно?“
Какъ она отъ дожа только вышла,
Поглядѣла—гдѣ палатка Марка,
И какъ лань по стану побѣжала
Между сватовъ спящихъ, прямо къ Марку.
Крѣпко спалъ онъ. Дѣвушка-невѣста
Въ головахъ надъ спящимъ Маркомъ
И роняетъ горестныя слезы. [стала
Ото сна воспрянувъ, молвитъ Марко
Дѣвушкѣ болгаркѣ: „Негодяйка!
„Не могла ты той поры дождаться,
„Какъ въ Прилепъ съ тобою мы пріѣдемъ,
„Совершимъ законъ нашъ христіанскій?“
И схватилъ онъ кованую саблю.
Голову невѣста наклонила,
Говоритъ: „О, государь мой Марко!
„Ты ошибся: я не негодяйка,—
„Какъ и ты, господскаго я рода.
„А вотъ ты-то водишь негодяевъ,
„Негодяевъ—деверя и кума:
„Вѣдь меня Степанъ Земличичъ продалъ
„За три полныхъ сапога дукатовъ,
„Продалъ дожу онъ меня за деньги.
„Если ты мнѣ не повѣришь, Марко,
„То вотъ этой бородѣ повѣришь.“
И при этомъ бороду невѣста
Изъ платка предъ Маркомъ вынимала.
Говоритъ ей Марко: „Другъ мой вѣрный!
„До утра со мною здѣсь останься.
„Виноватыхъ утромъ мы отыщемъ.“
И улегся спать въ свою постелю.
А какъ утро ясное настало,
Поднимался онъ на легки ноги
И, надѣвъ одежду наизнанку,
Взявши въ руки буздованъ тяжелый,
Путь направилъ къ деверю и куму.
Онъ желаетъ добраго имъ утра:
„Съ добрымъ утромъ, кумъ, и ты, мой деверь!
„Деверь, гдѣ жъ сноха твоя дѣвалась?
„Кумъ мой, гдѣ кума твоя, скажи мнѣ?“
Но ни слова не промолвилъ деверь.
Дожъ Млетака отвѣчаетъ Марку:
„Кумъ мой милый, Королевичъ Марко!
„Иногда всего боятся люди...
„Мы съ твоей невѣстой пошутили...“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Это злыя шутки, дожъ Млетака!
„Это въ шутку ты теперь обритый?
„А куда же борода дѣвалась?“
Началъ дожъ оправдываться чѣмъ-то,
Да не сталъ его и слушать Марко:
Голову срубилъ съ размаху саблей.
Убѣгать было Степанъ пустился;
Но догнавъ, его ударилъ Марко,
На двѣ части разрубилъ Степана.
Въ свой шатеръ тогда онъ возвратился
И на Шарца сѣвъ, въ Прилепъ поѣхалъ.
Поднимались вмѣстѣ съ нимъ и сваты
И въ Прилепъ пришли благополучно.

---

36. Марко узнаетъ отцовскую саблю.

Рано встала дѣвушка турчанка—
До зари и до восхода солнца—
И пошла она къ рѣкѣ Марицѣ
Полотно бѣлить свое. До солнца
Были волны чисты и прозрачны;
А съ восходомъ солнца замутились,
Стали волны мутны и кровавы;

И несутъ онѣ коней и шапки,
Наконецъ и раненыхъ юнаковъ.
Вотъ плыветъ въ волнахъ юнакъ какой-то:
Закрутили раненаго волны
И уносятъ быстро по теченью.
Онъ увидѣлъ дѣвушку турчанку
И кричитъ ей, заклиная Богомъ:
„Заклинаю, будь сестрою въ Богѣ!
„Брось конецъ мнѣ полотна, на берегъ
„Извлеки меня изъ волнъ Марицы.
„Награжу за то тебя богато.“
И его послушалась турчанка:
Полотно ему бросала въ воду,
Изъ воды юнака вынимала;
А на немъ семнадцать ранъ кровавыхъ!
Онъ одѣтъ въ богатыя одежды;
У бедра же кованая сабля,
А на ней три чудныхъ рукоятки,
И на каждой по три камня. Стоитъ
Три султанскихъ города та сабля.
Говоритъ израненый турчанкѣ:
„О сестра по Богу! Ты скажи мнѣ:
„Изъ родныхъ кого имѣешь въ домѣ?“
Отвѣчаетъ дѣвушка турчанка:
„У меня есть въ домѣ мать старуха
„Да еще мой братъ Мустафа-ага.“
Говоритъ юнакъ: „Сестра по Богу!
„Ты иди домой, скажи Мустафѣ,
„Чтобъ отнесъ меня онъ въ дворъ свой
„У меня три пояса съ собою, [бѣлый.
„Въ каждомъ триста золотыхъ дукатовъ.
„Подарю тебѣ я первый поясъ,
„А другой отдамъ Мустафѣ-агѣ;
„Третій поясъ я себѣ оставлю
„На лѣченье ранъ моихъ кровавыхъ.
„Дастъ мнѣ Богъ, что я отъ ранъ оправ-
„Награжу тебя тогда богаче, [люсь,
„Награжу тебя я и Мустафу.“
Вотъ домой пришла съ рѣки турчанка
И такія рѣчи говорила:
„Братъ Мустафа! Я нашла юнака
„На Марицѣ, на водѣ студеной;
„И при немъ три пояса дукатовъ,
„По три сотни въ каждомъ. Хочетъ витязь
„Дать одинъ мнѣ поясъ свой въ подарокъ,
„А другой тебѣ, Мустафа-ага,
„Третій поясъ при себѣ оставить
„На лѣченье ранъ своихъ кровавыхъ.
„Не дадимъ же мы ему погибнуть,
„А возьмемъ юнака въ дворъ свой бѣлый.“
Вотъ идетъ Мустафа на Марицу.
Увидалъ онъ раненаго; началъ
Любоваться дорогою саблей—
И съ размаху снесъ главу юнаку.
Снялъ съ него онъ чудную одежду
И пошелъ обратно въ дворъ свой
бѣлый.
Повстрѣчать турчанка вышла брата,
И узнавши, какъ скончался витязь,
Говорила брату: „Что ты сдѣлалъ?
„Погубилъ за что ты побратима?
„Ты сгубилъ его за эту саблю!
„Вотъ гляди жъ, она тебя погубитъ!“
Такъ сказавъ, ушла въ свою свѣтлицу.—
Проходило времени немного.
Отъ султана вышло приказанье
На войну Мустафѣ собираться.
Собирался ага и съ собою
Взялъ юнака кованую саблю.
Въ войскѣ царскомъ всѣ дивились
саблѣ:
Всѣ глядѣли—и большой и малый,
Но никто не могъ изъ ноженъ вынуть.
Переходитъ сабля съ рукъ и въ руки.
Какъ дошла до Кралевича Марка,
Тутъ сама изъ ноженъ вышла сабля.
Разглядать сталъ Марко эту саблю
И прочелъ три слова христіанскихъ:
Первое—„Новакъ Ковачъ;“ другое—
„Краль Вукашинъ;“ третье было имя—
Было имя—„Марко Королевичъ.“
Говоритъ Мустафѣ-агѣ Марко:
„Ради Бога, ты скажи Мустафа:
„Какъ добылъ ты кованую саблю?
„Иль купилъ ее себѣ за деньги?
„Иль добылъ ее въ бою на полѣ?
„Отъ отца ль она тебѣ досталась?
„Иль съ женою взялъ ее съ приданнымъ?“

Говоритъ Мустафа-ага Марку:
„Если хочешь, все скажу по правдѣ.“
И какъ было, разсказалъ все Марку.
Говоритъ Мустафѣ Марко: „Турокъ!
„Накажи тебя, о Боже Правый,
„Что ты ранъ не излѣчилъ юнаку!
„А тебѣ бы агалукъ я добылъ (*)
„Отъ царя честного отманина.“
Говоритъ Мустафа-ага Марку:
„Полно врать тебѣ, невѣрный Марко! (**)
„Прежде чѣмъ ты агалукъ бы добылъ,
„Ужъ навѣрно бъ головы лишился.
„Дай назадъ мнѣ кованую саблю.“
Тутъ махнулъ отцовской саблей Марко,
Снесъ Мустафѣ голову. Объ этомъ
Донесли царю султану турки.
Вотъ Султанъ отправилъ слугъ за Мар-
[комъ.
Входятъ слуги въ Маркову палатку
И зовутъ на судъ его къ султану.
Тотъ въ отвѣтъ имъ слова не промолвилъ,
Только пьетъ вино за чашей чашу.
А какъ слуги Марку досадили,
Шерстью вверхъ надѣлъ свою онъ шубу,
Въ руки взялъ тяжелый шестоперецъ
И пошелъ въ султанскую палатку.
Сильно Марко сердцемъ разлютился.
Въ сапогахъ онъ на коврѣ усѣлся,
Злобнымъ взглядомъ мѣряетъ султана,
Плачетъ Марко не слезами,—кровью.
Какъ султанъ такимъ увидѣлъ Марка
И что съ Маркомъ буздованъ тяжелый,—
Отъ него отодвигаться началъ.
Но къ царю сталъ Марко подвигаться,
Наконецъ къ стѣнѣ его придвинулъ.
Опустилъ султанъ въ карманы руки
И досталъ оттуда сто дукатовъ,
Говоритъ, передавая деньги:
„На, иди вина напейся, Марко...
„Что тебя такъ сильно разлютило?“—
—„Царь-отецъ, поотчимъ мой по Богу!
„Ты меня не спрашивай объ этомъ...
„Я нашелъ отца родного саблю.
„У тебя когда бъ ее нашелъ я,
„На тебя я такъ бы разлютился.“
И пошелъ въ свою палатку Марко.

(*) Агалукъ—мѣсто сборщика податей.
(**) Невѣрный—христіанинъ.

Примѣчаніе. Пѣсня не отступаетъ отъ исторіи. Въ 1371 году сербы подъ предводительствомъ Вукашина имѣли столкновеніе съ турками и греками на рѣкѣ Маринцѣ. Битва кончилась пораженіемъ сербовъ и смертью Вукашина.

37. Марко Королевичъ и бегъ Костадинъ.

Ѣдутъ вмѣстѣ двое побратимовъ—
Костадинъ и Королевичъ Марко.
Костадинъ и говоритъ: „Мой Марко!
„Пріѣзжай по осени, когда я
„Въ Дмитровъ день свою справляю славу;
„Вмѣстѣ будемъ праздновать святому.
„Ты увидишь, какъ я славу славлю,
„Какъ гостей своихъ встрѣчаю съ честью,
„За трапезу ихъ сажаю рядомъ.“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Не хвались своимъ гостепріимствомъ!
„Какъ искалъ я брата Андріяша,
„Въ Дмитровъ день тогда мнѣ быть
случилось
„У тебя въ дворѣ твоемъ. Я видѣлъ
„Какъ ты славу празднуешь святому,—
„Видѣлъ тамъ я три безчеловѣчья...“
Костадинъ у Марка вопрошаетъ:
„Ты скажи мнѣ, побратимъ: какія
„У меня видалъ безчеловѣчья?“
Отвѣчаетъ Марко Костадину:
„Первое твое безчеловѣчье:
„Въ дворъ къ тебѣ пришли двѣ сиротинки,
„Чтобы хлѣба бѣлаго покушать
„И вина на славѣ выпить чашу.
„Ты жъ отвѣтилъ бѣднымъ сиротинкамъ:
„‹Вонъ отсюда, гадины людскія!
„‹Предъ людьми вино мнѣ не скверните!›“
„Мнѣ же было жалко сиротинокъ:
„Взялъ я ихъ, повелъ съ собой на рынокъ,
„Накормилъ сиротокъ бѣлымъ хлѣбомъ,
„Напоилъ ихъ и виномъ червленымъ,
„А потомъ одѣлъ ихъ въ шелкъ и бархатъ

„И послалъ обратно въ дворъ твой бѣлый.
„Самъ же сталъ глядѣть я стороною,—
„Какъ теперь сиротъ ты повстрѣчаешь.
„Ты одну на лѣвую взялъ руку,
„А другую взялъ ты на десницу,
„Въ дворъ свой бѣлый ты понесъ сиро-
„И за столъ ихъ усадилъ съ почетомъ: [токъ
„«Ѣшьте—пейте, княжескія дѣти.»
„Вотъ еще твое безчеловѣчье:
„У тебя на славѣ были гости—
„Старики,—они въ бѣдѣ да горѣ
„Потеряли все свое имѣнье,
„И на нихъ худое было платье;
„За столомъ сажалъ ты этихъ съ краю.
„У тебя и молодые были,
„Что собрать сумѣли много денегъ;
„Были всѣ они въ нарядномъ платьѣ.
„Посадилъ ты ихъ на первомъ мѣстѣ,
„Подносилъ вино имъ и ракію,
„Подносилъ и кушанья съ почетомъ.
„Третье вотъ твое безчеловѣчье:
„И отецъ и мать твоя вѣдь живы,
„Но не видѣлъ я ихъ за трапезой.
„А вѣдь имъ и должно по закону
„Первый кубокъ подносить на славѣ.“

---

38. Марко и Филипъ Мадъяринъ.

Пьютъ вино въ Карловцѣ, бѣломъ градѣ,
Ровно тридцать храбрыхъ капитановъ.
Между ними и Филипъ Мадъяринъ,
А съ Филипомъ—и Змай-Деспотъ Вуча.
Какъ виномъ юнаки подкрѣпились
И съ вина повеселѣе стали,
Тутъ хвалиться стали капитаны:
Кто и гдѣ досталъ добычи сколько
И головъ срубилъ въ бою кровавомъ.
Тутъ хвалиться сталъ Филипъ Мадъяринъ:
„Эй вы, братья тридцать капитановъ!
„Поглядите—вотъ Карловецъ бѣлый:
„Тридцать три на немъ высокихъ башни.
„Каждый шпиль на башнѣ я украсилъ
„Головою; лишь пустой осталась
„Вонъ та башня надъ мостомъ высокимъ.
„Но и эту скоро я украшу
„Головою Кралевича Марка.“
Говоритъ и думаетъ Мадъяринъ,
Что никто рѣчей его не слышитъ
Изъ друзей, иль побратимовъ Марка.
Но Филипа слышитъ Деспотъ-Вуча,
Побратимъ по Богу Марка. Быстро
Поднимался онъ на легки ноги,
Въ руки взялъ чернило и бумагу
И письмо писалъ въ Прилепъ высокій
Къ побратиму—Кралевичу Марку:
„Ты послушай, побратимъ по Богу!
„У тебя въ Карловцѣ врагъ заклятый,—
„То Филипъ Мадъяринъ: онъ клянется,
„Что главу твою въ бою отрубитъ
„И украситъ ею шпиль на башнѣ.
„Отъ Филипа ожидай, мой Марко,
„Иль обмана, или же коварства.“
Какъ письмо дошло въ Прилепъ до Марка,
Какъ прочелъ онъ то письмо отъ Вучи,
Быстро всталъ онъ и пошелъ на башню:
Припоясалъ кованую саблю,
Надѣвалъ на плечи волчью шубу;
А затѣмъ пошелъ въ подвалъ—въ конюшню,
Чтобъ Шарина снарядить въ дорогу.
Покрывалъ его медвѣжьей шкурой,
Зауздалъ стальными удилами,
У сѣдла топузъ подвѣсилъ слѣва,
Справа же свою стальную саблю;
На Шарина своего усѣлся,
Положилъ копье свое на плечи
И поѣхалъ чрезъ Косово поле
Отъ Пазара—Лахомъ Каменистымъ,
А оттуда въ Валевскую область,
Черезъ Мачву къ граду Дмитровицу;
Тутъ чрезъ Саву перешелъ онъ бродомъ
И поѣхалъ Срѣменской долиной.
Вотъ ужъ Марко въ городѣ Карловцѣ;
Ѣдетъ онъ по площади базарной
Ко двору Мадъярина Филипа
И на дворъ въѣзжаетъ чрезъ ворота.
Но Филипа дома не случилось,

Онъ поѣхалъ на охоту въ горы.
На дворѣ Филипова супруга—
Анделія повстрѣчала Марка;
Рядомъ съ ней—прислужницы четыре
Ей держали рукава и полы.
Какъ подъѣхалъ Марко къ Анделіи,
Пожелалъ ей помощи Господней:
„Помогай Господь тебѣ, невѣстка!
„Побратимъ Филипъ Мадъяринъ дома?“
Отвѣчаетъ Анделія Марку:
„Вонъ отсюда, дервишъ-оборванецъ:
„Мужъ не станетъ брататься съ такими.“
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Онъ своей тяжелою рукою
Анделію по щекѣ ударилъ.
На рукѣ у Кралевича Марка
Золотой былъ перстень,—этимъ перст-
Онъ лицо поранилъ Анделіи [немъ
И ей выбилъ три здоровыхъ зуба;
Снялъ три нитки золотыхъ дукатовъ
Съ Анделіи Марко и промолвилъ,
Положивши золото въ карманы:
„Отъ меня ты кланяйся Филипу,
„Какъ домой вернется онъ съ охоты.
„Пусть въ корчму онъ новую приходитъ,
„Вмѣстѣ съ нимъ въ корчмѣ вина мы выпьемъ:
„И ни онъ, ни я платить не будемъ,—
„Расплачусь твоимъ я ожерельемъ.“
Повернулъ назадъ Шарина Марко
И въ корчму поѣхалъ. Предъ корчмою
Привязалъ онъ вѣрнаго Шарина
И вина испить въ корчмѣ усѣлся.
Много-ль, мало-ль времени проходитъ,—
Возвратился съ горъ Филипъ Мадъя-
На дворѣ его жена встрѣчаетъ, [ринъ.
Съ глазъ своихъ роняетъ горьки слезы,
А въ рукахъ платокъ окровавленный.
Говоритъ Мадъяринъ Анделіи:
„Что съ тобою, вѣрная супруга?
„Отчего ты слезы проливаешь?
„Отчего платокъ твой окровавленъ?“
Отвѣчала мужу Анделія:
„Господинъ ты мой, Филипъ Мадъяринъ!
„Какъ пошелъ ты на охоту въ горы,
„Я стояла на дворѣ предъ башней...
„Въ это время дервишъ къ намъ пріѣхалъ:
„На плечахъ надѣта волчья шуба,
„Опоясанъ онъ стальною саблей,
„На плечѣ его копье стальное,
„Конь подъ нимъ весь пестрый. Какъ подъѣхалъ
„Онъ ко мнѣ, сказалъ слова такія:
„‹Помогай Господь тебѣ, невѣстка!
„‹Побратимъ Филипъ Мадъяринъ дома?›
„На привѣтъ ему я отвѣчала:
„‹Вонъ отсюда, дервишъ-оборванецъ!
„‹Мужъ съ такими брататься не станетъ!›
„Подогналъ юнакъ коня поближе
„И рукой меня ударилъ въ щеку;
„На рукѣ его надѣтъ былъ перстень,
„Мнѣ лицо онъ перстнемъ тѣмъ поранилъ
„И изъ десенъ вышибъ мнѣ три зуба;
„Снялъ съ меня три нитки онъ дукатовъ
„И въ корчму отсюда путь направилъ.
„А тебѣ приказывалъ сказать онъ,
„Чтобы ты въ корчму къ нему поѣхалъ
„Пить вино на наше ожерелье.“
Какъ услышалъ эту рѣчь Мадъяринъ,
Анделіи молвилъ: „Не печалься,
„Полно плакать, вѣрная супруга!..
„Въ плѣнъ возьметъ Филипъ его сегодня!
„Приведу его во дворъ свой бѣлый:
„Пусть качаетъ нашего ребенка.“
Повернулъ Филипъ свою кобылу
И къ корчмѣ поѣхалъ. Только Шарецъ
У воротъ корчмы стоитъ привязанъ.
Подогналъ Филипъ свою кобылу
И хотѣлъ въ корчму проѣхать къ Марку.
Но проѣхать Шарецъ не пускаетъ:
Бьетъ кобылу по ребрамъ копытомъ.
Разлютился тутъ Филипъ Мадъяринъ:
Вынималъ тяжелый шестоперецъ,
Сталъ нещадно колотить Шарина.
Подалъ голосъ Шарецъ: „Боже Правый!
„У воротъ сегодня я погибну
„Отъ ударовъ сильнаго Филипа
„Близъ тебя о, Марко, мой хозяинъ.“

Изъ корчмы отвѣтилъ Марко Шарцу:
„Пропусти въ корчму, Шаринъ Фили-
И Шаринъ хозяина послушалъ, [па.“
Пропустилъ въ корчму пройти Филипа.
Какъ въ корчму Филипъ Мадъяринъ
въѣхалъ, (*)
Не сказалъ онъ Марку: „Богъ на по-
мощь!“
Взялъ Филипъ топузъ тяжелый въ руки,
Бьетъ топузомъ Кралевича Марка,
Бьетъ его онъ по плечамъ юнацкимъ.
Не отвѣтилъ на удары Марко,
А промолвилъ лишь Филипу: „Полно,
„Съ миромъ сядь, Мадъярскій ты подки-
дышъ.
„Не тревожь ты блохъ моихъ подъ шубой.
„Слѣзь съ коня и пить вино садися.
„Будетъ время намъ для поединка.“
Но Мадъяринъ Марка не послушалъ:
По рукѣ онъ Марковой ударилъ
И разбилъ его златую чашу,
А вино изъ чаши пролилося.
Какъ увидѣлъ это Королевичъ,
Поднимался онъ на быстры ноги,
На Мадъяра бросился и, саблю
У него отнявши, этой саблей
По плечу его ударилъ Марко,—
По плечу онъ правому ударилъ:
До сѣдла разсѣкъ Филипа Марко!
На двѣ части разрубила сабля
Тѣло все Мадъярина Филипа
И застряла въ каменныхъ воротахъ.
Поглядѣлъ на остру саблю Марко,
Поглядѣлъ на саблю да и молвитъ:
„Милосердный Боже, Всемогущій!
„Плохъ Мадъяринъ, а клинокъ хорошій!“
Отрубилъ главу Филипу Марко,
Положилъ ее въ мѣшокъ Шарина
И поѣхалъ ко двору Филипа,
Во дворѣ разбилъ всѣ кладовые,
Все забралъ Филипово богатство
И пошелъ, дорогой распѣвая.

(*) Очевидно корчма помѣщалась не во внутренности зданія, а на дворѣ.

Трупъ Филипа шевелилъ ногами,
А жена его рыдала горько.

39. Марко и Алилъ-ага.

Ѣдутъ вмѣстѣ двое побратимовъ—
Костадинъ и Марко Королевичъ—
Краснымъ мѣстомъ—славнымъ Цареграмъ.
Говоритъ тутъ Костадину Марко: [домъ.
„Побратимъ мой! Мы съ тобою ѣдемъ
„Цареградомъ; только я боюся,—
„Какъ бы намъ съ бѣдой не повстрѣ-
чаться:
„Какъ бы кто меня на бой не вызвалъ?
„Потому больнымъ я притворюся
„Злой болѣзнью, тяжкимъ сердобольемъ.“
И больнымъ тутъ Марко притворился
Безъ болѣзни,—отъ ума большого:
Онъ на шею наклонился Шарцу,
На сѣдло свое припавши грудью.
Такъ и ѣдетъ Марко Цареградомъ.
Да была недобрая тутъ встрѣча,
Повстрѣчался Алилъ-ага съ Маркомъ,
А при агѣ тридцать янычаровъ.
Говорилъ тутъ Марку турокъ ага:
„О юнакъ ты, Королевичъ Марко!
„Я зову тебя на состязанье:
„Кто изъ насъ двоихъ стрѣляетъ лучше?
„Если дастъ тебѣ Господь и счастье,
„Что меня ты нынче одолѣешь,
„То возьмешь себѣ и дворъ мой бѣлый,
„А съ дворомъ и всѣ мои пожитки;
„И жена моя твоею будетъ.
„А когда тебя я одолѣю,—
„Не возьму жены твоей, ни дома—
„А тебя лишь самаго повѣшу
„И возьму коня себѣ Шарина.“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Отойди ты отъ меня, проклятый!
„Мнѣ теперь съ тобою не до спора:
„Заболѣлъ я тяжкою болѣзнью,
„Тяжкою болѣзнью—сердобольемъ.
„На конѣ не въ силахъ я держаться,
„А куда жъ метать изъ лука стрѣлы...“

Но отстать не хочетъ ага: Марка
Ухватилъ онъ за полу доламы.
Марко вынулъ ножъ и имъ отрѣзалъ
Полу справа отъ своей доламы:
„Отвяжись ты отъ меня, проклятый!“
Но отстать не хочетъ Алилъ-ага:
Ухватилъ за лѣвую онъ полу.
Марко взялъ свой ножъ и имъ отрѣзалъ
Полу слѣва отъ своей доламы:
„Отвяжись, карай тебя Создатель!“
Но отстать не хочетъ Алилъ-ага:
Ухватилъ онъ Шарца за поводья
Правою рукой; рукой же лѣвой
Взялъ за грудь онъ Кралевича Марка.
Какъ огонь живой тутъ Марко вспыхнулъ:
Приподнявшись, сѣлъ на Шарцѣ прямо,
Затянулъ рукой его поводья.
Взвился Шарецъ, словно какъ безумный,
Перепрыгнулъ чрезъ людей съ конями.
Обратился Марко къ Костадину:
„Побратимъ по Богу, Костадине!
„Принеси стрѣлу мнѣ татаранку, (*)
„Ту стрѣлу, которая имѣетъ
„Ровно девять соколиныхъ перьевъ.
„Я жъ пойду къ судьѣ съ Алиломъ-агой,
„Чтобъ межъ нами послѣ поединка
„Не возникло распри или спора.“
Костадинъ пошелъ за татаранкой,
А къ судьѣ пошелъ съ Алиломъ Марко.
Какъ пришли они къ судьѣ, тутъ ага
Туфлю снялъ и сѣлъ съ судьею рядомъ;
Винималъ двѣнадцать онъ дукатовъ
И метнулъ судьѣ ихъ подъ колѣно:
„О эфенди! (**) вотъ тебѣ дукаты,
„Лишь не дай суда по правдѣ Марку.“
Понималъ языкъ турецкій Марко.
Но у Марка денегъ не случилось.
На плечо онъ взялъ топузъ тяжелый:
„Ты послушай, судія-эфенди!
„Дай мнѣ судъ по совѣсти—по чести.
„Вотъ со мной мой тяжкій шестоперецъ;
„Если только имъ тебя ударю,
„То ненуженъ будетъ даже пластырь:
„Здѣсь въ судѣ, на мѣстѣ и уснешь ты—
„И своихъ дукатовъ не увидишь.“
Оробѣлъ судья, когда увидѣлъ
Золоченый шестоперецъ Марка;
Оробѣлъ онъ—руки задрожали.
Вотъ идутъ юнаки состязаться.
Тридцать турокъ янычаръ за агой
За Алиломъ вслѣдъ идетъ; за Маркомъ
Кое-кто лишь изъ болгаръ да грековъ.
Вотъ пришли и къ мѣсту состязанья.
Говоритъ тутъ началъ Марку ага:
„Делибашъ, (*) пускай стрѣлу ты первый!
„Ты хвалился, что юнакъ ты сильный,
„Ты хвалился передъ самимъ султаномъ,
„Что убьешь орла своей стрѣлою,
„Высоко парящаго подъ небомъ.“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Хоть хвалился я своею силой,
„Да за то вѣдь ты меня постарше:
„Вѣдь теперь турецкое господство. (**)
„Потому и начинай ты первымъ.
„Да къ тому жъ и самъ меня ты вызвалъ.
„Такъ бери же первымъ лукъ и стрѣлы.“
Тутъ стрѣлу свою пускаетъ ага;
И прошла, когда аршиномъ мѣрять,
То прошла стрѣла аршинъ сто двадцать.
Сталъ стрѣлять и Королевичъ Марко:
Пронеслась стрѣла аршинъ двѣ сотни.
Тутъ метнулъ Алилъ стрѣлу другую,—
Пронеслась стрѣла аршинъ три сотни:
На пятьсотъ аршинъ стрѣляетъ Марко.
Въ третій разъ метнулъ изъ лука турокъ,—
И шесть сотъ аршинъ стрѣла летѣла.
Въ это время Костадинъ приходитъ
И приноситъ Марку татаранку,
У которой девять бѣлыхъ перьевъ;
Тутъ пускаетъ Марко татаранку:
Въ мглу, въ туманъ она изъ глазъ умчалась;
Гдѣ искать ее, никто не знаетъ,
А ужъ что тамъ говорить о мѣрѣ!

(*) Татарская стрѣла.

(**) Эфенди—титулъ турецкаго ученаго.

(*) Делибашъ—начальникъ гвардіи, вообще—герой, храбрецъ.

(**) т. е. Турки владѣютъ Сербіей.

Проливалъ горючи слезы турокъ,
Заклиная побратимствомъ Марка:
„Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Будь мнѣ братъ по Богу и Ивану,
„Какъ законъ велитъ вашъ христіанскій.
„Забирай дворы мои, а съ ними
„И жену мою бери въ супруги.
„Только, братъ мой, ты меня не вѣшай!“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Ахъ ты турокъ, Богъ тебѣ судьею!
„Назвалъ ты меня по Богу братомъ,
„А жену свою мнѣ предлагаешь!
„Мнѣ жены твоей совсѣмъ не надо:
„Вѣдь у насъ, не какъ у васъ—у турокъ:
„Мы сноху сестрой своей считаемъ. (*)
„У меня въ дворѣ жена осталась,
„Я женатъ на госпожѣ Елицѣ,—
„На Елицѣ, рода не простого.
„Я тебя простилъ бы, побратимъ мой,
„Да испортилъ ты мою доламу.
„Дай мнѣ денегъ столько, чтобы можно
„Вставить полы новыя къ доламѣ.“
Живо всталъ съ земли на ноги ага,
Обнимаетъ и цѣлуетъ Марка
И ведетъ во дворъ его, какъ гостя.
Тамъ они три дня пируютъ вмѣстѣ.
На послѣдокъ три кармана денегъ
Побратиму ага далъ; рубашку
Съ золотой прошивкой дорогою
Да платокъ съ серебряной каймою
Поднесла сноха въ подарокъ Марку.
И его съ поклономъ проводили.
Дружно съ агой жилъ Кралевичъ Марко,
Съ нимъ стерегъ султанскую окрайну.
Гдѣ враги отбиты отъ границы,—
Отразилъ ихъ Марко съ Алилъ-агой;
Гдѣ разбиты города и села,—
Это дѣло Марка съ Алилъ-агой.

(*) Послѣ побратимства Марка съ Алиломъ, жена послѣдняго стала уже снохою Марка. Какъ видно, побратимство считается наравнѣ съ кровнымъ родствомъ: Марко не могъ бы жениться на женѣ Алила, какъ на женѣ родного брата, т. е. какъ на своей родной сестрѣ.

40. Марко Кралевичъ и Мина изъ Костура.

Марко сѣлъ за ужинъ съ Евросимой
Подкрѣпиться и виномъ и хлѣбомъ.
Три письма тутъ вдругъ приходятъ къ [Марку.
Первое отъ города Стамбула—
Отъ царя султана Паязета. (*)
А другое—изъ Будима града—
Отъ того Будимскаго ли краля.
Третье же письмо было отъ Янка,
Воеводы города Сибиня.
Въ томъ письмѣ, что было отъ Стамбула,
Звалъ Султанъ въ походъ съ собою Мар- [ка
На окрайну лютую араповъ.
А въ письмѣ изъ города Будима—
Краль будимскій звалъ на свадьбу Марка,
Что бъ онъ былъ его вѣнчальнымъ ку- [момъ
И вѣнчалъ его бы съ королевной.
Въ третьемъ же посланьи отъ Сибиня,
Янко звалъ къ себѣ быть кумомъ Марка,
Близнецовъ двоихъ малютокъ малыхъ
Воспринять въ крещеньи отъ купели.
Евросиму спрашиваетъ Марко:
„Посовѣтуй, мать моя родная,
„Мнѣ куда сначала отправляться:
„Иль итти мнѣ въ войско Паязета,
„Иль въ Будимъ пойти на свадьбу краля
„И у краля быть вѣнчальнымъ кумомъ,
„Иль итти мнѣ къ воеводѣ Янку
„Отъ купели воспринять малютокъ?“
Отвѣчаетъ Марку Евросима:
„Сынъ мой милый, Королевичъ Марко!
„Веселиться вѣдь идутъ на свадьбу,
„На крестины—чтобъ законъ исполнить,
„На войну же ходятъ по неволѣ:
„Отправляйся въ войско Паязета,
„И тебя Создатель не осудитъ.“
И послушалъ Марко мать-старуху:
Снарядился въ войско Паязета
И съ собой слугу взялъ Голубана.
Говорилъ въ походъ собравшись Марко:
„Ты послушай, мать моя родная!

(*) Баязета.

„Затворяй пораньше ты ворота,
„Попозднѣе отворяй ихъ утромъ,
„Потому что я затѣялъ ссору
„Съ тѣмъ проклятымъ Миной изъ Ко-[стура:
„И боюся, мать моя родная,
„Какъ бы дворъ нашъ Мина не разграбилъ."
И пошелъ въ Стамбулъ Кралевичъ Марко,
Вмѣстѣ съ нимъ и Голубанъ. Какъ были
На ночлегѣ третьемъ, сѣлъ за ужинъ
Королевичъ Марко; за трапезой
Голубанъ вино ему подноситъ.
Марко взялъ своей рукою чашу,
Чашу взялъ, да вдругъ ему вздремнулось,
И упала чаша на трапезу;
Но вина не пролилось ни капли.
Голубанъ тихонько будитъ Марка:
„Господинъ мой, Марко Королевичъ!
„Сколько разъ мы на войну ходили,
„Ты ни разу не дремалъ, какъ нынѣ,
„И изъ рукъ не выпускалъ ты чаши."
Пробудился отъ дремоты Марко
И слугѣ на это отвѣчаетъ:
„Голубанъ мой вѣрный! Чуть вздремнулъ я,
„Чуть вздремнулъ, а сонъ увидѣлъ чудный,
„Чудный сонъ, и въ часъ-то необычный:
„Отъ Костура поднялася туча
„И нависла надъ моимъ Прилепомъ;
„Врагъ мой Мина былъ въ той темной тучѣ.
„Онъ въ Прилепѣ весь мой дворъ ограбилъ,
„Все ограбилъ и огнемъ разрушилъ.
„Мать старуху растопталъ конями,
„Взялъ въ рабыни вѣрную супругу;
„Всѣхъ коней онъ вывелъ изъ конюшенъ,
„Все добро расхитилъ изъ амбаровъ."
Отвѣчаетъ Голубанъ на это:
„Не страшися, Королевичъ Марко!
„Всякій сонъ юнаку на удачу.
„Сонъ вѣдь ложь, а истина у Бога."—
Какъ пріѣхалъ Марко къ Паязету,
Царь повелъ войска изъ Цареграда.
Паязетъ повелъ за море войско
На окрайну лютую арапов.
Взялъ у моря городовъ онъ много,
Городовъ взялъ сорокъ и четыре.
Подступаетъ онъ къ Кара-Окану.
Осаждаетъ онъ Оканъ три года,
Но не можетъ онъ взять Окана силой.
Марко рубитъ головы арапов
И къ султану на бакшишъ приноситъ. (*)
Оскорбились, обозлились турки
И царю про Марка говорили:
„Царь султанъ нашъ, Паязетъ владыка!
„Не юнакъ вѣдь Марко Королевичъ:
„Отсѣкаетъ головы у мертвыхъ
„И тебѣ ихъ на бакшишъ приноситъ."
Какъ узналъ про эти слухи Марко,
Говоритъ онъ началъ Паязету:
„Царь-султанъ, отецъ ты мнѣ по Богу!
„Буду завтра праздновать я славу—
„Красно имя, свѣтлый день Егорьевъ.
„Отпусти теперь меня изъ стана,
„Чтобы могъ отпраздновать я славу,
„Какъ обычай нашъ велитъ и вѣра.
„Отпусти со мной и побратима
„Алилъ-агу вмѣстѣ выпить чашу."
Паязетъ не могъ иначе сдѣлать,—
Отпустилъ онъ Кралевича Марка,
Что бъ свою отпраздновалъ онъ славу;
Отпустилъ и Алилъ-агу съ Маркомъ.
Держитъ Марко путь въ зелены горы,
Далеко отъ лагеря султана.
Тамъ разбилъ себѣ шатеръ онъ бѣлый;
Подъ шатромъ вино онъ распиваетъ
Вмѣстѣ съ Алилъ-агой побратимомъ.—
А какъ утро ясное настало,
Увидали арапиновъ стражи,
Что въ турецкомъ станѣ нѣту Марка,—
Закричали арапины стражи:
„Навалитесь, лютые арапы!
„Нѣтъ межъ турокъ страшнаго юнака
„На конѣ и пестромъ и огромномъ."
И побили тридцать тысячъ турокъ.

(*) Бакшишъ, нѣчто въ родѣ нашего «на водку,» или «на чай.»

Паязетъ письмо шлетъ Марку въ горы:
„Воротись скорѣе, сынъ мой Марко!
„Тридцать тысячъ потерялъ я войска.“
Но султану отвѣчаетъ Марко:
„Не могу теперь я возвратиться:
„Не успѣлъ еще вина я выпить,
„А не только что святого славить.“
Только утро ясное настало,
Закричали арапины-стражи:
„Навалитесь, лютые арапы!
„Нѣтъ межъ турокъ страшнаго юнака
„На конѣ и пестромъ и огромномъ.“
И напали лютые арапы,
Шестьдесятъ побили тысячъ турокъ.
Снова пишетъ царь въ зелены горы:
„Сынъ мой, Марко, воротись скорѣе!
„Шестьдесятъ ужъ тысячъ храброй рати
„Перебили лютые арапы.“
Отвѣчаетъ Паязету Марко:
„Царь поотчимъ, не могу вернуться!
„Я еще не вдоволь нагулялся
„Съ кумовьями, милыми друзьями.“—
А какъ утро третье наступало,
Закричали стражники, какъ прежде:
„Навалитесь, лютые арапы:
„Нѣтъ межъ турокъ храбраго юнака
„На конѣ и пестромъ и огромномъ.“
Навалились лютые арапы
И сто тысячъ турокъ порубили.
Въ третій разъ султанъ шлетъ къ Марку
въ горы:
„Приходи ко мнѣ скорѣе, Марко!
„Приходи скорѣе, сынъ по Богу!
„Мой шатеръ арапы подрубили.“
Сѣлъ тутъ Марко на коня Шарина
И поѣхалъ въ лагерь Паязета.
А какъ утро ясное настало
И сраженье началося снова,
Тотчасъ стражи узнавали Марка
И кричали въ войскѣ арапиновъ:
„Отступите, лютые арапы!
„Вонъ межъ турокъ тотъ юнакъ могучій
„На конѣ своемъ большомъ и пестромъ.“
И напалъ на арапиновъ Марко,
На три части разогналъ ихъ войско:
Часть одну посѣкъ своею саблей,
А другую потопталъ Шариномъ;
Третью часть пригналъ онъ Паязету.
Но и Марко люто былъ израненъ:
Семьдесятъ зіяло ранъ кровавыхъ,—
Нанесли ихъ лютые арапы;
И на грудь упалъ онъ къ Паязету.
Паязетъ сталъ спрашивать у Марка:
„Сынъ по Богу, Марко Королевичъ!
„Эти раны у тебя смертельны?
„Перенесть ты можешь эти раны?
„Поискать врачей мнѣ и лѣкарства?“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Царь-султанъ, поотчимъ мой по Богу!
„Не смертельны раны отъ араповъ;
„Полѣчи меня, и буду здравымъ.“
Опустилъ султанъ въ карманы руку,
Взялъ оттуда тысячу дукатовъ,
Отдаетъ ихъ Марку на лѣченье;
Двухъ рабовъ еще онъ посылаетъ,
Чтобъ слѣдили—живъ ли храбрый Марко.
Но лѣчиться Марко и недумалъ:
Изъ корчмы одной въ другую ходитъ,
Ищетъ Марко—гдѣ вина побольше.
Много выпилъ онъ вина, и раны
Заросли у Кралевича Марка.
Тутъ письмо онъ получилъ изъ дому,
Что въ Прилепѣ дворъ его разграбленъ:
Весь разграбленъ и огнемъ разрушенъ,
Мать его раздавлена конями,
А жена въ рабыни взята Миной.
Сталъ тутъ горько жаловаться Марко
Предъ султаномъ, у его колѣна:
„Государь, поотчимъ мой по Богу!
„Бѣлый дворъ мой весь разграбленъ Ми-
„Взята въ рабство вѣрная супруга, [ной,
„Мать моя растоптана конями,
„И богатства въ кладовыхъ не стало.
„Все то сдѣлалъ Мина изъ Костура.“
Утѣшаетъ Марка царь турецкій:
„Не печалься, Марко, сынъ по Богу!
„Пусть въ огнѣ дворы твои сгорѣли,
„Я другіе прикажу построить

„Для тебя съ моими въ рядъ дворцами;
„И твои моихъ не будутъ хуже.
„Если все добро твое украли,
„Сдѣлаю за то тебя я агой:
„Будешь подать собирать съ народа,
„И сберешь добра себѣ ты больше,
„Чѣмъ имѣлъ до Минина набѣга.
„Пусть жена твоя въ рабыни взята,
„Вѣдь ты можешь на другой жениться."
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Честь-хвала тебѣ, поотчимъ въ Богѣ!
„Если дворъ ты для меня построишь,
„Будутъ клясть меня за то сироты:
„«Плутъ негодный Королевичъ Марко!
„«У него дворы одни сгорѣли,—
„«Пусть же эти пусты остаются.»
„Если агой-сборщикомъ я буду,
„То нельзя собрать съ народа дани,
„Не связавши нища и убога;
„Снова будутъ проклинать сироты:
„«Плутъ негодный Марко Королевичъ!
„«У него разграблено богатство,—
„«Пусть же это въ прокъ ему не будетъ.»
„Ты женить меня вторично хочешь,
„А жена-то первая вѣдь жива.
„Дай мнѣ лучше триста янычаровъ,
„Одѣливъ кривыми ихъ ножами (*)
„Да еще мотыками: къ Костуру
„Я пойду жену отнять у Мины."
И султанъ далъ Марку янычаровъ,
Снарядивъ кривыми ихъ ножами
Да еще мотыками. И Марко
Отдаетъ приказъ своей дружинѣ:
„Дорогіе братья, янычары!
„Вы идите къ бѣлому Костуру.
„Какъ придете вы туда, то станутъ
„Говорить между собою греки:
„«Это все поденщики, вотъ счастье!
„«По цѣнѣ дешевой мы наймемъ ихъ,
„«Убирать нашъ виноградъ зеленый.»
„Наниматься вы не смѣйте къ грекамъ.
„У Костура бѣлаго заляжьте
„И вино лишь пейте тамъ съ ракіей
„До поры, когда я къ вамъ прибуду."
Отправлялись триста янычаровъ,
Отправлялись къ бѣлому Костуру.
Марко жъ путь держалъ къ горѣ Аѳон-
Причастился, каяся сердечно, [ской,
Каясь въ томъ, что пролилъ много крови:
Тамъ надѣлъ монашеское платье,
Отростилъ онъ бороду по поясъ
И покрылся шапкой камилавкой.
Сѣлъ потомъ онъ на коня Шарина
И поѣхалъ къ бѣлому Костуру.
Вотъ къ двору онъ Мины подъѣзжаетъ.
Тотъ сидитъ и пьетъ вино изъ чаши.
Минѣ служитъ Маркова супруга.
И у Марка спрашиваетъ Мина:
„Богъ на помощь, черный калугеринъ! (*)
„Гдѣ досталъ коня себѣ такого?"
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Богъ на помощь, господинъ нашъ Мина!
„Быть случилось мнѣ въ турецкомъ войскѣ,
„На окраинѣ арапиновъ лютыхъ.
„Былъ какой-то глупый тамъ дѣтина
„По прозванью Марко Королевичъ.
„Онъ погибъ отъ лютыхъ арапиновъ.
„Самъ я Марка схоронилъ въ могилѣ,
„Какъ велитъ обычай и законы.
„На поминъ души его достался
„Пестрый конь мнѣ Кралевича Марка."
Какъ услышалъ эти рѣчи Мина,
Всталъ онъ съ мѣста радый и веселый,
Молвилъ Марку: „Браво, калугеринъ!
„Цѣлыхъ девять лѣтъ я дожидался,
„Чтобъ такія вѣсти мнѣ услышать.
„Самъ дворы я Марковы разграбилъ,
„Ихъ разграбилъ и огнемъ разрушилъ,
„Взялъ въ рабыни Маркову супругу.
„Только съ нею я еще не вѣнчанъ:
„Ожидалъ, пока погибнетъ Марко.
„Обвѣнчаешь ты меня сегодня."
Взялъ тутъ книги Марко Королевичъ,
Въ руки взялъ ихъ и вѣнчаетъ Мину,—
Онъ вѣнчаетъ со своей женою!

(*) Кривые ножи, употребляемые для ухода за виноградниками.

(*) Калугеринъ—монахъ.

А потомъ они за столъ садились
Пить вино, на свадьбѣ веселиться.
Говоритъ своей супругѣ Мина:
„Другъ Елица, и душа и сердце!
„Ты доселѣ Марковицей (*) звалась,
„А теперь ты Минина супруга.
„Ты въ амбаръ, душа моя, отправься,
„Принеси три кучи мнѣ дукатовъ—
„Подарить хочу я калугера."
И въ амбаръ Елица отправлялась
И взяла три кучи тамъ дукатовъ:
Не взяла она дукатовъ Мины,
А изъ тѣхъ, что грабилъ онъ у Марка.
Принесла еще она и саблю,
Отдаетъ ту саблю калугеру:
„Вотъ тебѣ все это, калугеринъ,
„На поминъ по Кралевичу Марку."
Марко взялъ заржавѣвшую саблю,
На нее глядитъ и молвитъ Минѣ:
„Господинъ нашъ Мина отъ Костура!
„Ты позволишь на своемъ весельѣ
„Поплясать, какъ пляшутъ калугеры?"
Отвѣчаетъ Мина: „Отчего же?
„Можно вдоволь, черный калугеринъ."
Быстро Марко сталъ на легки ноги,
Повернулся такъ два-три онъ раза,
Что хоромы Мины задрожали.
Тутъ изъ ноженъ вынулъ саблю Марко,
Онъ махнулъ налѣво справа саблей,—
И слетѣла голова у Мины.
Янычаровъ зычно кликнулъ Марко:
„Навалися, вѣрная дружина!
„Нѣтъ ужъ больше Мины изъ Костура!"
Навалились триста янычаровъ,
Все они разграбили у Мины,
А ограбивъ дворъ, огнемъ спалили.
Марко взялъ съ собой свою Елицу
Да богатства Мины; и обратно
Онъ въ Прилепъ свой бѣлый вовратился,
По дорогѣ пѣсни распѣвая.

(*) Марковица—жана Марка, какъ у насъ Иваниха—жена Ивана.

41. Марко и двѣнадцать араповъ.

Разбивалъ шатеръ Кралевичъ Марко
На границѣ арапиновъ лютыхъ;
И сидитъ, вино онъ попиваетъ.
Не успѣлъ онъ выпить первой чаши,
Какъ вбѣгаетъ дѣвушка—рабыня
Подъ шатеръ къ нему и, горько плача,
Заклинаетъ быть ей побратимомъ:
„Братъ по Богу, Марко Королевичъ,
„И Его Крестителю Ивану!
„Защити меня отъ арапиновъ:
„У троихъ въ рукахъ уже была я;
„Хочетъ взять теперь меня четвертый.
„А вѣдь ихъ двѣнадцать арапиновъ.
„Не берутъ они меня работать,
„А тройною плетью принуждаютъ,
„Чтобы ихъ въ лицо я цѣловала.
„И глядѣть-то мнѣ на нихъ противно,
„А не только съ ними цѣловаться."
Взялъ за руки бѣдную рабыню,
У колѣнъ ее сажаетъ Марко.
Пестрый плащъ свой ей надѣлъ на плечи
И съ виномъ даетъ ей въ руки чашу:
„Подкрѣпись виномъ, сестра; не бойся:
„Вотъ тебя и солнце обогрѣло,
„Какъ въ шатеръ пришла мой отъ ара-
Лишь взяла рабыня чашу Марка [пов."
И надъ ней склонилась, чтобы выпить,
Какъ сюда арапы подоспѣли
На коняхъ своихъ арапскихъ быстрыхъ.
Стали Марка поносить арапы:
„Негодяй ты, Королевичъ Марко!
„Или царь затѣмъ тебя поставилъ,
„Чтобъ у насъ ты отнималъ служанокъ!"
Но смѣясь имъ отвѣчаетъ Марко:
„По здорову отъ меня ступайте,
„Не хочу души грѣшить я вами."
Осердчали лютые арапы,
Всѣ двѣнадцать выхватили сабли
И шатеръ на Марка повалили,
Подрубивши саблями канаты.
Палъ шатеръ на сокола и Шарца,
Да на знамя Марково съ крестами.

Какъ увидѣлъ Королевичъ Марко,
Что шатеръ арапы повалили,
Запылалъ онъ, какъ живое пламя.
Поднимался онъ на легки ноги
И садился на коня Шарина,
Позади жъ себя садилъ рабыню,
Прикрѣпивши поясомъ три раза,
А въ четвертый—перевязью сабли.
Вынулъ Марко кованую саблю
И погналъ двѣнадцать арапиновъ.
Не сѣчетъ ихъ онъ по горлу саблей,
А сѣчетъ по поясу ихъ Марко,—
Съ одного тутъ дѣлается двое:
И изъ тѣхъ двѣнадцати араповъ
Сдѣлалъ Марко двадцать и четыре.
И помчался онъ по чисту полю,
Какъ звѣзда падучая по небу.
Пріѣзжаетъ онъ въ Прилепъ свой бѣлый
Прямо въ дворъ къ старухѣ Евросимѣ.
Говоритъ онъ матери-старухѣ:
„Евросима, матушка родная!
„Ты меня кормила и питала.
„Вотъ моя по Богу посестрима:
„Какъ меня, люби ее, родная,
„Выдай замужъ, какъ родное чадо,
„Чтобы мы друзьями не скудѣли.“
И ее хранила Евросима,
А потомъ и замужъ выдавала
Въ городъ Рудникъ, въ хату Диздарича,—
Девять снохъ прихожихъ тамъ ихъ было.
И оттуда часто къ Марку въ гости
Приходили и зятья и снохи:
За родныхъ своихъ считалъ ихъ Марко,
Съ ними вмѣстѣ распивая чашу.

---

42. Марко и дочь Арапскаго короля.

Говорила мать старуха Марку:
„Что съ тобою, дорогой мой Марко!
„Что такъ много задужбинъ ты строишь?
„Или Богу согрѣшилъ ты тяжко?
„Иль добро тебѣ досталось даромъ?“
Отвѣчаетъ Евросимѣ Марко:
„Мать моя, скажу тебѣ всю правду.
„Мнѣ случилось быть въ землѣ арапской.
„И пошелъ я утромъ на колодецъ,
„Чтобъ водою напоить Шарина.
„Подхожу съ конемъ я къ водоему,
„А ужъ тамъ двѣнадцать арапиновъ.
„Я хотѣлъ безъ очереди Шарца
„Напоить водою ключевою.
„Но арапы не даютъ воды мнѣ.
„Началася между нами ссора.
„Отвязалъ свою я топузину
„И ударилъ чернаго арапа;
„На меня жъ одинадцать напало.
„Я другаго—на меня десятокъ;
„Я троихъ убилъ араповъ,—девять
„Нападаютъ на меня; четыре
„Я убилъ, а восемь нападаютъ.
„Пятый палъ, а семь остались живы.
„Я убилъ шестого, шесть араповъ
„Нападаютъ на меня. И эти
„Шесть араповъ мною завладѣли:
„Закрутили мнѣ за плечи руки
„И свели меня къ арапу—кралю;
„Посадилъ меня король въ темницу.
„Цѣлыхъ семь лѣтъ я сидѣлъ въ темницѣ
„И не зналъ,—когда приходитъ лѣто,
„И не зналъ, когда зима наступитъ.
„Только вотъ какъ могъ я догадаться:
„Какъ порой, въ снѣжки рѣзвясь, дѣвицы
„Снѣгу комъ ко мнѣ въ тюрьму бросали,
„Узнавалъ я, что зима стояла;
„А когда они цвѣты бросали—
„Васильки,—стояло, значитъ, лѣто.
„Вотъ и годъ восьмой ужъ наступаетъ.
„Не тюрьма моя мнѣ надоѣла,
„Досадила дѣвушка арапка,
„Дочка краля надъ землей арапской,
„Приходя и вечеромъ и утромъ.
„Говоритъ она мнѣ разъ въ окошко:
„«Не томись въ темницѣ, бѣдный Марко!
„«Поклянись лишь мнѣ своею вѣрой,
„«Что возьмешь меня себѣ женою:
„«Изъ темницы я тебя избавлю,

„«Уведу и Шарца изъ подвала,
„«Захвачу и золотыхъ дукатовъ
„«Сколько хочешь, дорогой мой Марко.»
„Что я сдѣлалъ, сдѣлалъ по неволѣ...
„Снялъ я шапку, бросилъ на колѣни,
„Да и сталъ я этой шапкѣ клясться:
„«Видитъ Богъ, тебя я не оставлю,
„«Видитъ Богъ, измѣны не увидишь...
„«Лжетъ порой и ясное намъ солнце,—
„«Намъ зимой не грѣетъ, какъ и лѣтомъ...
„«Но своей я клятвы не нарушу.»
„Этой клятвѣ вѣритъ дочка краля,
„Вѣритъ, будто ей самой клянуся.
„Только ночь спустилась надъ землею,
„Отворяла дверь она темницы
„И меня оттуда выводила,
„Выводила Шарца изъ конюшни
„Да себѣ коня, получше Шарца;
„Два мѣшка взяла съ собой дукатовъ
„И дала мнѣ кованую саблю.
„Мы усѣлись на коней и вмѣстѣ
„Убѣжали изъ земли арапской.
„Засіяло солнце на востокѣ;
„Отдохнуть я на землю усѣлся.
„Сѣла рядомъ дѣвушка арапка,
„Обняла меня рукою черной.
„На арапку, мать моя, взглянулъ я:
„Вся черна она, а зубы бѣлы.
„Такъ на сердцѣ стало мнѣ противно...
„Изъ ноженъ свою я саблю вынулъ
„И ударилъ дѣвушку арапку,
„Гдѣ былъ поясъ шелковый повязанъ:
„Сабля въ землю врѣзалась съ размаху.
„Ухватилъ я своего Шарина...
„Говоритъ мнѣ голова арапки:
„«Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„«Не покинь меня одну, мой милый!»
„Погрѣшилъ я вотъ чѣмъ передъ Богомъ!
„Много денегъ мнѣ тогда досталось.
„Вотъ зачѣмъ я строю задужбины.“ (*)

(*) Задужбина—церковь на поминъ души.

48. Марко Королевичъ и Арапинъ.

Строитъ башню въ этажей двѣнадцать
Арапинъ у края синя моря.
Какъ ту башню Арапинъ построилъ,
Вставилъ стекла онъ въ окошки башни,
Все украсилъ бархатомъ и шелкомъ
И такія рѣчи молвилъ башнѣ:
„Что стоишь пустой ты у приморья?
„По тебѣ ходить никто не будетъ:
„Ни сестры, ни матери не знаю,
„И до сей поры я не женился,—
„По тебѣ жена гулять не можетъ.
„Не рожденъ я матерью, родился
„Отъ кобылы я лихой, арапской.
„Дай-ка стану сватать я царевну:
„Пусть султанъ ее отдастъ мнѣ въ жены,
„Иль со мной на поединкѣ бьется.“
Какъ сказалъ Арапъ такія рѣчи,
Онъ письмо сейчасъ писать садился,—
И въ Стамбулъ послалъ письмо къ султану:
„Господинъ, Стамбула царь! Построилъ
„Я большую башню у приморья,
„Да гулять кому же въ той башнѣ?
„Я до сей поры вѣдь не женатый.
„Выдай дочку за меня ты замужъ.
„Если жъ ты отдать ее не хочешь,
„То иди со мной на поединокъ.“
Получилъ султанъ письмо Арапа;
Какъ прочелъ его, и сталъ повсюду
Онъ искать, кто бъ могъ съ Арапомъ биться,
Обѣщая дать тому подарки,
Кто Арапа одолѣетъ въ битвѣ.
И юнаковъ много выходило
На приморье съ Арапиномъ биться;
Но назадъ никто не воротился.
И царю теперь бѣда большая:
Съ Арапиномъ некому сразиться,
Одолѣлъ онъ всѣхъ на поединкѣ.
Но бѣда была еще не въ этомъ.
Поднимался черный Арапининъ
Изъ приморья, изъ высокой башни;
Онъ надѣлъ господскую одежду,

Припоясалъ кованую саблю,
Снарядилъ онъ сѣрую кобылу:
Семь подпругъ онъ затянулъ, уздечкой
Золотою зауздалъ кобылу,
Привязалъ къ сѣдлу шатеръ походный
И привѣсилъ сбоку топузину.
Арапинъ садился на кобылу,
Положилъ копье свое на плечи
И поѣхалъ къ бѣлому Стамбулу.
Какъ подъѣхалъ къ воротамъ Стамбула,
У воротъ копье воткнувши въ землю,
За копье онъ привязалъ кобылу
И разбилъ походную палатку.
Наложилъ Арапъ на городъ подать:
По одной овцѣ ему на ужинъ
Да еще по печи бѣла хлѣба; (*)
Каждый день одинъ ушатъ ракіи,
А вина на сутки два ушата
Да еще по дѣвушкѣ-невѣстѣ,
Чтобъ вино Арапу наливала:
Ночью ей лицо Арапъ цѣлуетъ,
А на утро продаетъ за деньги
Въ край чужой—въ Италію въ рабыни.
Вотъ уже три мѣсяца проходитъ.
Но бѣда была еще не въ этомъ.
Сѣлъ Арапъ на быструю кобылу
И поѣхалъ чрезъ Стамбулъ широкій.
Какъ подъѣхалъ ко дворцу султана,
Закричалъ своимъ онъ бѣлымъ горломъ:
„Царь султанъ, веди сюда невѣсту!“
Взялъ Арапъ тяжелый шестоперецъ
И колотитъ по стѣнамъ султанскимъ,—
Во дворцѣ разбилъ всѣ стекла въ окнахъ.
Царь султанъ въ такой бѣдѣ великой
Порѣшилъ отдать Арапу дочку.
Сѣлъ Арапъ и говоритъ о свадьбѣ:
„Свадьба будетъ черезъ дней пятнадцать,
„Какъ успѣю я сходить въ приморье,
„Приготовить къ свадьбѣ все, какъ надо.“
Сѣлъ Арапъ на быструю кобылу
И поѣхалъ въ ровное приморье,
Чтобъ собрать себѣ нарядныхъ сватовъ.
Какъ узнала дочь царя о свадьбѣ,

(*) Сколько печется сразу въ печи.

Завопила, какъ пищитъ змѣенышъ:
„Горе мнѣ, о Господи мой Боже!
„Для того ль красу я сберегала,
„Чтобы быть Араповой женою!..“
Наступила ночка надъ землею.
Сонъ приснился госпожѣ царицѣ:
Говоритъ ей человѣкъ какой-то:
„Есть, царица, въ вашемъ государствѣ
„Чисто поле—Косово широко;
„Градъ Прилепъ стоитъ на этомъ полѣ,
„А въ Прилепѣ проживаетъ Марко.
„Слухъ идетъ, что онъ юнакъ могучій.
„Ты пиши ко Кралевичу Марку,
„Называй его о Богѣ сыномъ,
„Обѣщай ему казны безъ счета,—
„Пусть отыметъ у Арапа дочку.“
Засіяло ясно солнце въ небѣ;
Вставъ съ постели, быстро побѣжала
Разсказать царица сонъ свой мужу.
Какъ султанъ услышалъ эти рѣчи,
Сѣлъ сейчасъ писать фирманъ султанскій,—
И въ Прилепъ фирманъ тотъ посылаетъ
На колѣни къ Кралевичу Марку:
„Сынъ мой въ Богѣ, Марко Королевичъ!
„Приходи въ Стамбулъ ко мнѣ скорѣе,
„Погуби проклятаго Арапа,—
„Дамъ тебѣ за то три воза денегъ.“
Принесли фирманъ султанскій къ Марку.
Прочитавъ его, промолвилъ Марко
Къ посланцу—татарину султана:
„Уходи назадъ, татаринъ, съ Богомъ
„И скажи поотчиму султану:
„Арапинъ въ бою юнакъ могучій;
„Если съ плечъ главу мою онъ сниметъ,
„Для чего тогда мнѣ и подарки?“
И въ Стамбулъ татаринъ возвратился,
Передалъ Султану рѣчи Марка.
Какъ о томъ царица услыхала,
За письмо она другое сѣла:
„Сынъ по Богу, Марко Королевичъ!
„Арапину дочь мою не выдай:
„Дамъ за это пять возовъ я денегъ.“
Получилъ письмо султанши Марко,

Прочиталъ его и отвѣчаетъ
Почтарю—татарину царицы:
„Возвратись назадъ, почтарь татаринъ!
„Такъ скажи ты матери царицѣ:
„Я не смѣю на Арапа выйти:
„Арапинъ въ бою юнакъ могучій;
„Можетъ снять мнѣ голову онъ въ битвѣ.
„Голову свою люблю я больше
„Всей казны султана-государя."
Возвратившись передалъ татаринъ
Эти рѣчи Марковы султаншѣ.
Какъ о томъ узнала дочь султана,
Поднялась она на легки ноги,—
Доставала перья и бумагу
И, перо въ лицо себѣ вонаивши,
Алой кровью Марку написала:
„Братъ по Богу, Марко Королевичъ!
„Заклинаю Богомъ—будь мнѣ братомъ!
„Будь мнѣ кумомъ—Богомъ заклинаю
„И Его святымъ Иваномъ вашимъ:
„Не отдай меня Арапу злому.
„Дамъ тебѣ за это семь подарковъ:
„Всѣ они не прядены, не тканы,—
„Всѣ они изъ золота литые.
„Дамъ тебѣ я столъ литой изъ злата,
„На столѣ—изъ злата змѣй плетеный
„Поднимаетъ голову высоко,
„Дорогой въ зубахъ онъ держитъ камень,—
„Свѣтитъ камень: ужинать и въ полночь
„Передъ камнемъ можно, словно въ пол-
„Дамъ тебѣ я кованую саблю, [день;
„Три златыхъ на саблѣ рукоятки,
„А на каждой драгоцѣнный камень
„(Стоитъ сабля три султанскихъ града);
„Дамъ тебѣ еще печать султана,—
„И визирь казнить тебя не въ правѣ,
„Не спросившись прежде у султана."
Послала письмо царевна къ Марку.
Прочитавъ письмо, промолвилъ Марко:
„Горе мнѣ, царевна—посестрима!
„Вѣдь бѣда—итти мнѣ, срамъ—остаться.
„Не боюся я царя съ царицей,
„А боюся Господа лишь Бога
„И Его Крестителя Ивана.
„Я пойду сразиться съ Арапиномъ,
„Хоть не знаю, возвращусь ли съ бою."
Отослалъ онъ почтаря обратно,
Не сказавъ—чтобъ ждали, иль не ждали.
Самъ поднялся онъ къ себѣ на башню
И надѣлъ походную одежду:
Онъ надѣлъ на плечи волчью шубу,
На главу надѣлъ онъ волчью шапку,
Препоясалъ кованую саблю
И съ собою взялъ копье стальное;
Шелъ въ конюшню къ своему Шарину
И семью подпругами сѣдельце
Подтянулъ на немъ, да нацѣдивши
Мѣхъ виномъ—его подвѣсилъ справа,
А топузъ къ сѣдлу подвѣсилъ слѣва,
Чтобъ сѣдло его держалось прямо;
Сѣлъ на Шарца и въ Стамбулъ поѣхалъ.
Какъ въ Стамбулѣ былъ онъ, не поѣхалъ
Ни къ султану, ни къ его визирю,
А въ корчму онъ новую поѣхалъ
И въ корчмѣ—остановился на ночь.
Въ полночь всталъ онъ и повелъ Шарина
Напоить на озерѣ водою.
Но не пьетъ воды холодной Шарецъ,
Вкругъ себя онъ часто поглядаетъ:
Чуетъ Шарецъ—кто-то ходитъ близко.
То подходитъ дѣвушка-турчанка,
Золотымъ платкомъ лицо скрывая.
Какъ прищла она къ водѣ холодной,
Поклонилась озеру глубоку
И такія рѣчи говорила:
„Богъ на помощь, озеро глубоко!
„Будешь ты мнѣ вѣчное жилище,
„Вѣковать свой вѣкъ въ тебѣ я буду:
„За тебя я лучше выйду замужъ,
„За тебя пойду, не за Арапа."
Къ ней подходитъ Марко Королевичъ:
„Госпожа ты, дѣвушка-турчанка!
„Ты зачѣмъ пришла сюда на берегъ?
„Утонуть знать въ озерѣ ты хочешь?
„Что за горе у тебя такое?"
Отвѣчаетъ дѣвушка-турчанка:
„Прочь иди ты, дервишъ-оборванецъ!

„Что за польза спрашивать напрасно,
„Если мнѣ помочь въ бѣдѣ не можешь?“
И ему турчанка разсказала,
Отчего она топиться хочетъ:
„Наконецъ о Маркѣ мнѣ сказали
„(Онъ живетъ въ Прилепѣ, бѣломъ градѣ)
„Говорили мнѣ о Маркѣ: можетъ
„Одолѣть въ бою онъ Арапина.
„И я Марка братомъ называла,
„Называла кумомъ по Ивану
„И подарковъ много обѣщала.
„Но напрасно: не пріѣхалъ Марко,
„Пусть своей онъ матери не видитъ!“
Говоритъ ей Марко Королевичъ:
„Не кляни меня, сестра по Богу!
„Королевичъ Марко—предъ тобою.“
Услыхавши эту вѣсть, турчанка
Обвила руками шею Марка:
„Братъ по Богу, Марко Королевичъ,
„Не отдай меня Арапу злому!“
Ей на это Марко отвѣчаетъ:
„Посестрима, дѣвушка турчанка!
„Живъ пока я и пока ношу я
„На плечахъ главу мою—клянуся—
„Не отдамъ тебя я Арапину.
„Обо мнѣ ты—никому ни слова;
„Лишь скажи отцу—царю съ царицей,
„Чтобы мнѣ поужинать прислали,
„Пусть вина лишь больше приготовятъ;
„Я въ корчмѣ остановился новой.
„Какъ Арапъ со сватами вернется,
„Вы его въ дворцѣ встрѣчайте съ честью,
„И тебя пусть отдадутъ Арапу.
„Не хочу въ дворцѣ затѣять ссору,
„Отниму тебя въ другомъ я мѣстѣ,
„Если Богъ поможетъ мнѣ и счастье.“
И пошелъ въ корчму съ Шариномъ Марко,
А царевна въ свой дворецъ султанскій,
Разсказала тамъ царю съ царицей,
Что ей Марко нынче повстрѣчался.
Какъ услышалъ это царь съ царицей,—
Приказали ужинъ приготовить
Да вина червленаго побольше,—
И въ корчму послали это къ Марку.
Лишь усѣлся Марко выпить чашу,
Стали двери затворять въ Стамбулѣ.
Вотъ пришелъ корчмарь и хочетъ двери
Затворить въ корчмѣ. Промолвилъ Марко:
„Что ты рано затворяешь двери?“
Говоритъ корчмарь: „Юнакъ нездѣшній!
„Арапинъ засваталъ у султана
„Дочь его, царю на срамъ великій.
„Нынче въ ночь онъ будетъ за невѣстой.
„И отъ страха предъ Арапомъ, рано
„Мы сегодня двери закрываемъ.“
Не позволилъ Марко Королевичъ
Дверь закрыть, чтобъ видѣть Арапина
И его нарядныхъ черныхъ сватовъ.
Зашумѣло надъ Стамбуломъ бѣлымъ,—
Это ѣдетъ Арапинъ къ султану
На своей арабской кобылицѣ
И при немъ пятьсотъ нарядныхъ сватовъ,
И всѣ сваты—черные арапы:
Старый сватъ—арапъ, арапъ и деверь,
И женихъ арапъ, верхомъ онъ мчится,—
Изъ подъ ногъ кобылы брызжутъ камни,
Разбиваютъ и корчмы и лавки.
Какъ Арапъ съ корчмою поровнялся,
Поглядѣлъ и молвитъ: „Что за чудо!
„Всѣ въ Стамбулѣ двери позакрыты,
„Все отъ страха предо мной, Арапомъ.
„Только здѣсь въ корчмѣ открыты двери.
„Можетъ быть, души живой здѣсь нѣту,
„Иль живетъ здѣсь глупый, неразумный,
„И, меня не зная, не боится.“
Арапинъ пришелъ къ дворцу Султана.
Вотъ и ночь прошла; настало утро.
Вывелъ царь свою невѣсту дочку,
Выносилъ приданое: двѣнадцать
Наложилъ возовъ Арапъ подарковъ;
И поѣхалъ Арапинъ обратно
Со своею свитой и съ невѣстой.
Поровнялись съ новою корчмою,—
И опять въ корчмѣ открыты двери.
Разогналъ Арапъ свою кобылу
Поглядѣть, что тамъ въ корчмѣ: то Мар-
Посединѣ онъ корчмы усѣлся, [ко,—
Пьетъ вино, да пьетъ его не чашей,

А лоханью ровно въ окъ двѣнадцать,
Половину самъ онъ пьетъ, а другую
Отдаетъ Шарину. Захотѣлось
Завязать Арапу съ Маркомъ ссору;
Только Шарецъ у воротъ привязанъ,
Не даетъ проѣхать Арапину:
По бокамъ кобылу бьетъ копытомъ.
Повернулъ Арапъ свою кобылу
И поѣхалъ площадью Стамбульской.
Тутъ поднялся Марко Королевичъ,
Надѣвалъ онъ шубу на изнанку,
Вывернулъ свою онъ волчью шапку,
Подтянулъ подпруги на Шаринѣ,
Подвязалъ свой мѣхъ съ виномъ направо,
А топузъ къ сѣдлу привѣсилъ слѣва,—
Чтобъ сѣдло его не покривилось,
Въ руки взялъ копье свое стальное
И, усѣвшись на спину Шарину,
Онъ погналъ его впередъ на площадь.
Какъ настигъ Арапа сватовъ Марко,
Съ ними тотчасъ затѣвалъ онъ ссору.
Прямо Шарецъ мчится межъ сватами.
Какъ доѣхалъ Марко до невѣсты,
Онъ убилъ и деверя и кума.
Голоса доходятъ до Арапа:
„Арапинъ—женихъ, намъ злая встрѣча!
„Разогналъ юнакъ какой-то сватовъ...
„Не таковъ, какъ кони, конь юнака:
„Словно быкъ, онъ пестрый; а юнакъ-то
„Не таковъ, какъ прочіе юнаки:
„На плечахъ юнака волчья шуба,
„На главѣ надѣта волчья шапка,
„Держитъ что-то черное зубами—
„Будто то полгодовый ягненокъ.
„Какъ подъѣхалъ, и затѣялъ ссору.
„Разогналъ твоихъ нарядныхъ сватовъ,
„Да убилъ и деверя и кума.“
Повернулъ Арапъ свою кобылу,
И промолвилъ: „Витязь незнакомый!
„Кой же чертъ наслалъ тебя сегодня
„Разогнать моихъ нарядныхъ сватовъ
„И убить мнѣ деверя и кума?
„Или глупъ ты, ничего не знаешь?
„Надоѣло ль жить тебѣ на свѣтѣ?
„Вотъ клянусь тебѣ своей вѣрой:
„Затянувъ узду своей кобылы,
„Чрезъ тебя семь разъ я перепрыгну—
„Семь туда, да семь же разъ обратно—
„И главу срублю тебѣ съ размаху.“
Отвѣчаетъ Марко Королевичъ:
„Да не ври же, Арапинъ проклятый!
„Если Богъ даруетъ мнѣ и счастье,
„До меня ты доскакать не сможешь,
„А куда тебѣ ужъ перепрыгнуть!“
Поглядѣли бъ вы на Арапина!
Затянувъ уздечку и кобылу
Подъ бока ударивъ стременами,
Онъ хотѣлъ перескочить черезъ Марка.
Да не дался борзый Марковъ Шарецъ:
Приподнялся на ногахъ онъ заднихъ
И кобылу борзую Арапа
Повстрѣчалъ передними ногами
Да схватилъ ее за ухо зубомъ,—
Вся кобыла облилася кровью.
Было тутъ на что полюбоваться,
Какъ юнакъ ударилъ на юнака!
Арапинъ на Марка нападаетъ,
Но не можетъ погубить онъ Марка,
Да и самъ онъ Марку не дается,—
Только сабли звякаютъ юнаковъ.
Такъ они часа четыре бились.
Какъ увидѣлъ Арапинъ, что Марко
Одолѣетъ въ битвѣ,—кобылицу
Повернулъ и чрезъ Стамбулъ помчался.
За Арапомъ вслѣдъ погнался Марко.
Быстро мчится легкая кобыла,
Быстро мчится, какъ лѣсная вила;
Отставать сталъ Шарецъ отъ кобылы.
Вспомнилъ Марко тутъ про топузину,
И махнулъ онъ ею; угодила
Топузина между плечъ Арапу.
Палъ Арапъ; на землю прыгнулъ Марко,
Отрубилъ главу Арапу саблей,
Взялъ его кобылу и обратно
Возвратился на базаръ Стамбульскій.
Никого изъ сватовъ на базарѣ!
Лишь стоитъ красавица невѣста
И при ней добра возовъ двѣнадцать—

Это все приданое невѣсты.
Взялъ невѣсту Марко Королевичъ
И отвелъ ее въ дворецъ къ султану;
Говорилъ царю такія рѣчи:
„Царь-султанъ, вотъ дочь твоя царевна,
„А вотъ это—голова Арапа;
„Вотъ добро—приданое невѣсты.“
Повернулъ онъ своего Шарина
И въ Прилепъ свой бѣлый возвратился.
А какъ утро ясное настало,
Снарядилъ султанъ подарки Марку—
Семь возовъ, а дѣвушка-невѣста
Отъ себя послала семь подарковъ—
Всѣ они не прядены, не тканы,
Всѣ они изъ золота литые;
Посылала столъ литой изъ злата,
На столѣ—изъ злата змѣй плетеный
Поднимаетъ голову высоко,
Дорогой въ зубахъ онъ держитъ камень:
Свѣтитъ камень,—ужинать и въ полночь
Передъ камнемъ можно, будто въ полдень;
Посылала кованую саблю,
Три златыхъ на саблѣ рукоятки,
А на каждой драгоцѣнный камень,
А межъ нихъ печать царя султана.
Означаетъ та печать: не можетъ
И визирь казнить юнака смертью,
Не спросившись прежде у султана.
Это все султанъ отправилъ Марку:
„Вотъ отъ насъ тебѣ подарки, Марко.
„А какъ деньги поистратишь, снова
„Приходи ко мнѣ, мой сынъ по Богу.“

---

44. Марко и Муса разбойникъ.

Пьетъ вино въ корчмѣ въ Стамбулѣ Муса.
Какъ вина довольно Муса выпилъ,
Сталъ онъ пьяный говорить съ собою:
„Вотъ ужъ девять лѣтъ, какъ я на служ-
„Здѣсь въ Стамбулѣ у царя султана; [бѣ
„Но себѣ не выслужилъ оружья,
„Ни доламы—ужъ не то что новой,
„Даже старой. Вотъ клянуся вѣрой:
„Я отправлюсь въ ровное приморье,
„Переправы захвачу у моря
„И дороги около приморья;
„Башню тамъ высокую построю,
„А у башни крючья изъ желѣза:
„Буду вѣшать я на нихъ прохожихъ.“
Что сказалъ тогда напившись Муса,
Отрезвившись это все и сдѣлалъ:
Онъ поѣхалъ въ ровное приморье,
Захватилъ у моря переправы,
Захватилъ дороги у приморья,
Гдѣ провозятъ подати султану,—
Въ годъ возовъ по триста возятъ денегъ.
Взялъ себѣ добро все это Муса.
Онъ построилъ башню на приморьѣ,
А на башнѣ крючья изъ желѣза,
И на крючьяхъ вѣшаетъ прохожихъ.
Досадилъ царю султану Муса.
Шлетъ Султанъ Чуприлича визиря
И солдатъ три тысячи на Мусу.
Какъ пришли они въ приморье, Муса
Разогналъ все войско по приморью,
Захватилъ Чуприлича визиря;
Закрутилъ ему веревкой руки
И послалъ его въ Стамбулъ къ султану.
Сталъ Султанъ искать бойцовъ на Мусу,
Обѣщая денегъ дать немало,
Кто погубить Мусу-Арбанаса.
Только кто въ походъ ходилъ на Мусу,
Ужъ въ Стамбулъ не возвращался снова.
Глубоко султанъ былъ опечаленъ.
Говоритъ Чуприличъ тутъ султану;
„Господинъ, владыка надъ Стамбуломъ!
„Будь въ Стамбулѣ Марко Королевичъ,
„Погубилъ бы онъ навѣрно Мусу.“
Поглядѣлъ султанъ на воеводу
И заплакалъ горькими слезами:
„Отойди, Чуприличъ воевода!
„Что о Маркѣ мнѣ напоминаешь?
„Даже кости Марковы истлѣли!
„Вотъ теперь прошло уже три года,
„Какъ велѣлъ его въ тюрьму я бросить.
„Съ той поры тюрьма не открывалась.“
Говоритъ султану такъ Чуприличъ:
„Что ты дашь тому, султанъ владыка,

„Кто живымъ тебѣ доставитъ Марка?“
Говоритъ султанъ: „Тому визирство
„Я на девять лѣтъ дарую въ Боснѣ,
„Не возьму съ него и гроша дани.“
Быстро всталъ Чуприличъ воевода,
Отворилъ тюрьмы проклятой двери,
Вывелъ Марка изъ тюрьмы глубокой
И привелъ его къ царю султану.
Волоса косой сплелись у Марка,
До земли коса его доходитъ,
А ногтями могъ пахать бы Марко.
Изнемогъ онъ въ каменной темницѣ,
Почернѣло тѣло, словно камень.
Царь промолвилъ Кралевичу Марку:
„Ты въ живыхъ, иль мертвый, храбрый Марко?“—
—„Живъ я, царь да только обезсилѣлъ.“
Сталъ султанъ разсказывать про Мусу,
Все, что сдѣлалъ онъ въ приморьѣ ров-
А потомъ и спрашиваетъ Марка: [номъ;
„Можешь, Марко, ты итти въ приморье
„И сразиться съ Мусой Арбанасомъ?
„Сколько хочешь дамъ тебѣ я денегъ.“
Отвѣчаетъ Марко Королевичъ:
„Не могу я, Богъ тому порукой!
„Мгла темницы силу всю посъѣла.
„Не могу я и глазами видѣть,
„Какъ же мнѣ на поединокъ выйти?
„Помѣсти меня въ корму на отдыхъ,
„Дай вина мнѣ въ волю и ракіи,
„Отпусти баранины и хлѣба.
„Какъ поправлюсь, я тогда отвѣчу,—
„Буду ль въ силахъ съ Мусою сразиться.“
Царь троихъ цирюльниковъ сзываетъ;
Первый моетъ, а другой ужъ бреетъ,
Третій ногти Марковы срѣзаетъ.
Помѣстилъ въ корчму султанъ юнака,
Далъ ему вина съ ракіей въ волю,
Отпустилъ баранины и хлѣба.
Такъ прошлю три мѣсяца. И къ Марку
Стали снова возвращаться силы.
Царь у Марка спрашиваетъ: „Можешь
„Ты теперь сразиться съ Арбанасомъ?
„Досадили очень мнѣ сироты,
„На насилье жалуяся Мусы.“
Отвѣчаетъ Марко Королевичъ:
„Дай мнѣ въ руки дерево сухое,
„Что въ лѣсу ужъ девять лѣтъ стояло:
„Погляжу—что сталося со мною?“
Принесли ему сухое древо.
Сжалъ его рукою правой Марко:
Затрещало дерево сухое,
Разломилось на двѣ, на три части,
Только все жъ воды не показалось.
—„Нѣтъ султанъ, не въ силахъ я сразить-
Черезъ мѣсяцъ сталъ сильнѣе Марко. [ся.“
Принесли ему сухое древо.
Сжалъ его рукою правой Марко:
Затрещало дерево сухое,
Расломилось на двѣ, на три части
И воды двѣ капли испустило.
Тутъ сказалъ царю султану Марко:
„Я могу теперь сразиться съ Мусой.“
И пошелъ онъ къ кузнецу Новаку:
„Сдѣлай мнѣ, Новакъ, такую саблю,
„Чтобъ была получше всѣхъ, что дѣлалъ.“
Далъ Новаку тридцать онъ дукатовъ
И къ корчмѣ направился съ Шариномъ.
Пьетъ вино въ корчмѣ онъ дня четыре,
А потомъ идетъ опять къ Новаку:
„Что, Новакъ, сковалъ мнѣ остру саблю?“
Тутъ къ нему Новакъ выноситъ саблю.
У Новака спрашиваетъ Марко:
„Хороша ли сабля эта будетъ?“
Говоритъ Новакъ ему на это:
„Предъ тобою наковальня, Марко,
„Объ нее ты и испробуй саблю.“
Взялъ рукою правой саблю Марко,
Въ наковальню саблею ударилъ:
Пополамъ она разсѣлась сразу.
Вопрошаетъ Марко у Новака:
„Мнѣ скажи по совѣсти: сковалъ ли
„Ты кому получше этой сабли?“
Говоритъ ему Новакъ на это:
„Вотъ клянуся, Королевичъ Марко!
„Я одну сковалъ получше этой,—
„Лучше саблю—лучшему юнаку:
„Какъ собирался Муса на приморье,

„Для него сковалъ тогда я саблю;
„Какъ ударилъ въ наковальню Муса,
„Всю колоду раздробилъ на щепки.“
Разлютился Королевичъ Марко,
Говоритъ Новаку: „Дай мнѣ руку,
„Заплачу тебѣ за остру саблю.“
Протянулъ Новакъ десницу Марку:
Размахнулся Марко острой саблей,
До плеча отсѣкъ Новаку руку:
„Вотъ тебѣ, Новакъ—кузнецъ, награда.
„Больше сабель ужъ ковать не будешь.
„Вотъ возьми себѣ дукатовъ сотню,
„Чтобы было, чѣмъ тебѣ кормиться.“
Далъ Новаку Марко сто дукатовъ,
Сѣлъ на Шарца и поѣхалъ къ морю.
Ѣдетъ Марко и отъ всѣхъ про Мусу
На дорогѣ собираетъ вѣсти.
Только утро въ небѣ засіяло,
Встрѣтилъ Марко Мусу у Клисура.
Ѣдетъ Муса на конѣ ретивомъ,
Свой топузъ подъ облако бросаетъ
И его опять рукою ловитъ.
Какъ юнаки встрѣтили другъ друга,
Молвилъ Мусѣ Марко Королевичъ:
„Храбрый Муса, поверни съ дороги,
„Дай дорогу, иль сними мнѣ шапку.“
Отвѣчаетъ Муса Арбанасинъ:
„Проѣзжай впередъ безъ ссоры, Марко;
„Иль слѣзай съ коня и вмѣстѣ будемъ
„Пить вино. Но не сверну съ дороги.
„Родила тебя вѣдь королева
„Во свѣтлицѣ на постели мягкой,
„Завернула въ шелковыя ткани,
„Повивала золотымъ свивальнемъ
„И питала сахаромъ да медомъ.
„Я жъ рожденъ лихой Арнауткой
„На плоту, на рѣчкѣ, подлѣ стада.
„Мать моя плащемъ меня покрыла,
„Пеленала дикою лозою
„И питала кашею овсяной,
„Да при этомъ часто заклинала,
„Чтобъ во вѣки я пути-дороги
„Не давалъ на этомъ бѣломъ свѣтѣ.“
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Онъ копье между ушей Шарина
Бросилъ прямо въ грудь юнака Мусы.
Но копье топузомъ принялъ Муса,
Чрезъ себя далеко перебросилъ.
Вынималъ копье стальное Муса
И пустилъ имъ въ Кралевича Марка.
Но копье топузомъ принялъ Марко,
И копье сломалось на три части.
Тутъ за сабли взялися юнаки
И напали храбро другъ на друга.
Замахнулся острой саблей Марко,
Но подставилъ буздованъ свой Муса,—
На три части разлетѣлась сабля.
Вынулъ Муса кованую саблю,
Замахнулся саблею на Марка;
Но подставилъ Марко топузину,—
Изломалась подлѣ рукоятки
Остра сабля Мусы Арбанасы.
За топузы взялися юнаки,
Стали ими ударять другъ друга.
У топузовъ перья обломались.
Побросали ихъ въ траву юнаки,
Спрыгнули съ коней своихъ юнацкихъ,
Стали биться на травѣ зеленой;
Нападаетъ витязь на другого—
Храбрый Муса на героя Марка:
Одолѣть не можетъ Марко Мусу,
Да и Муса Марка не осилитъ.
Такъ они съ утра до полдня бьются.
Показалась на устахъ у Мусы
Отъ натуги тяжкой бѣла пѣна,
А у Марка—бѣла пѣна съ кровью.
Говоритъ тутъ Муса: „Ну-ка, Марко,
„Ты махни меня, авось повалишь.“
Размахнулся Марко, да не въ силахъ
Подъ себя свалить юнака Мусу.
Размахнулся Муса Арбанасинъ,
Повалилъ на лугъ зеленый Марка
И на груди Марковы усѣлся.
Завопилъ тутъ Марко Королевичъ:
„Гдѣ теперь ты, вила посестрима?
„Гдѣ теперь ты, будь тебѣ неладно?
„Или ты мнѣ поклялася ложно,
„Что придешь сейчасъ же мнѣ на помощь,

„Какъ бѣда со мною приключится?“
Съ облаковъ въ отвѣтъ на это вила:
„Побратимъ мой, Королевичъ Марко!
„Не тебѣ-ль я, бѣдный, говорила,
„Чтобъ ни съ кѣмъ не бился въ воскресенье?
„Срамъ большой двоимъ съ однимъ сражаться.
„А теперь змѣя вѣдь есть съ тобою?“ (*)
Поднялъ Муса голову, чтобъ вилу
Посестриму Маркову увидѣть.
Въ это время Марко ножъ свой вынулъ
И ударилъ Мусу имъ: до горла
Распоролъ отъ пояса онъ Мусу.
Мертвый Муса Марка такъ притиснулъ,
Что едва освободился Марко.
Повернулъ на спину Марко Мусу,—
Вотъ такъ диво! три у Мусы сердца,
Трое реберъ, поверхъ другъ надъ другомъ!
Умерло одно ужъ сердце Мусы,
А другое сильно разыгралось;
А на третьемъ спить змѣя лютая.
Какъ змѣя проснулась, мертвый Муса
Самъ собою по землѣ запрыгалъ,
А змѣя проговорила: „Марко!
„Вѣчно Бога ты моли, что спала
„Я въ то время, какъ въ живыхъ былъ Муса:
„Триста бѣдъ тебѣ тогда бы было.“
Какъ увидѣлъ Королевичъ Марко
Это все, то пролилъ горьки слезы:
„Горе мнѣ, о Господи мой Боже!
„Тотъ погибъ, кто былъ меня сильнѣе.“
Острой саблей Королевичъ Марко
Отрубилъ главу юнаку Мусѣ,
Положилъ главу въ мѣшокъ дорожный
И поѣхалъ къ бѣлому Стамбулу.
Какъ въ Стамбулѣ онъ къ царю пріѣхалъ,
Бросилъ Мусы голову султану.
Привскочилъ на мѣстѣ царь отъ страха.
Говоритъ царю-султану Марко:
„Не страшись, не бойся, господинъ нашъ.
„Какъ же бы съ живымъ ты повстрѣчался,
„Если мертвой головы боишься?“

(*) Вила намекаетъ на ножъ.

* * *

Далъ султанъ добра три воза Марку.
Марко въ бѣлый свой Прилепъ поѣхалъ.
Оставался Мусы трупъ безглавый,
Оставался тлѣть у Качаника.

---

45. Марко Королевичъ и Темо Бердянинъ.

Славитъ славу Королевичъ Марко,
Въ Юрьевъ день онъ празднуетъ святому.
Пригласилъ къ себѣ гостей онъ много:
Іереевъ двѣсти, да монаховъ
Цѣлые три сотни, да двѣнадцать
Надъ землею сербской архиереевъ,
Да четыре старца патріарха.
Остальнымъ гостямъ ужъ нѣтъ и счета.
Много въ домѣ Марка угощенья,—
И вина, и кушанья, и хлѣба.
Да одинъ замѣтилъ старецъ Марку:
„Хорошо ты, Марко, славу славишь,
„И всего довольно за трапезой;
„Только нѣтъ лишь рыбы изъ Охрида.“(*)
Сталъ печаленъ Королевичъ Марко.
Подозвалъ слугу онъ Богосава,
Отдаетъ ему вино и чашу:
„Разливай вино, слуга мой вѣрный,
„Подноси гостямъ всѣмъ по порядку,—
„Никого пусть чаша не минуетъ.“
Отъ гостей своихъ уходитъ Марко
И сѣдлаетъ Шарца въ путь-дорогу.
Вслѣдъ за нимъ идетъ и Евросима
И такія рѣчи Марку шепчетъ:
„Сынъ мой Марко, чадо дорогое!
„Не бери оружья, чтобы въ праздникъ
„Кровь людскую не пролить сегодня.“
Тяжекъ былъ запретъ такой для Марка!
Тяжко ѣхать Марку безъ оружья,
Тяжело и мать свою ослушать!
И не взялъ оружья онъ съ собою;
Осѣдлалъ лишь Шарца и уѣхалъ
Черезъ поле къ озеру Охриду.

[*] Озеро.

А какъ былъ онъ на мосту Охридскомъ,
Повстрѣчался съ нимъ юнакъ какой-то:
Къ облакамъ бросаетъ топузину
И, не давъ упасть, рукою ловитъ.
Снялъ онъ шапку Кралевичу Марку;
На привѣтъ ему отвѣтилъ Марко.
И юнакъ тотъ Марка вопрошаетъ:
„Ты скажи мнѣ, незнакомый витязь:
„Можетъ быть идешь ты отъ Прилепа
„И изъ дома Кралевича Марка?“
Отвѣчаетъ Марко незнакомцу:
„Я сегодня только изъ Прилепа;
„Былъ у Марка—празднуетъ онъ славу,
„И гостей къ нему собралось много.“
Отвѣчаетъ незнакомецъ: „Славно!
„Если нынче дастъ мнѣ Богъ и счастье,
„Всѣ столы его въ крови утонутъ,
„Самого же Марка я повѣшу
„На воротахъ бѣлаго Прилепа:
„Отомстить хочу сегодня Марку
„За убійство Мусы побратима.“
И къ Прилепу турокъ путь направилъ.
Марко сталъ, слѣдить за нимъ глазами
И съ собою въ мысляхъ разсуждаетъ:
И открылъ себя бы турку Марко,
Да не взялъ съ собою онъ оружья;
А въ Прилепѣ всѣхъ гостей на славѣ
Перебьетъ и искалѣчитъ турокъ....
Мыслилъ всяко Марко, догадавшись
Кто тотъ турокъ; да и крикнулъ слѣдомъ:
„Воротись, куда ты ѣдешь, Темо?
„Я вѣдь Марко.“ Повернулся турокъ.
Уходить пустился Марко полемъ,
А за нимъ пустился Темо слѣдомъ.
И почти совсѣмъ ушелъ ужъ Шарецъ.
Только вынулъ турокъ топузину
И пустилъ ее за Маркомъ слѣдомъ.
Между плечъ она попала Марку,
И на землю онъ съ коня свалился.
Сѣлъ на Марка турокъ и сначала
Закрутилъ назадъ веревкой руки;
А за тѣмъ досталъ изъ сумки цѣпи:
Въ кандалы забилъ онъ ноги Марка,
Заковалъ и руки; а на шею
Цѣпь надѣлъ, садилъ на Шарца Марка,
Взялъ за поводъ Шарца и къ Охриду
Съ нимъ пошелъ. У города Охрида
Сталъ Бердянинъ висѣлицу строить,
Что бы тамъ на ней повѣсить Марка.
Говорили Тему христіане: (*)
„Заклинаемъ и Христомъ и Богомъ:
„Подъ Охридомъ ты не вѣшай Марка,
„А не то родиться перестанутъ
„Виноградъ и хлѣбъ у насъ въ Охридѣ.
„Вотъ тебѣ за это три подарка:“
Темо взялъ съ Охридянъ дань и съ
Къ Вучитрину городу поѣхалъ. [Маркомъ
Сталъ тамъ Темо висѣлицу строить,
Чтобъ повѣсить Марка. Говорили
Вучетринцы, умоляя Тема:
„И Христомъ и Богомъ заклинаемъ:
„Въ Вучитринѣ ты не вѣшай Марка,
„А не то родиться перестанутъ
„Виноградъ и бѣлая пшеница.
„Вотъ тебѣ за это три подарка.“
Взялъ ту дань себѣ Бердянинъ Темо
И къ Звечану съ Маркомъ путь направилъ.
Сталъ тамъ строить висѣлицу Темо,
Чтобъ повѣсить Марка. Говорили
Христіане города Звечана:
„И Христомъ и Богомъ заклинаемъ:
„Здѣсь не вѣшай Кралевича Марка,
„А не то родиться перестанутъ
„Хлѣбъ у насъ и виноградъ зеленый.
„Вотъ тебѣ за это три подарка.“
Взялъ подарки Темо и оттуда
Подвигался къ Яниной планинѣ.
Захотѣлось пить дорогой Тему,
И онъ сталъ распрашивать у Марка:
„Нѣтъ ли близко здѣсь корчмы? Отъ жажды
„Я совсѣмъ подъ солнцемъ изнываю.“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Если пить юнакъ въ пути захочетъ,
„То, коня иль сокола убивши,
„Можетъ ихъ напиться алой кровью;

(*) Христіанское населеніе города Охрида.

Отвѣчаетъ Темо: „Не хочу я
„Ни коня, ни сокола зарѣзать
„И изъ горла ихъ напиться крови;
„Заколю тебя я, Королевичъ,
„И напьюсь твоей горячей крови."
Взялъ свою онъ кованую саблю
И убить хотѣлъ ужъ ею Марка.
Говоритъ тутъ Марко: „Подожди ты...
„Знаю я корчму неподалеку,
„Тамъ торгуетъ корчмарица Яня.
„Отомститъ теперь она мнѣ люто:
„У нее вина я много выпилъ,
„Но платить не думалъ и динара." (*)
Какъ объ этомъ услыхалъ Бердянинъ,
Путь направилъ онъ къ корчмаркѣ Янѣ.
Повстрѣчать гостей выходитъ Яня.
Увидала связаннаго Марка,
(Незамѣтно Марко подмигнулъ ей)
Засмѣялась, говорила Тему:
„Вотъ юнакъ славнѣйшій изъ юнаковъ!
„Боже правый, честь Тебѣ и слава:
„Довелось въ цѣпяхъ мнѣ видѣть Марка!
„Напою тебя виномъ я, Темо,
„Никакой съ тебя не надо платы,
„Пей вино хоть трое цѣлыхъ сутокъ."
Повела къ себѣ корчмарка Тема,
Поднесла ему вина съ ракіей.
Турокъ пьетъ, надъ Маркомъ посмѣхаясь:
„Славный Марко, за твое здоровье!"
Только чаши Марку не подноситъ.
Захмелѣлъ слегка Бердянинъ Темо.
Въ это время и подноситъ Яня
Съ семилѣтнимъ медомъ чашу турку,
Подложивъ туда тихонько зелья.
Выпилъ Темо, сразу чувствъ лишился.
Тутъ схватила Яня ключъ—и цѣпи
Всѣ на Маркѣ скоро разомкнула,
А на Тему цѣпи наложила.
Какъ ужъ былъ закованъ въ цѣпи Темо,
За вино садилась Яня съ Маркомъ.
Марко пьетъ и бьетъ ногою турка:
„Темо, встань и выпей вмѣстѣ съ нами."
Какъ проснулся Темо и увидѣлъ,
Что закованъ онъ въ стальныя цѣпи,
Марко жъ пьетъ вино съ шинкаркой
Попытался онъ вскочить на ноги, [Яней,
Да не могъ—ужь слишкомъ тяжки цѣпи.
Сталъ руками и ногами Темо
Цѣпи рвать, да силы не хватаетъ—
Были крѣпки кованыя цѣпи.
На землѣ лежитъ закованъ Темо,
За столомъ сидитъ съ шинкаркой Марко,
Пьетъ вино, надъ Темой насмѣхаясь:
„Турокъ Темо, за твое здоровье!"
Только чаши не даетъ онъ Тему.
Отдохнулъ и подкрѣпился Марко,
Сталъ онъ въ путь-дорогу собираться:
На коня онъ Темы сѣлъ, а Тему
Привязалъ къ Шарину и поѣхалъ
Къ Вучитрину со своей добычей.
Говорили Марку христіане:
„Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Удави ты турка въ Вучитринѣ.
„Вотъ тебѣ за это три подарка."
Но не взялъ онъ дани; а обратно
Ту отдалъ, что взялъ у нихъ Бердянинъ;
И поѣхалъ къ городу Звечану.
Тутъ, какъ раньше, Марку говорили:
„Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Ты у насъ повѣсь въ Звечанѣ Тема.
„Вотъ тебѣ за это три подарка."
Но не взялъ онъ дани; а обратно
Ту отдалъ, что взялъ у нихъ Бердянинъ.
Вотъ пришелъ онъ къ бѣлому Охриду;
Христіане повстрѣчали Марка:
„Братъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Ты повѣсь у насъ въ Охридѣ турка.
„Вотъ тебѣ за это три подарка."
Но не взялъ онъ дани; а обратно
Ту отдалъ, что взялъ у нихъ Бердянинъ.
У Охрида висѣлицу строилъ
Королевичъ Марко, и предъ всѣми
Онъ на ней повѣсилъ турка Тема.
А потомъ, поймавъ въ Охридѣ рыбы,
Въ свой Прилепъ обратно возвратился,
Чтобъ съ гостями славить свѣтлый праздникъ.

(*) Динаръ—мелкая монета.

46. Марко уничтожаетъ свадебную пошлину.

Рано утромъ поднимался Марко
И поѣхалъ по Косову полю.
Какъ подъѣхалъ онъ къ рѣкѣ Серванѣ,
Повстрѣчался съ дѣвушкой Косовской:
„Богъ на помощь, Косова дѣвица!“
До земли Косовка поклонилась:
„Будь здоровъ, юнакъ мнѣ незнакомый!“
Сталъ тутъ Марко говорить Косовкѣ:
„Дорогая мнѣ сестра по Богу!
„Молода, сестра, ты и пригожа,
„Строенъ станъ твой, и лицо румяно;
„Лишь коса вредитъ красѣ дѣвичьей:
„Отъ чего, сестра, ты посѣдѣла?
„Знать свое ты счастье потеряла:
„Иль сама ты въ горѣ, иль отецъ твой,
„Или мать твоя въ бѣдѣ великой?“
Пролила Косовка горьки слезы
И такія рѣчи говорила:
„Братъ по Богу, витязь незнакомый!
„Не губила своего я счастья;
„А бѣда стряслася надо мною...
„Девять лѣтъ теперь, какъ изъ за-моря
„Арапинъ заморскій къ намъ пріѣхалъ,
„Взялъ Косово у царя на откупъ.
„Наложилъ на жителей онъ подать,
„Чтобъ его поили и кормили;
„Да другой налогъ: должна невѣста
„Передъ тѣмъ, какъ замужъ выйти,
тридцать
„Золотыхъ дукатовъ дать Арапу,
„А женихъ дать тридцать и четыре.
„У кого нашлося столько денегъ,
„Кто Арапу взнесъ ихъ, тѣ женились,
„Дочки тѣхъ пристроилися къ дому.
„Сирота я, у меня лишь братья,
„Да бѣдны они и Арапину
„Уплатить всей пошлины не могутъ.
„Потому не выхожу я замужъ,
„Не могу пристроиться я къ дому.
„Вотъ какое у меня несчастье—
„Но о томъ еще я не жалѣю,
„Что нельзя невѣстѣ выйти замужъ.
„А юнаку молодцу жениться.
„У меня еще другое горе,—
„Наложилъ Арапъ иную подать:
„Чтобы на ночь дѣвушку съ молодкой
„Приводили каждый разъ къ Арапу;
„Самъ онъ ночью дѣвушку ласкаетъ,
„А его прислуги—молодицу.
„Всѣ подрядъ семейства посылали
„И дѣвицъ и молодицъ къ Арапу.
„А теперь вотъ очередь за мною,
„Чтобъ сегодня я пошла къ Арапу
„И была ему женой сегодня.
„Такъ съ собой я въ мысляхъ разсуждала:
„Боже правый! Какъ и что мнѣ дѣлать?
„Иль теперь въ водѣ мнѣ утопиться,
„А не то повѣситься отъ горя?
„Пусть ужъ лучше нынче я погибну,
„Чѣмъ врагу земли моей отдамся.“
Говоритъ ей Королевичъ Марко:
„Посестрима, дѣвушка Косовка!
„Не шути ты... Не бросайся въ воду.
„Не губи себя своей рукою,
„Не губи грѣхомъ напрасно душу,
„А скажи мнѣ,—гдѣ дворы Арапа?
„Мнѣ сегодня говорить съ нимъ надо.“
Отвѣчаетъ дѣвушка Косовка:
„Братъ по Богу, незнакомый витязь!
„Для чего тебѣ дворы Арапа,
„Для чего спросилъ о нихъ, проклятыхъ?
„Можетъ быть, ты дѣвушку засваталъ
„И идешь взнести Арапу деньги?
„Можетъ быть, у матери одинъ ты?
„А когда тебя Арапъ погубитъ,
„Что тогда старуха будетъ дѣлать?“
Опустилъ въ карманъ свой руку Марко,
Вынулъ тридцать золотыхъ дукатовъ,
Подаетъ ихъ дѣвушкѣ Косовкѣ:
„Вотъ, сестра моя, тебѣ дукаты,
„Воротись обратно въ дворъ свой бѣлый,
„Ожидай своей судьбы-удачи.
„Укажи лишь мнѣ дворы Арапа,—
„За тебя взнесу ему я деньги.
„А губить Арапъ меня не станетъ:

„Я, сестра, имѣю столько денегъ,
„Что могу всю пошлину Арапу
„Уплатить за жителей косовскихъ.
„За себя же какъ не расплатиться?“
Отвѣчаетъ дѣвушка Косовка:
„Не въ дворахъ Арапъ живетъ, въ палат-
„Погляди, юнакъ, вдоль по Косову: [кѣ.
„Видишь—вѣетъ шелковое знамя,
„А вокругъ палатки—дворъ зеленый, (*)
„Головами весь онъ изукрашенъ,—
„То шатеръ проклятаго Арапа.
„Не прошло теперь еще недѣли,
„Какъ посѣкъ Арапъ своею саблей
„Семьдесятъ и семь юнаковъ храбрыхъ,
„Жениховъ съ широкаго Косова.
„У Арапа сорокъ слугъ проворныхъ,
„Предъ шатромъ они стоятъ на стражѣ.“
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Повернулъ Шарина и поѣхалъ
Внизъ по полю Косову широку.
Разлютилъ Шарина храбрый Марко:
Сѣетъ искры конь своимъ копытомъ,
Изъ ноздрей выходитъ синій пламень.
Ѣдетъ Марко лютый по Косову,
Льются слезы по лицу юнака,
И сквозь слезы говоритъ онъ гнѣвно:
„Ой широко ты, Косово поле!
„До чего ты дожило—дождалось,
„Послѣ князя нашего честного: (**)
„Арапинъ теперь тобой владѣетъ!
„Не снесу я горести великой,
„Не могу стерпѣть такого сраму,
„Той неправой пошлины Арапа,
„Чтобъ позорилъ дѣвушекъ и женщинъ!
„Отомщу за всѣхъ за васъ я, братья,
„Отомщу сегодня, иль погибну.“
На шатеръ поѣхалъ прямо Марко.
Говорятъ прислужники Арапу,
Усмотрѣвши Кралевича Марка:
„Господинъ нашъ, Арапинъ заморскій!
„Чудный витязь ѣдетъ по Косову,
„На коню тотъ витязь богатырскомъ;
„Разлютилъ юнакъ коня лихого:
„Сѣетъ искры конь своимъ копытомъ,
„Изъ ноздрей выходитъ синій пламень.
„Тотъ юнакъ напасть на насъ намѣренъ.“
Отвѣчаетъ Арапинъ на это:
„Ой вы дѣти, сорокъ слугъ мнѣ вѣрныхъ!
„Не посмѣетъ онъ на насъ ударить:
„А невѣсту онъ себѣ засваталъ
„И идетъ платить за свадьбу подать.
„Жаль ему съ дукатами разстаться,
„Потому то онъ и разлютился.
„Выходите вы къ воротамъ нашимъ,
„Хорошо юнака повстрѣчайте
„И ему съ почетомъ поклонитесь.
„Помогите слѣзть съ коня юнаку,
„Принимайте лошадь и оружье
„И въ шатеръ его ко мнѣ введите;
„Не хочу я взять съ него дукаты,
„А возьму я голову юнака
„И коня юнацкаго добуду:
„Этотъ конь подъ стать мнѣ будетъ си-
Выходили слуги Арапина, [лой.“
Чтобъ принять коня изъ-подъ юнака;
А какъ ближе увидали Марка,
Подойти къ нему и не посмѣли:
Убѣжали всѣ въ шатеръ Арапа,
За Арапа прячутся, плащами
Покрываютъ сабли, что бы Марко
Не увидѣлъ острыя ихъ сабли.
Самъ на дворъ Арапа въѣхалъ Марко,
Предъ шатромъ сошелъ съ Шарина на-
земь,
Говоритъ ему: „Гуляй, мой Шарецъ,
„Здѣсь въ дворѣ, а я въ шатеръ отправ-
люсь;
„Будь поближе ты къ шатру, у входа:
„Можетъ быть мнѣ скоро будешь нуженъ.“
И вошелъ въ шатеръ Арапа Марко.
Арапинъ сидитъ и пьетъ вино. Арапу
Молодица съ дѣвушкою служатъ.
Говоритъ Арапу Марко: „Здравствуй,
„Помогай тебѣ, Господь, хозяинъ!“
Хорошо ему Арапъ отвѣтилъ:

(*) Дворъ названъ зеленымъ, по всей вѣроятности, потому, что это былъ тынъ.

(**) Послѣ Косовской битвы.

„Будь здоровъ, юнакъ мнѣ незнакомый!
„Сядь, и будемъ пить вино съ тобою,
„А потомъ скажи—зачѣмъ пріѣхалъ."
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Мнѣ не время пить вино съ тобою,
„А съ хорошимъ я къ тебѣ іріѣхалъ—
„Хорошо то, быть не можетъ лучше:
„Я засваталъ дѣвушку-невѣсту.
„Остался сваты на дорогѣ,
„Я жъ пріѣхалъ съ пошлиной за свадьбу—
„Уплатить дукаты за невѣсту,
„Чтобъ въ дорогѣ не было задержки.
„Такъ скажи же,—сколько дать мнѣ
Отвѣчалъ Арапъ на это Марку: [надо?"
„Ты вѣдь самъ, навѣрно, это знаешь:
„Кто невѣсту выдаетъ, тотъ ровно
„Платитъ тридцать золотыхъ дукатовъ;
„Женихи же—тридцать и четыре.
„Вижу я, что ты юнакъ могучій,
„Для тебя пустякъ взнести и сотню."
Опустилъ въ карманъ свой руку Марко
И Арапу бросилъ три дуката:
„Ты повѣрь мнѣ,—больше не имѣю.
„Если хочешь обождать, покуда
„Возвращусь я съ дѣвушкой невѣстой,
„Одарю тебя тогда богато—
„Всѣ отдамъ невѣстины подарки;
„Всѣ дары—тебѣ, а мнѣ невѣста."
Захрипѣлъ, какъ змѣй, Арапъ: „Погаными,—
„Никому изъ васъ я въ долгъ не вѣрю.
„Ты, торгуясь, надо мной смѣешься."
Взялъ Арапъ свой буздованъ тяжелый
И ударилъ Кралевича Марка,
Три-четыре раза онъ ударилъ.
Засмѣялся Марко Королевичъ:
„Ой юначе, Арапинъ ты черный!
„Бьешь взаправду ты меня, иль шутишь?"
Прохрипѣлъ Арапъ змѣею лютой:
„Не шучу, а бью тебя взаправду."
Началъ Марко говорить Арапу:
„Я жъ подумалъ, что со мной ты шутишь;
„А когда ты бьешь меня взаправду,
„То топузъ найдется и со мною,—
„Тѣмъ топузомъ я тебя ударю
„Раза три всего, или четыре:
„Я тебя ударю буздованомъ,
„Сколько разъ и ты меня ударилъ.
„А потомъ пойдемъ со мною въ поле
„И начнемъ нашъ бой юнацкій снова."
Марко взялъ свой буздованъ тяжелый
И ударилъ чернаго Арапа,
Такъ его легко ударилъ Марко,
Что глава Арапа съ плечь слетѣла.
Засмѣялся Королевичъ Марко:
„Боже мой, хвала Тебѣ повсюду!
„Какъ глава Арапова слетѣла!
„Будто раньше былъ онъ безголовый."
Вынулъ Марко кованую саблю,
Порубилъ той саблей слугъ Арапа—
Сорокъ слугъ безъ четырехъ араповъ:
Четырехъ лишь только слугъ оставилъ,
Чтобъ они всю правду разсказали,
Что межъ Маркомъ было и Арапомъ.
Марко главы снялъ съ двора Арапа
И въ землѣ похоронилъ ихъ съ честью,
Чтобъ орелъ ихъ не клевалъ да воронъ.
А украсилъ Марко дворъ Арапа
Головами слугъ его убитыхъ;
Все забралъ себѣ добро Арапа.
Четырехъ же слугъ, что остались,
Разослалъ въ четыре края Марко
По всему по Косову широку,
Чтобъ они повсюду разглашали:
„Если есть гдѣ взрослая дѣвица,
„То пусть ищетъ мужа-господина,
„Пусть выходитъ замужъ, не старѣя.
„Съ сей поры нѣтъ пошлины на свадьбу:
„Уплатилъ ее Кралевичъ Марко."

* * *

Старъ и малый всюду говорили:
„Сохрани, Господь, до вѣка Марка!
„Онъ избавилъ землю отъ насилья,
„Погубилъ онъ нашего тирана.
„Богъ прости его душу и тѣло."

———

47. Охота Марка съ Турками.

На охотѣ былъ любимецъ царскій
Тотъ визирь Муратъ, при немъ былъ Марко
Да еще двѣнадцать храбрыхъ турокъ,
Марко былъ тринадцатымъ по счету.
Но несчастна ихъ была охота,—
Ничего въ три дня имъ не попалось.
И нанесъ на озеро ихъ случай.
Между горъ то озеро лежало,
На водѣ тамъ утица плескалась,
А у утки перья золотыя.
Сокола пустилъ Муратъ на утку,
Что бъ досталъ ее съ воды озерной.
Не далася утка-златоперка,
Поднялась и улетѣла въ небо.
Безъ добычи сѣлъ на елку соколъ.
Говоритъ Мурату-турку Марко:
„Отъ тебя мнѣ будетъ позволенье
„Вслѣдъ за уткой сокола отправить?
„Можетъ быть—мой будетъ посчастли-
И визирь на это отвѣчаетъ: [вѣй."
„Почему жъ не попытаться, Марко?"
И тутъ Марко сокола пускаетъ.
Поднимался онъ высоко къ небу,
Ухватилъ тамъ утку-златоперку
И упалъ съ ней на-землю подъ елку.
Какъ увидѣлъ то Муратовъ соколъ,
Разлютился сердцемъ; а привычка
У него была весьма плохая—
Отнимать добычу у другого.
Полетѣлъ Муратовъ соколъ, началъ
Отнимать у Маркова добычу.
Да упрямецъ сизый соколъ Марка,
Онъ упрямецъ, какъ его хозяинъ.
Онъ не отдалъ утки-златоперки,
А напалъ на сокола Мурата:
Сталъ клевать, выщипывая перья.
Жалко стало сокола Мурату,
Своего любимца: ухватилъ онъ
Забіяку Маркова и сильно
О сырую ель его ударилъ,—
Правое крыло сломилъ у птицы.
Повернулъ коня Муратъ и съ свитой
Поскакалъ отъ Марка черезъ горы.
Какъ змѣя пищитъ въ травѣ и бьется
Марковъ соколъ. Сдѣлалъ перевязку
Своему любимцу Королевичъ
И промолвилъ въ гнѣвѣ на Мурата:
„Тяжко мнѣ съ тобой, мой соколъ сизый,
„Тяжко съ туркомъ быть намъ на охотѣ
„Средь дубравы, да дѣлить неправо."
Какъ окончилъ Марко перевязку,
Сѣлъ на Шарца и горой помчался.
Конь несется, какъ лѣсная вила
Черезъ лѣсъ зеленый, черезъ горы;
И настигъ со свитою Мурата
Тамъ, гдѣ горы черныя кончались.
Поглядѣлъ назадъ Муратъ, увидѣлъ
За собою Кралевича Марка
И такія рѣчи молвилъ свитѣ:
„Дорогія дѣти! Поглядите,—
„Отъ горы идетъ сѣдая туча...
„То не туча,—пыль отъ бѣга Шарца,
„Это ѣдетъ Марко Королевичъ...
„Чуетъ сердце,—быть бѣдѣ сегодня."
Вотъ совсѣмъ ужъ Марко догоняетъ
И Мурата и его юнаковъ;
Побѣжали всѣ они по полю,
Какъ бѣгутъ отъ кобчика вороны.
Но догналъ Мурата въ полѣ Марко
И главу отсѣкъ ему съ размаху.
Изъ его жъ двѣнадцати юнаковъ
Сдѣлалъ Марко двадцать и четыре.
Сталъ тутъ Марко разсуждать и думать:
„Или въ Ѣдренъ путь держать къ султану, (*)
„Иль въ Прилепъ свой бѣлый возвратиться?"
Думалъ долго, наконецъ промолвилъ:
„Лучше въ Ѣдренъ я пойду къ султану,
„Разскажу ему, что здѣсь случилось,—
„Прежде чѣмъ придутъ къ нему и станутъ
„Обвинять меня въ расправѣ турки."
Въ Едренъ Марко пріѣзжалъ и прямо
Отправлялся въ царское жилище.
Помутились злобой очи Марка,

(*) Адріанополь.

Какъ у волка, что голодный рыщетъ;
Марко глянетъ—будто молнья блещетъ.
Говоритъ султанъ ему: „Мой Марко,
„Сынъ по Богу! Что такъ разлютился?
„Ты, быть можетъ, денегъ не имѣешь?“
Сталъ тутъ Марко говорить султану
Объ охотѣ,—какъ тамъ было дѣло.
Громко царь на это разсмѣялся
И такія рѣчи молвилъ Марку:
„Бе аферимъ—браво, сынъ мой храбрый!
„А когда бъ съ Муратомъ такъ не сдѣ-
„То тебя бъ не называлъ я сыномъ. [лалъ,
„Всякій турокъ можетъ быть визиремъ;
„Но какъ ты, другого нѣтъ юнака.“
Опустилъ султанъ въ карманъ свой руку,
Взялъ оттуда тысячу дукатовъ,
Отдаетъ ихъ Кралевичу Марку:
„На, мой сынъ, иди вина напейся.“
Марко взялъ ту тысячу дукатовъ
И ушелъ изъ царскаго жилища.
Далъ султанъ тѣ деньги, что бы злобу
Поразсѣялъ Королевичъ Марко,
Такъ какъ очень Марко разлютился.

---

48. Марко пьетъ въ рамазанъ вино (*)

Сулейманъ указъ султанскій выдалъ,
Чтобъ никто изъ подданныхъ султана
Въ рамазанъ не смѣлъ вина отвѣдать,
Не носилъ зеленой бы доламы,
Ко бедру не прицѣплялъ бы сабли,
Не водилъ бы съ дѣвушками коло.
Марко саблей себя опоясалъ,
Марко носитъ зѣлену доламу,
Въ рамазанъ вино пьетъ храбрый Марко:
Соберетъ онъ ходжей и прохожихъ, (**)
Пьетъ и самъ и имъ вино подноситъ.
Вотъ приходятъ къ Сулейману турки
И на Марка жалобу приносятъ:
„Сулейманъ, отецъ ты, мать ты наша!
„Въ рамазанъ приказъ ты строгій выдалъ,
„Чтобъ вина никто не смѣлъ бы выпить,
„Не носилъ зеленой бы доламы,
„Ко бедру не прицѣплялъ бы сабли,
„Не водилъ бы съ дѣвушками коло.
„Марко водитъ съ дѣвушками коло,
„Марко саблей себя опоясалъ,
„Марко носитъ зѣлену доламу,
„Въ рамазанъ вино пьетъ храбрый Марко.
„Пей одинъ, простить бы можно было:
„Нѣтъ, сбираетъ странниковъ и ходжей,
„Самъ онъ пьетъ и этихъ угощаетъ.“
Какъ услышалъ Сулейманъ тѣ рѣчи,
Двухъ гонцовъ онъ къ Марку посылаетъ:
„Вы идите, молодые слуги,
„И скажите Кралевичу Марку,
„Что султанъ зоветъ его немедля.“
И пошли тѣ вѣстники за Маркомъ.
Вотъ они въ шатеръ его приходятъ.
Пьетъ вино онъ; передъ Маркомъ чаша,—
Окъ двѣпадцать будетъ въ ней навѣрно.
Говорятъ ему гонцы султана:
„Ты послушай, Королевичъ Марко!
„Царь-султанъ послалъ насъ за тобою;
„Ты сейчасъ къ султану отправляйся.“
Разсердился Королевичъ Марко.
Взялъ онъ чашу, что предъ нимъ стояла,
И въ гонцовъ пустилъ тяжелой чашей.
Затрещали головы и чаша,
И вино и кровь тутъ пролилися.
А затѣмъ пошелъ къ султану Марко:
Сѣлъ онъ справа у его колѣна,
На глаза надѣлъ соболью шапку,
Буздованъ передъ собой поставилъ;
На плечѣ у Марка остра сабля.
Говоритъ султанъ такія рѣчи:
„Сынъ по Богу, Королевичъ Марко!
„Знаешь ты,—я сдѣлалъ запрещенье:
„Въ рамазанъ нельзя вина отвѣдать,
„Чтобъ никто не смѣлъ носить доламы,
„Ко бедру не прицѣплялъ бы сабли,
„Не водилъ бы съ дѣвушками коло.
„Вотъ ко мнѣ мои приходятъ слуги
„И худыя вѣсти мнѣ приносятъ:

(*) Рамазанъ—магометанскій постъ.

(**) Ходжи—турецкій священникъ.

„Будто ты играешь въ хороводахъ,
„Прицѣпилъ къ бедру стальную саблю,
„Надѣваешь зѣлену доламу,
„Въ рамазанъ ты пьешь вино, сзывая
„Пить съ собою ходжей и прохожихъ.
„Что ты шапку на брови надвинулъ?
„Притащилъ зачѣмъ свой шестоперецъ?
„На плечѣ зачѣмъ ты держись саблю?“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Сулейманъ, отецъ ты мнѣ по Богу!
„Пью вино я въ рамазанъ турецкій,—
„Такъ моя мнѣ вѣра дозволяетъ;
„Подношу прохожимъ я и ходжамъ,
„Подношу имъ потому, что стыдно
„Одному мнѣ пить, когда другіе
„На меня глядятъ, желая выпить:
„Пусть въ корчму идутъ они за мною.
„Если я ношу свою доламу,
„Такъ я молодъ, и она къ лицу мнѣ;
„Ко бедру вотъ саблю прицѣпилъ я,—
„Самъ ее купилъ вѣдь я за деньги.
„Если я играю въ хороводахъ,—
„Мнѣ вѣдь можно—парню холостому:
„Самъ ты былъ когда-то не женатымъ!
„На глаза свои надвинулъ шапку
„Потому я, что чело пылаетъ,
„Какъ веду я разговоръ съ султаномъ.
„Буздованъ я притащилъ съ собою,
„Передъ собой держу свою я саблю
„Потому,—что опасаюсь ссоры.
„Если жъ только ссора возгорится,
„Будетъ тяжко,—кто всѣхъ ближе къ Марку.“
Поглядѣлъ султанъ кругомъ, чтобъ видѣть,
Кто изъ всѣхъ сидитъ поближе къ Марку:
Никого не видитъ онъ въ палаткѣ,
Сулейманъ сидитъ всѣхъ ближе къ Марку.
Началъ тутъ султанъ отодвигаться,
Придвигаться сталъ къ султану Марко
И прижалъ его къ стѣнѣ палатки.
Опустилъ султанъ въ карманы руку
И досталъ оттуда сто дукатовъ;
Отдаетъ ихъ Кралевичу Марку:
„На, иди вина напейся, Марко.“

49. Турки у Марка на славѣ.

Молитъ Бога Королевичъ Марко,
Каждый годъ усердно Бога молитъ,
Чтобъ свою прославить честно славу—
Красно имя—лѣтняго Егорья,
Что бы турки не пришли на славу.
Вотъ приходитъ свѣтлый день Егорья,
И гостей зоветъ на славу Марко,
Три стола въ дворѣ своемъ готовитъ.
Первый столъ—двѣнадцати владыкамъ,
А другой—гостямъ его почетнымъ,
Третій столъ для нищихъ и убогихъ.
Служитъ самъ на славѣ Королевичъ:
Онъ вино разноситъ архиреямъ,
И гостямъ почетнымъ и убогимъ.
А Елица носитъ угощенье.
Ваистинъ слуга стоитъ на стражѣ,
Что бы, турокъ издали завидѣвъ,
Не пустить на Маркову ихъ славу.
Вотъ идутъ къ двору три царскихъ аги,
Три десятка янычаръ при агахъ.
У воротъ тѣ аги закричали,
Янычары закричали съ ними:
„Эй, невѣрный! отвори ворота!
„Мы желаемъ видѣть, нечистивый,
„Какъ справляетъ красно имя Марко!“
Ваистинъ имъ отвѣчалъ, какъ должно:
„Проходите съ миромъ мимо, турки!
„Я не смѣю отворить ворота:
„Своего боюсь я господина.“
Но слуги не стали слушать турки:
Вынимали тридцать буздованов
И, разбивши Марковы ворота,
По плечамъ и по спинѣ нещадно
Тридцать шесть ударовъ отсчитали
Ваистину вѣрному. Въ палаты,
Не стерпѣвши муки злой, приходитъ
Ваистинъ, роняя горьки слезы.
Ваистина вопрошаетъ Марко:
„Ваистинъ мой, чадо дорогое!
„Что ты горько слезы проливаешь?
„Ѣсть ты хочешь, иль томишься жаждой?
„Ѣсть ты хочешь,—сядь и ѣшь съ гостями;

„Вотъ вино, когда томишься жаждой.
„Лишь не плачь, не лей ты слезъ горючихъ,
„Не позорь мой праздникъ, красну славу."
Отвѣчаетъ Ваистинъ на это:
„Господинъ мой, Королевичъ Марко!
„Я не жажду, мнѣ не надо пищи,
„А сейчасъ меня постигло горе
„У воротъ твоихъ господскихъ, Марко.
„Ты послалъ меня стоять на стражѣ,
„Чтобы видѣть, кто идетъ на славу.
„Вотъ идутъ къ двору три царскихъ аги,
„Янычаръ при агахъ три десятка.
„Закричали разомъ громко турки:
„«Эй, невѣрный, отвори ворота!
„«Мы желаемъ видѣть, нечестивый,
„«Какъ справляетъ красно имя Марко.»
„Я на это отвѣчалъ, какъ должно:
„«Проходите съ миромъ мимо, турки!
„«Я не смѣю отворить ворота:
„«Своего боюсь я господина.»
„Но меня не стали слушать турки:
„Вынимали тридцать буздованъ
„И ворота разбивали ими;
„По плечамъ потомъ мнѣ отсчитали
„Тридцать шесть ударовъ буздованомъ."
Какъ услышалъ эти рѣчи Марко,
Взялъ свою онъ саблю съ буздованомъ,
Предъ гостями сталъ своими клясться:
„Слушайте, мои честные гости!
„Не рожденъ я матерью моею,
„Именитой госпожой царицей,
„Если нашъ Прилепъ я не украшу,—
„И не розой и не васильками,
„А украшу головами турокъ."
Только стала заклинать тутъ Марка
Евросима, мать его царица:
„Такъ не дѣлай, чадо дорогое."
(Обнажаетъ грудь свою старуха)
„Чтобъ трудовъ, ночей моихъ безсонныхъ
„Не кляли, не проклинали люди.
„Проливать не смѣй сегодня крови,—
„У тебя сегодня красно имя:
„Кто бы въ дворъ къ намъ не пришелъ
„Напои его и накорми ты [сегодня,
„Въ честь своихъ родителей, и вмѣстѣ
„За свое здоровье и Елицы."
И послушалъ Марко Евросиму.
Онъ повѣсилъ саблю, буздованъ же
При себѣ оставилъ. Той порою
Къ Марку въ домъ идутъ толпою турки;
Какъ вошли, и за столы усѣлись.
Говоритъ тутъ Королевичъ Марко:
„Ваистинъ, неси вино имъ въ чашахъ;
„Подноси, Елица, угощенье."
И вино слуга подноситъ туркамъ,
А Елица имъ несетъ закуски.
Стали турки ѣсть и пить. Какъ вволю
Подкрѣпились, стали межъ собою
По турецки говорить другъ другу:
„Эй друзья, пора и въ путь—дорогу!
„Какъ бы пища намъ не стала въ горлѣ."
Было въ мысляхъ турокъ, что не знаетъ
Королевичъ Марко по турецки.
Но служилъ за моремъ Королевичъ
У царя турецкаго въ Сиріи,
Онъ семь лѣтъ служилъ въ землѣ турец-
По турецки говорилъ свободно, [кой,
Будто былъ рожденъ самой турчанкой.
Понялъ Марко разговоры турокъ
И сказалъ имъ: „Ѣшьте, пейте вдоволь;
„Ваистину только уплатите,
„Что бы могъ отъ ранъ онъ излѣчиться.
„А когда платить вы не хотите,
„Я вамъ дамъ по одному удару,—
„Буздованомъ каждаго ударю.
„Буздованъ мой легокъ: въ немъ вѣдь только—
„Сорокъ оковъ твердаго желѣза,
„Двадцать оковъ серебра литого
„И шесть оковъ выжженнаго злата—
„Шестьдесятъ шесть оковъ вѣсу будетъ.(*)
„Вы того вѣдь сами заслужили:
„Разломали вы мои ворота,
„Да къ тому же тридцать шесть ударовъ
„Понапрасну дали Ваистину."
Затряслись какъ въ лихорадкѣ турки

(*) Око=2¾ ф.; буздованъ Марка вѣсилъ болѣе трехъ пудовъ.

Передъ страшнымъ буздованомъ Марка:
По двѣнадцать вынули дукатовъ,
По тринадцать аги вынимали,
Клали въ полу Марковой доламы,
Чтобы только безъ бѣды убраться.
Но бѣда оставить ихъ не хочетъ:
Отъ вина разгорячился Марко
И на ссору вызываетъ турокъ:
„Сядьте, турки, за столы и пейте!
„Но тому платите, кто подноситъ
„Угощенье: вѣдь моя Елица
„Замарала шелковое платье,
„Поднося вамъ пищу за трапезой.“
А у турокъ горе и большое:
Не хватило тутъ у многихъ денегъ;
Другъ у друга въ долгъ они просили.
Каждый турокъ девять взялъ дукатовъ,
Взяли аги ровно по двѣнадцать,
Клали въ полу Марковой доламы.
Опустилъ въ карманъ свой деньги Марко.
Напѣвая пѣсни выходилъ онъ
Къ Евросимѣ, матери старухѣ:
„Евросима, мать моя родная!
„Эти деньги отобралъ отъ турокъ
„Не затѣмъ я, что нуждаюсь въ деньгахъ,—
„Но что бъ всюду говорили, пѣли,
„Что я сдѣлалъ съ турками сегодня.“
Со двора пошли заплакавъ турки,
По турецки говоря другъ другу:
„Пусть накажетъ Богъ того изъ турокъ,
„Кто захочетъ въ домъ итти къ невѣрнымъ,
„Поглядѣть—какъ славятъ красно имя!
„Заплатили за одинъ обѣдъ мы,
„Что на цѣлый годъ бы намъ хватило.“

---

50. Марко пашетъ землю.

Пьетъ вино съ старухой Евросимой—
Матерью своей—Кралевичъ Марко.
А какъ оба подкрѣпили силы,
Стала Марку говорить старуха:
„Сынъ мой милый, Королевичъ Марко!
„Ты оставь поѣздки и походы,
„Вѣдь отъ зла добра не много будетъ.
„Да и я, старуха, утомилась
„Мыть твои кровавыя рубашки.
„Ты возьми-ка плугъ съ волами, Марко,
„Да паши и горы и долины,
„Засѣвай ихъ бѣлою пшеницей;
„Тѣмъ и будемъ мы съ тобой кормиться.“
И послушалъ Евросиму Марко:
Взялъ онъ плугъ съ надежными волами;
Но не пашетъ горы и долины,
Пашетъ Марко царскую дорогу.
По дорогѣ ѣдутъ янычары
И везутъ съ собой три воза денегъ.
Говорятъ они съ укоромъ Марку:
„Эй, ты, Марко, не паши дорогу!“
—„Эй вы, турки, не топчите пашню!“
—„Эй, ты, Марко! Не паши дорогу!“
—„Эй вы, турки, не топчите пашню!“
Досадили Марку янычары:
Онъ схватилъ воловъ и плугъ и ими
Положилъ всѣхъ турокъ здѣсь на мѣстѣ.
Взялъ себѣ три воза денегъ Марко
И отнесъ ихъ къ матери старухѣ:
„Это все я выпахалъ сегодня.“

---

51. Женитьба Поповича Стояна.

Сватаетъ Стоянъ себѣ невѣсту
Королевну, дочку Михаила
Короля латинскаго Млетака.
Помѣнялся перстнемъ онъ съ невѣстой
И о днѣ уговорился свадьбы:
Свадьбѣ быть, какъ онъ назадъ вернется,
Приведетъ съ собой нарядныхъ сватовъ.
И покуда сватался Поповичъ,
Онъ добра три воза поистратилъ;
А своимъ свояченицамъ съ тещей
Раздарилъ онъ тысячу дукатовъ.
Говорилъ Стояну краль прощаясь:
„Нареченный зять, Стоянъ-Поповичъ!
„Не бери себѣ сватами сербовъ—
„Вѣдь всѣ сербы пьяницы лихіе,
„Да къ тому жъ охотники до ссоры:

„Какъ напьются, и затѣютъ драку.
„Не хочу я, чтобъ въ моемъ Млетакѣ
„Между нами вышло несогласье.
„Приводи съ собой болгаръ да грековъ."
Эти рѣчи слышитъ королева:
Поглядѣла на Стояна-зятя,
Поглядѣла да и усмѣхнулась.
Изъ дворца на дворъ Поповичъ вышелъ
И къ себѣ дорогою поѣхалъ.
Догоняетъ на пути Стояна
Съ грамотой посолъ отъ королевы:
„Нареченный зять, Стоянъ Поповичъ!
„Не бери ты ни болгаръ, ни грековъ:
„Приводи съ собой однихъ лишь сербовъ.
„Вѣдь латинцы изстари коварны.
„Ожидай на этотъ разъ обмана."
Прочиталъ Стоянъ письмо отъ тещи,
И оно ему запало въ душу.
Съ этой думой онъ домой пріѣхалъ.
Повстрѣчать Стояна мать выходитъ;
Обнимаетъ сына и цѣлуетъ,
Сынъ же ей цѣлуетъ бѣлу руку.
Мать-старуха спрашиваетъ сына:
„Дорогой мой сынъ, Стоянъ Поповичъ!
„Все ль было въ пути благополучно?
„Мнѣ сноху засваталъ молодую,—
„Мнѣ сноху, себѣ жену по сердцу?"
Отвѣчаетъ матери Поповичъ:
„Было все въ пути благополучно,
„И тебѣ я, мать, сноху засваталъ,
„Для тебя сноху, себѣ супругу.
„Поистратилъ я добра три воза
„Да истратилъ тысячу дукатовъ
„На подарки тещѣ съ дочерями.
„А когда я съ королемъ прощался,
„Попросилъ меня не брать онъ сербовъ,—
„Взять съ собою лишь болгаръ и грековъ.
„Да письмо я получилъ въ дорогѣ:
„Пишетъ теща тайно мнѣ отъ мужа,
„Чтобъ съ собою приводилъ я сербовъ.
„Посовѣтуй, мать моя родная,
„Какъ мнѣ быть теперь, кого послушать—
„Короля ли, или королеву?"
Говоритъ Стояну мать-старуха:
„Сынъ мой милый, ты послушай тещу:
„Вѣдь латинцы изстари коварны.
„Приглашай себѣ вѣнчальнымъ кумомъ
„Короля Будимскаго, а сватомъ—
„Старымъ сватомъ Младушича Вука,
„Воеводой—Сабиняна Янка,
„А чаушемъ—крылатицу Релю, (*)
„Милоша зови знаменоносцемъ,
„Деверемъ же—Кралевича Марка,
„Остальныхъ гостей—кого захочешь,—
„И тебѣ страшна не будетъ ссора."
Матери послушался Поповичъ:
Онъ въ четыре края шлетъ посланья,
Все нарядныхъ сватовъ приглашаетъ.
Тысячу собралъ себѣ онъ сватовъ.
Въ кумовья звалъ краля изъ Будима,
Старымъ сватомъ Младушича Вука,
Воеводой—Сабиняна Янка,
А чаушемъ Крылатицу Релю.
Милоша позвалъ знаменоносцемъ,
Деверемъ же—Кралевича Марка.
И пошли они въ Млетакъ Латинскій.
Вотъ приходятъ и въ Млетакъ. Съ почетомъ
Дорогихъ гостей король встрѣчаетъ:
Лошадей ведутъ въ конюшню слуги,
А юнаковъ краль ведетъ на башню,
И три дня пируетъ съ ними вмѣстѣ:
Отъ пути юнаки отдыхаютъ,
Отдыхаютъ отъ пути и кони.
На четвертый день лишь солнце встало,
Стали голосъ подавать чауши:
„Эй, скорѣе собирайтесь, сваты!
„Дней немного, а длинна дорога.
„Время въ путь обратный отправляться."
Краль Млетака изъ дворца выходитъ
И дары господскіе приноситъ:
Куму—всю изъ золота рубашку,
Свату—столъ изъ золота литого,
Воеводѣ—яблоко златое,
Острое копье—чаушу Релѣ,
Милошу даритъ онъ остру саблю,
Топузину—Кралевичу Марку,

(*) Чаушъ—тѣлохранитель, стражъ.

Да ему же лошадь и невѣсту: (*)
„Вотъ и конь, а вотъ моя и дочка:
„Отведи ее къ двору Стояна,
„Передай красавицу невѣсту.“
Отправлялись въ путь обратный сваты.
Провожаетъ ихъ король съ почетомъ,
Обдаривъ всѣхъ сватовъ по порядку,
Обдаривъ платкомъ или одеждой.
Сваты всѣ и веселы и здравы.
Вотъ подходятъ къ горному проходу,
И въ него вступаютъ. Что за диво?
У дороги сѣлъ какой-то витязь,
А на немъ богатая одежда:
Серебро на немъ вездѣ да злато,
Съ головы его склонились перья
До травы зеленой. Этотъ витязь
Держитъ что-то черное зубами,
Будто то ягненокъ полугодній:
Черные усы на грудь нависли;
Изъ подъ нихъ же пуговицы видны,—
Будто солнце сквозь листву сіяетъ;
До колѣна ноги въ чистомъ златѣ.
Рядомъ съ нимъ лежитъ топузъ тяжелый,
На плечѣ его копье стальное,
У бедра же кованая сабля.
Пьетъ юнакъ вино златою чашей,
А ему лѣсная вила служитъ:
Правою рукой подноситъ чашу,
А рукою лѣвою закуску.
Какъ съ юнакомъ сваты поровнялись,
Поднимался онъ на легки ноги,
Молвилъ куму—королю Будима:
„Краль Будима, подавай рубашку,
„Что тебѣ въ Млетакѣ подарили.“
Краль отдалъ и слова не промолвилъ.
Краль прошелъ, за кралемъ слѣдомъ
У него юнакъ спросилъ подарокъ— [Вуча.
Столъ литой изъ золота, и Вуча
Столъ отдалъ и слова не промолвилъ.
Вслѣдъ за Вучей шелъ Сабинянъ Янко;
У него юнакъ спросилъ подарокъ,—
Яблоко изъ золота литое;
Возвратилъ подарокъ молча Янко.
А за Янкой слѣдомъ ѣдетъ Реля.
У него спросилъ юнакъ подарокъ,—
И копье отдалъ безмолвно Реля.
Вслѣдъ за Релей—Милошъ изъ Поцера.
Хочетъ взять юнакъ Милоша саблю;
Но заспорилъ Милошъ воевода,—
Онъ не хочетъ возвратить подарка.
Да кричать ему дружина стала:
„Отдавай, не затѣвая ссоры.“
И отдалъ юнаку Милошъ саблю.
За Милошемъ ѣдетъ слѣдомъ Марко,
И ведетъ коня онъ и невѣсту.
Марку молвилъ незнакомый витязь:
„Отдавай-ка, Марко Королевичъ,
„Отдавай коня мнѣ и невѣсту.“
Отвѣчаетъ Королевичъ Марко:
„Побратимъ мой, богатырь латинецъ!
„Конь не мой, и не моя невѣста.
„Мнѣ жъ въ Млетакѣ, братъ мой, пода-
„Подарили буздованъ тяжелый. [рили,
„Буздованъ возьми, когда ты хочешь.“
Дальше слушать не хотѣлъ латинецъ:
Подошелъ, чтобъ за узду схватиться,
За узду коня изъ—подъ невѣсты.
Незамѣтно взялъ топузъ свой Марко
И хватилъ между очей латинца,—
Оба глаза выскочили разомъ.
Соскочилъ съ коня проворно Марко
И отсѣкъ главу латинцу саблей,
Снялъ съ него прекрасную одежду,
Отобралъ обратно всѣ подарки
И роздалъ своимъ нарядным сватамъ:
Куму далъ изъ золота рубашку,
Свату—столъ изъ золота литого,
Воеводѣ—яблоко златое,
Острое копье чаушу Релѣ,
А Милошу кованую саблю;
Топузина жъ осталась у Марка.
Дальше въ путь отправилися сваты.
Ѣдетъ Марко, пѣсни распѣваетъ.
А латинецъ на пути-дорогѣ
Шевелитъ ногами, умирая.

(*) Марко былъ деверемъ; на его обязанности было охранять на пути невѣсту. Свадьба праздновалась въ домѣ жениха.

52. Женитьба Тюра Смедеревца.

Какъ задумалъ Тюро ожениться,
Далеко онъ дѣвушку засваталъ—
Въ томъ прекрасномъ градѣ Дубровникѣ,
У того ли краля Михаила.
Звать невѣсту дѣвушку—Ириной.
Сватается Смедеревецъ Тюро;
Михаилъ согласенъ выдать дочку.
И пока невѣсту сваталъ Тюро,
Поистратилъ три кармана денегъ.
На подарки тещѣ съ дочерями
Онъ истратилъ тысячу дукатовъ.
Собрался во дворъ свой ѣхать Тюро;
Краль ему и молвитъ на прощаньи:
„Милый зять мой, Смедеревецъ Тюро!
„Какъ вернешься въ Смедеревскій замокъ,
„Станешь сватовъ собирать на свадьбу,
„Не зови къ себѣ сватами сербовъ,—
„Потому что пьяницы всѣ сербы,
„Любятъ ссоры затѣвать да споры:
„Перепьются и затѣютъ ссору.
„На обиду жъ, самъ ты понимаешь,
„Не удобно отвѣчать на свадьбѣ...
„Созывай къ себѣ болгаръ и грековъ...
„Созывай ты сватовъ, сколько хочешь,
„Приходи за милою невѣстой.“
Въ путь поѣхалъ Смедеревецъ Тюро.
На пути письмо онъ получаетъ
Отъ Ирины, дѣвушки-невѣсты:
„Ты послушай, Смедеревецъ Тюро!
„Какъ вернешься въ Смедерево, станешь
„Собирать себѣ нарядныхъ сватовъ,
„То не слушай тестева совѣта,—
„Не зови ты ни болгаръ, ни грековъ:
„Можешь ты главы своей не вынесть,
„Какъ за мною въ Дубровникъ пріѣдешь.
„Приглашай себѣ сватами сербовъ:
„Старшимъ кумомъ—Дѣбеличъ Новака,
„А прикумкомъ—Новаковичъ-Грую,
„Старымъ сватомъ—Сабиняна-Янка,
„Деверемъ же—Кралевича Марка,
„А чаушемъ—Крылатаго Релю,
„Воеводой—Обиличъ-Милоша,
„Позови знаменщикомъ Топлицу,
„Шаферомъ—Косанчича Ивана.
„Остальныхъ сватовъ—кого захочешь.
„И иди къ Дубровнику за мною.“
Прочиталъ письмо Ирины Тюро
И не знаетъ, что тутъ надо дѣлать...
А какъ былъ онъ близко ужъ отъ дома,
Издалека мать его узнала,
Изъ двора къ нему на встрѣчу вышла:
Обнимаетъ сына и цѣлуетъ.
Тюро ей цѣлуетъ бѣлу руку.
Взявъ другъ друга за руки, на башню
Мать и сынъ пошли за столъ убраный.
Говоритъ старуха: „Сынъ мой милый!
„Было ль все въ пути благополучно?
„А сноху мнѣ милую засваталъ,
„Мнѣ сноху, себѣ жену по сердцу?“
Отвѣчаетъ Смедеревецъ Тюро:
„Слава Богу, мать моя родная!
„Было все въ пути благополучно
„И сноху я для тебя засваталъ,
„Для тебя сноху, себѣ жъ супругу
„Въ томъ прекрасномъ градѣ Дубровни-
„У того ли краля Михаила; [кѣ,
„Звать невѣсту дѣвушку—Ириной.
„Я истратилъ три кармана денегъ,
„Да къ тому же тысячу дукатовъ
„На подарки тещѣ съ дочерями.
„Какъ собрался я домой обратно,
„То прислъ меня король зачѣмъ-то,
„Что бы сербовъ я не бралъ съ собою,
„Какъ приду за дѣвушкой Ириной.
„Да письмо я получилъ въ дорогѣ
„Отъ Ирины, отъ моей невѣсты;
„Въ томъ письмѣ моя невѣста пишетъ,
„Что бы бралъ съ собой я только сербовъ.
„Посовѣтуй, мать моя родная,
„Посовѣтуй мнѣ, кого послушать:
„Иль тестя, или же Ирину?“
Отвѣчаетъ Юрію старуха:
„Сынъ мой милый, Смедеревецъ Тюро!
„Вѣдь латинцы изстари коварны,
„Погубить тебя они рѣшили.
„Ты не слушай краля Михаила,

„А послушай дѣвушку Ирину
„И зови къ себѣ сватами сербовъ:
„Если что въ дорогѣ приключится,
„То въ бѣдѣ они тебя не бросятъ."
Какъ услышалъ эти рѣчи Тюро,
Сталъ писать онъ письма на колѣнѣ,
Написавъ, послалъ въ четыре края.
Вотъ проходитъ времени немного,
Старина Новакъ приходитъ къ Тюро,
А съ Новакомъ сынъ его Груица,
Вслѣдъ за ними и Сабинянъ Янко
И ведетъ съ собою сотню сватовъ.
Лишь взошелъ на башню къ Тюру Янко,—
Вотъ на поле и Кралевичъ Марко.
А за Маркомъ Реля изъ Пазара,
А за Релей воевода Милошъ;
Вслѣдъ за нимъ идетъ Миланъ Топлица,
За Топлицей вслѣдъ Иванъ Косанчичъ.
Собралися сербскіе владыки,
Съ ними сватовъ тысяча нарядныхъ.
Встрѣтилъ Тюро воеводъ съ почетомъ
И тихонько говорилъ имъ: „Братья!
„Въ Дубровникъ я не иду ко кралю,
„Посылаю Марка побратима...
„Слушайтеся Кралевича Марка,
„Слушайте и Старину Новака."
Къ Дубровнику отправлялись сваты
И пришли туда благополучно.
Говоритъ тутъ Королевичъ Марко:
„Дорогіе братья, мы ужъ близко
„Къ городскимъ воротамъ, а проѣхать
„Семьдесятъ и семь воротъ намъ надо,
„Прежде чѣмъ доѣдемъ мы до башни.
„Гдѣ столы покрытые готовы,
„А на нихъ стоитъ вино съ ракіей
„И закусокъ разныхъ въ изобильи;
„У стола—и слуги и служанки,
„Чтобъ принять у васъ коней съ оружьемъ.
„Вы слугамъ коней своихъ отдайте.
„Но оружье при себѣ оставьте:
„При оружьи и за столъ садитесь,
„Чрезъ оружье пейте крѣпки вина.
„Если краль придетъ, вы всѣ молчите,
„Говорить одинъ я буду съ кралемъ."
Вотъ и къ башнѣ сваты подъѣзжаютъ.
Взять коней къ нимъ подбѣгаютъ слуги,
А служанки, чтобъ принять оружье.
Лошадей своихъ отдали сваты,
Но съ оружьемъ свѣтлымъ не разстались,
Подъ оружьемъ и за столъ усѣлись,
Чрезъ оружье пьютъ вино съ ракіей.
Дубровницкій краль приходитъ къ сватамъ
И такія рѣчи тихо молвитъ:
„Кумъ мой милый, Старина Новаче!
„Прежде васъ мы принимали сватовъ,
„И никто съ оружьемъ не садился
„За столы, чтобъ пить вино съ ракіей."
Но Новакъ молчитъ, хоть все и слышитъ.
Отвѣчаетъ Марко Королевичъ:
„Дубровницкій краль, пріятель добрый!
„Ужъ таковъ-то нашъ обычай сербскій:
„Подъ оружьемъ пьемъ вино съ ракіей,
„Подъ оружьемъ мы и спать ложимся."
Повернулся краль, ушелъ на башню.
Ночь прошла. Когда настало утро,
Со стѣны кричитъ латинецъ сватамъ:
„Эй послушай, кумъ Новакъ-Дебеличъ!
„Здѣсь на башнѣ бѣлой два латинца,
„И зовутъ они тебя сразиться:
„Побѣдить тебѣ въ бою ихъ надо,
„Прежде чѣмъ вести домой невѣсту."
Какъ Новакъ услышалъ этотъ вызовъ,
Поглядѣлъ на Грую, мила сына.
Не взглянулъ ни на кого Груица,
А тотчасъ вскочилъ на легки ноги
И пошелъ съ латинцами сразиться.
Какъ поднялся Груица на башню,
Тамъ его латинцы повстрѣчали,—
А въ рукахъ у нихъ—двѣ остры сабли.
На Груицу бросились латинцы.
Размахнулся Груя острой саблей,—
Изъ двоихъ четыре тотчасъ стало.
Какъ сходилъ на землю съ башни Груя,
Вышла къ Груѣ дѣвушка Ирина:
„Подожди, остановись, Груица!"
И бросаетъ яблоко изъ злата:
„Вотъ тебѣ! Когда бѣда случится,

„Будешь знать ты, гдѣ сидитъ Ирина."
Отдалъ Груя Старинѣ Новаку
Головы убитыхъ двухъ латинцевъ
И усѣлся снова за трапезу.
Со стѣны опять кричитъ латинецъ:
„Эй послушай, Старина Новаче!
„Здѣсь у башни три коня юнацкихъ,
„У сѣдла ихъ три копья стальныя,
„Остріемъ торчатъ тѣ копья къ небу;
„Перепрыгнуть надо эти копья,
„Прежде чѣмъ вести домой Ирину."
Какъ Новакъ услышалъ эти рѣчи,
Поглядѣлъ на Кралевича Марка,
Марко тотчасъ поглядѣлъ на Янка,
Янкъ же сталъ искать глазами Релю.
Тотчасъ Реля сталъ на легки ноги
И пошелъ къ высокой бѣлой башнѣ,
Перепрыгнулъ чрезъ коней юнацкихъ,
На которыхъ три копья стояло;
Вынулъ Реля кованую саблю
И двѣнадцать латниковъ латинцевъ,
Что стояли у коней на стражѣ,
Порубилъ своею острой саблей.
Взялъ потомъ онъ трехъ коней юнацкихъ
И отвелъ ихъ къ Старинѣ Новаку.
Лишь усѣлся Реля за трапезу,
Со стѣны опять кричитъ латинецъ:
„Эй, Новакъ Дебеличъ! Здѣсь на башнѣ
„Въ яблоко попасть стрѣлою надо."
Милошъ тотчасъ сталъ на легки ноги,
Клалъ стрѣлу на тетиву златую,
Яблоко стрѣлою сбросилъ съ башни
И принесъ его къ Новаку куму.
Разлютился Королевичъ Марко,
Старинѣ Новаку—куму молвитъ:
„Еслибъ зналъ я, гдѣ сидитъ Ирина,
„Я бъ не сталъ ее просить у краля."
Говоритъ Новаковъ сынъ Груица:
„Вслѣдъ за мной иди, Кралевичъ Марко:
„Видѣлъ я и знаю, гдѣ Ирина."
Поднялись они на бѣлу башню
И нашли тамъ дѣвушку Ирину;
Внизъ ее они свели на землю.
Но кричитъ имъ со стѣны латинецъ:
„Эй, послушай, Старина Новаче!
„Вѣдь закрыты крѣпко передъ вами
„Семьдесятъ и семь воротъ желѣзныхъ."
Говоритъ Груицѣ храбрый Марко:
„Выведи, Груица, мнѣ Шарина:
„Всѣ ключи на немъ отъ Дубровника." (*)
Вывелъ Груя Маркова Шарина.
Сѣлъ на Шарца Марко Королевичъ
И топузъ свой отвязалъ тяжелый.
Подошелъ къ воротамъ главнымъ Марко
И ударилъ такъ по нимъ топузомъ,
Что вздрогнула башня вся, и камни
Изъ нея посыпались на землю.
Закричалъ король на башнѣ: „Марко,
„Перестань топузомъ бить ворота."
Вышелъ краль, ключи съ собою вынесъ
И ворота отворилъ для сватовъ.
Сталъ въ воротахъ Королевичъ Марко
И всѣхъ сватовъ пропустилъ по счету.
Крикнулъ Марко кралю Михаилу:
„Подойди поближе, краль пріятель:
„Подойди—дадимъ тебѣ подарокъ
„И попросимъ у тебя прощенья,
„Что тебѣ убытки причинили."
Подошелъ король къ юнаку Марку:
Думалъ краль, что Марко дастъ подарокъ.
Но махнулъ топузомъ тяжкимъ Марко,—
И упалъ король на землю мертвымъ.
Въ путь обратный отправлялись сваты,
Отправлялись къ Смедереву прямо.
Повстрѣчалъ ихъ въ Смедеревѣ Тюро.
Двѣ недѣли пировали сваты.
Жить съ женой сталъ Смедеревецъ Тюро,
Разошлися сваты во-свояси.

53. Смерть Марка Королевича.

Рано ѣдетъ Королевичъ Марко
Въ воскресенье—до восхода солнца
По Урвину, краемъ синя моря.
Сталъ тутъ Шарецъ часто оступаться,
Оступаясь лить горючи слезы.

(*) Марко хочетъ сказать, что на Шарцѣ его топузъ, которымъ онъ разобьетъ ворота.

Опечалясь молвитъ Шарцу Марко:
„Что ты, Шарецъ? Что, слуга мой вѣрный?
„Лѣтъ ужъ сто и шестьдесятъ, какъ вмѣстѣ
„Я съ тобой не разстаюся; только
„Никогда ты такъ не оступался.
„А теперь ты оступаться началъ,
„Оступаясь ронишь горьки слезы.
„Видно скоро быть бѣдѣ великой
„Надъ моей или твоей главою."
Говорить еще не кончилъ Марко,
А съ Урвина отвѣчаетъ вила,
Подзываетъ Кралевича Марка:
„Побратимъ мой, Марко Королевичъ!
„Знаешь ты, что Шарецъ предвѣщаетъ?
„Конь тебя, хозяина, жалѣетъ.
„А разстаться скоро вамъ придется."
Отвѣчаетъ Королевичъ вилѣ:
„Заболѣй ты, бѣла вила, горломъ!
„Какъ же съ Шарцемъ мнѣ моимъ разстаться?
„Городовъ, земель прошелъ я много,
„Обошелъ я и востокъ и западъ,—
„Не нашелъ коня я лучше Шарца,
„Какъ юнака нѣтъ меня сильнѣе.
„Не разстанусь съ Шарцемъ я во вѣки,
„Живъ пока на этомъ бѣломъ свѣтѣ."
Отвѣчаетъ посестрима вила:
„Побратимъ мой, Королевичъ Марко!
„Не отнимутъ у тебя Шарина,
„Не умрешь ты, Марко, отъ юнака:
„Не умрешь ты отъ булатной сабли,
„Отъ копья и тяжкой топузины,—
„Никого вѣдь нѣтъ тебя сильнѣе.
„А умрешь ты, побратимъ мой Марко,
„Отъ Судьи—небеснаго Владыки.
„Если, Марко, мнѣ не хочешь вѣрить,
„То, какъ будешь на вершинѣ горной,
„Обернися отъ себя налѣво—
„И увидишь тонкія двѣ ели:
„Поразросшись, сучьями своими
„Всей горы онѣ вершину кроютъ.
„Между ними ты найдешъ колодецъ.
„Слѣзь тамъ съ Шарца и, за вѣтку ели
„Привязавъ его, взгляни въ колодецъ:
„Тамъ въ водѣ лицо свое увидишь,
„И увидишь, что конецъ твой близокъ."
И послушалъ бѣлой вилы Марко.
Какъ поднялся къ самой онъ вершинѣ,
Поглядѣлъ налѣво и увидѣлъ
Двѣ высокихъ ели: покрываютъ
Сучьями тѣ елки всю вершину.
Слѣзъ тутъ Марко съ Шарца и, за елку
Привязавъ его, пошелъ къ колодцу,
Чтобъ въ водѣ лицо свое увидѣть.
Поглядѣлъ въ колодецъ—въ воду Марко
И увидѣлъ, что умретъ онъ скоро.
Тутъ пролилъ онъ слезы, причитая:
„Свѣтъ ты лживый, цвѣтъ ты мой красивый!
„Чуденъ былъ ты, да ходилъ я мало:
„Триста лѣтъ лишь я гулялъ на свѣтѣ!
„Вотъ конецъ, прощаюсь я съ тобою."
Вынулъ Марко кованую саблю,
И, къ Шарину подойдя, съ размаху
Голову отнесъ ему, чтобъ туркамъ
Не достался борзый Шарецъ Марка,
Что бъ никто изъ турокъ не работалъ,
Не возилъ бы воду на Шаринѣ.
Какъ убилъ коня своего Марко,
Закопалъ его въ сырую землю.
(Своего Шарина хоронилъ онъ
Лучше брата своего Андрея).
Перебилъ свою онъ остру саблю
На четыре части, чтобы туркамъ
Не досталась, не хвалился бъ турокъ,
Что онъ саблей Марковой владѣетъ,
Чтобъ не кляли христіане Марка.
Поломалъ копье на семь обломковъ
И забросилъ ихъ на вѣтви ели;
Марко взялъ свой буздованъ тяжелый,
Взялъ его своей рукою правой
И въ морскую глубину забросилъ
И при этомъ говорилъ: „Изъ моря
„Если самъ всплыветъ топузъ тяжелый,
„То, какъ я, другой родится витязь."
Истребивъ свое оружье, Марко
Вынималъ отъ пояса чернила,
Изъ кармана жъ чистую бумагу;

И писалъ на той бумагѣ Марко:
„Если будетъ ѣхать кто Урвиномъ
„У колодца, у зеленыхъ елей,
„И увидитъ Кралевича Марка,—
„Пусть онъ знаетъ, что скончался Марко.
„Подлѣ Марка здѣсь найдетъ онъ деньги.
„Онъ найдетъ три пояса дукатовъ.
„Первый поясъ отдаю тому я,
„Кто въ землѣ мое схоронитъ тѣло;
„А другой—на украшенье храмовъ;
„А слѣпцамъ да сухорукимъ нищимъ
„Отдаю я поясъ свой послѣдній:
„Пусть калѣки ходятъ бѣлымъ свѣтомъ,
„Пусть поютъ и вспоминаютъ Марка.“
Какъ окончилъ Марко завѣщанье,
Онъ его подвѣсилъ къ вѣткѣ ели,
Чтобы видно было всѣмъ съ дороги,
А чернила бросилъ онъ въ колодецъ.
Снялъ потомъ съ себя доламу Марко,
Разстелилъ ее подъ тонкой елью
На травѣ, перекрестился съ вѣрой
И улегся на своей доламѣ.
Рысью шапку на глаза надвинувъ,—
Такъ лежалъ, покуда не скончался.
И лежалъ онъ цѣлую недѣлю.
Кто идетъ путемъ-дорогой мимо
И увидитъ Кралевича Марка,
Всякій мыслитъ, что уснулъ онъ крѣпко,
И далеко вкругъ его обходитъ,
Чтобъ покоя не тревожить Марка.
Гдѣ удача, тамъ и не удача,
Гдѣ несчастье, тамъ порой и счастье:
Шелъ, по счастью, этою дорогой
Святогорецъ Васа изъ Аѳона
Со своимъ послушникомъ Исаіей.
Какъ увидѣлъ святогорецъ Марка,
Сталъ махать послушнику руками:
„Тише, сынъ мой! Не тревожь ты Марка,—
„Онъ со сна сердитъ бываетъ, можетъ
„Ни за что сгубить меня съ тобою.“
Да увидѣлъ онъ,—надъ спящимъ Маркомъ
На суку виситъ бумага. Васа
Доставалъ и прочиталъ бумагу:
Говорилось въ ней, что умеръ Марко.
Васа слѣзъ съ коня и трупъ пощупалъ:
Ужъ давно лежитъ тутъ Марко мертвымъ.
Полилися слезы у Игумна,
Жалко было Марка святогорцу.
Снялъ онъ съ Марка пояса съ деньгами
И себѣ надѣлъ ихъ. Мыслитъ Васа:
„Гдѣ бы Марка схоронить приличнѣй?“
Долго думалъ, наконецъ придумалъ:
На коня онъ Марка клалъ и къ морю
Осторожно свелъ коня на берегъ.
А оттуда везъ къ Аѳону Марка,
На святую гору черезъ море,
Внесъ его въ Вилиндарскую церковь
И служилъ, какъ должно надъ умершимъ,
Отпѣвалъ умершаго героя.
Посреди Вилиндарскаго храма
Хоронилъ игуменъ Васа Марка.
Но надъ Маркомъ ни креста, ни камня
Не поставилъ святогорецъ Васа,
Чтобъ никто не зналъ, гдѣ онъ схороненъ:
Много было недруговъ у Марка.

IV. Пѣсни позднѣйшія.

54. Юрьева Ирина.

Выходила Юрьева Ирина,
Выходила на берегъ Дуная
Изъ подъ града Смедеревца бѣла;
За Ириной Грегуревичъ Максо.
Говорила Юрьева Ирина:
„Не разумный внукъ мой! Посовѣтуй:
„Что мнѣ дѣлать съ дочерью меньшою?
„Отъ трехъ ужъ жениховъ къ намъ
„Приходили дѣвушку засватать: [сваты
„Засылалъ Филипъ Мадъяринъ сватовъ

„Изъ Мадъярской изъ земли богатой.
„Присылалъ еще къ намъ краль московскій;
„Третьимъ сватовъ къ намъ прислалъ отманинъ
„Отъ Стамбула, града Цареграда.
„Посовѣтуй, внукъ мой, что мнѣ дѣлать:
„За кого свою мнѣ дочку выдать?“
Говоритъ дитя Максимъ Иринѣ:
„Мой таковъ совѣтъ, Ирина бабка.
„Если хочешь ты меня послушать,
„Дочь отдай Мадъярину Филипу,—
„Будетъ жить весь вѣкъ она богато.
„А не хочешь выдать за Мадъяра,
„Повѣнчай ее съ московскимъ кралемъ,—
„Будемъ мы пріятелями съ кралемъ:
„Москвичи вѣдь храбрые юнаки,
„Воевать помочь они намъ могутъ.
„Если жъ ты за турка дочку выдашь,
„Съ нею онъ возметъ все наше царство:
„Онъ возметъ и города и земли.“
Услыхала эту рѣчь Ирина,
И рукой ударила Максима
По лицу его: четыре зуба
У Максима выбила изъ десенъ.
Палъ Максимъ въ траву, облитый кровью.
Кровью онъ плюетъ и тихо молвитъ:
„Богъ убей тебя, старуха бабка!
„Порѣшила дочь за турка выдать,—
„Вмѣстѣ съ нею отдала ты туркамъ
„Города и всю родную землю.“
Что сказалъ Максимъ, то и сбылося:
Отдала за турка дочь Ирина,
Отдала съ ней города и земли.

---

55. Старина Новакъ и князь Богосавъ.

Пьютъ вино у князя Богосава
Радивой со Стариной Новакомъ
Надъ ключемъ воды холодной въ Боснѣ.
Какъ виномъ юнаки подкрѣпились,
Богосавъ и говоритъ Новаку:
„Старина Новаче, побратимъ мой!
„Разскажи, дай Богъ тебѣ здоровья,
„Ты съ чего ушелъ гайдучить въ горы?
„И какая у тебя неволя
„По горамъ ходить, ломая шею,
„Ремесломъ гайдучьимъ заниматься?
„Ты ужъ старъ, тебѣ не то ужъ время!“
И Новакъ на это отвѣчаетъ:
„Богосавъ, мой побратимъ по Богу!
„Ты спросилъ, и я скажу всю правду:
„По нуждѣ великой я гайдучу...
„Можетъ быть ты помнишь да и знаешь,
„Какъ Ирина, Юрьева супруга,
„Начинала Смедерево строить?
„У нея поденщикомъ служилъ я,
„Я служилъ ей цѣлые три года,
„Подвозилъ и камень и деревья
„На своихъ волахъ, своихъ телѣгахъ.
„И за эти цѣлые три года
„Мнѣ не дали пары, ни динара: (*)
„Я онучъ не заслужилъ на ноги!
„Но и это бъ я простилъ Иринѣ.
„Какъ готово Смедерево было,
„Стали строить башни и бойницы,
„Золотить ворота и окошки.
„Тутъ Ирина подать наложила
„По три литра злата съ каждой хаты,—
„Это будетъ, побратимъ мой милый,
„По три сотни золотыхъ дукатовъ!
„Кто имѣлъ и взнесъ такія деньги,
„Тотъ остался жить, какъ жилъ онъ прежде.
„Былъ я бѣдный человѣкъ, не могъ я
„Уплатить всей подати Иринѣ:
„Взялъ я заступъ на плечо, которымъ
„Ей работалъ, и ушелъ въ гайдуки.
„Но нигдѣ не могъ я удержаться
„Во владѣньяхъ проклятой Ирины.
„И бѣжалъ я до студенной Дрины,
„А оттуда Босной Каменистой;
„Такъ дошелъ до самой Романіи.
„Тутъ турецкихъ сватовъ повстрѣчалъ я:
„Ѣдутъ сваты съ красною невѣстой.
„Турки-сваты съ миромъ проходили:
„Лишь женихъ на борзомъ иноходцѣ

(*) Мелкія монеты: пара 1/2 коп., динаръ 25 коп.

„Не хотѣлъ проѣхать мимо съ миромъ:
„Взялъ онъ въ руки плеть съ тремя бичами—
„А на каждомъ мѣдный наконечникъ—
„По плечамъ меня сталъ бить онъ плетью.
„Три раза молилъ я Богомъ турка:
„«Заклинаю счастьемъ и геройствомъ,
„«Заклинаю и веселой свадьбой:
„«Проходи, женихъ, ты мимо съ миромъ;
„«Самъ ты видишь—человѣкъ я бѣдный.»
„Но оставить онъ меня не хочетъ,
„По плечамъ меня стегаетъ плетью.
„Тутъ терпѣть мнѣ стало не подъ силу,
„Да и крѣпко сердцемъ разлютился:
„Снялъ съ плеча я заступъ мой тяжелый
„И ударилъ имъ съ размаха турка,—
„Такъ его удачно я ударилъ,
„Что съ коня онъ на землю свалился.
„Къ жениху я подскочилъ проворно,
„Два иль три раза его ударилъ:
„Тутъ и духъ онъ испустилъ на мѣстѣ.
„Запустивъ въ его карманы руку,
„Тамъ нашелъ я три мѣшечка денегъ
„И себѣ за пазуху ихъ спряталъ.
„Снялъ я саблю съ пояса у турка,
„Прицѣпилъ себѣ я эту саблю.
„Свой же заступъ бросилъ я у трупа,
„Чтобы было чѣмъ копать могилу;
„На коня турецкаго усѣлся
„И поѣхалъ въ горы Романіи.
„Все, что было, видѣли то сваты:
„Только мнѣ они не помѣшали:
„Не хотѣли или побоялись.
„Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ въ горахъ живу я.
„Полюбилъ я больше эти горы,
„Чѣмъ свой дворъ, который тамъ покинулъ.
„Стерегу здѣсь горныя дороги,
„Чутко жду сараевскихъ торговцевъ,
„Отнимаю серебро и злато,
„И сукно и платье дорогое;
„И дружину и себя питаю.
„Я готовъ бѣжать и дожидаться,
„И стоять въ бою на страшномъ мѣстѣ.
„Только Бога одного боюся.“

56. Женитьба Максима Черноевича.

Поднимался Черноевичъ Иво
И поѣхалъ черезъ сине море,
Три мѣшка онъ несъ съ собою злата;
Шелъ онъ сватать красную невѣсту
Для Максима дорогого сына—
Дочку дожа славнаго Млетака. (*)
Сватается Иванъ, а дожъ кичится.
Но не хочетъ отступиться Иво,
Сватаетъ онъ цѣлые три года,
Не жалѣя злато разсыпаетъ.
Наконецъ взяли свое подарки:
Согласился дожъ на свадьбу дочки,
Сватамъ перстень передалъ вѣнчальный.
Назначаютъ сваты время свадьбы:
Черезъ годъ Максима свадьба будетъ,
Какъ вино съ пшеницей народится,
И какъ будетъ къ свадьбѣ все готово.
Положивши время свадьбы сына,
Въ путь собрался Черноевичъ Иво.
Провожаетъ въ дальнюю дорогу
Новый другъ Ивана—дожъ Млетака,
Да два сына дожа; вмѣстѣ съ ними
Сотня храбрыхъ рыцарей латинскихъ.
Сдѣлалъ Иво промахъ при прощаньи.
Былъ Иванъ разумный мужъ и мудрый,
Но сказалъ онъ не разумно дожу:
„Родичъ новый, славный дожъ Млетака!
„Я вернуся съ тысячею сватовъ,—
„Что не будетъ меньше, въ томъ ручаюсь,
„А, пожалуй, даже будетъ больше.
„Какъ сюда прибуду я съ дружиной,
„Выводи ты тысячу латинянъ
„Повстрѣчать гостей моихъ на полѣ:
„Не найдешь ты никого красивѣй
„Ни среди моихъ нарядныхъ сватовъ,
„Ни среди твоей латинянской стражи:
„Всѣхъ красивѣй сынъ Максимъ мой будетъ,
„Милый сынъ мой, зять твой нарѣченный.“
Эти рѣчи слышалъ дожъ Млетака

(*) Млетакъ—Венеція.

И его два сокола—два сына
И еще латинская дружина.
Любо дожу слушать эти рѣчи,—
Руки жметъ, цѣлуетъ онъ Ивана:
„За такую рѣчь тебѣ спасибо!
„Если вправду милый зять мой будетъ
„Всѣхъ статнѣй изъ войска и красивѣй,
„Будетъ глазъ онъ мнѣ моихъ дороже.
„Буду я любить его, какъ сына,
„Приготовлю я ему подарки:
„Приготовлю сокола и лошадь,
„Мастера скуютъ ему челенки, (*)
„Дорогое платье приготовлю,—
„Пусть онъ носитъ, тестя вспоминаетъ.
„Но когда твои невѣрны рѣчи,
„То съ позоромъ ты назадъ вернешься.“
Тутъ друзья разстались; черезъ море
Плылъ Иванъ и къ берегу причалилъ.
Возвращался Иво здравъ и веселъ.
Къ Жабляку онъ близко подъѣзжаетъ,
Издалека видитъ дворъ свой бѣлый:
Въ высотѣ бѣлѣютъ башни дома,
Каланчи стоятъ, сверкаютъ окна.
Поспѣшилъ Иванъ скорѣе къ дому:
Подбодрилъ коня онъ стременами,
Затянулъ уздечку и удила
И понесся птицею къ Жабляку.
Прежде всѣхъ Ивана увидала
Вѣрная супруга изъ окошка
Бѣлой башни и узнала тотъ часъ,—
Узнавала и коня и мужа.
Съ бѣлой башни внизъ она спускалась,
Торопилась и кричала громко
И слугамъ и молодымъ служанкамъ:
„Эй вы, слуги! въ поле поспѣшите,
„Повстрѣчайте въ полѣ господина!
„Вы жъ, служанки, въ воротахъ встрѣчай-
„Гдѣ же Максимъ мой, чадо дорогое? [те!
„Торопися повстрѣчать въ воротахъ
„Своего отца и господина;
„Къ намъ онъ ѣдетъ свѣтлый и веселый:
„Знать невѣсту за моремъ засваталъ.“

(*) Челенка—перо изъ серебра для украшенія головы воина.

Слуги въ полѣ встрѣтили Ивана.
У воротъ жена встрѣчаетъ мужа
И ему цѣлуетъ бѣлу руку,
Полу платья мужину цѣлуетъ,
Помогаетъ снять ему оружье
И несетъ оружье въ кладовую.
Слуги лошадь отвели въ конюшню;
А Максимъ идетъ отцу на встрѣчу,
Изъ сребра съ собою стулъ выноситъ,
Чтобъ усѣлся Черноевичъ Иво
Отдохнуть и снять сапогъ дорожный.
Сѣлъ Иванъ и очи поднимаетъ
На Максима сына дорогого.
Чтоже видитъ предъ собою Иво?
Не былъ Иво цѣлые три года,
Не былъ дома, сватая невѣсту;
Той порою оспа разразилась
Надъ его Жаблякомъ, исказила
Все лицо прекрасное Максима:
Все лицо Максима, почернѣло,
Загрубѣло, стало не красиво.
Вотъ клянуся: никого не стало
Безобразнѣй юнаго Максима.
Какъ припомнилъ Черноевичъ Иво,
Что прощаясь обѣщалъ онъ дожу,—
Что не будетъ въ тысячѣ юнаковъ
Никого красивѣе Максима,
(А теперь сталъ сынъ его уродомъ,)—
Какъ припомнилъ Иво, сталъ печаленъ:
Черный усъ его спустился низко,
На плечо спустился усъ кудрявый;
На лицѣ его легла кручина...
И молчитъ онъ, не промолвитъ слова,
Въ черну землю опустивши очи.
Догадалась вѣрная супруга,
Что тоска на сердцѣ у юнака,—
Подобрала рукава и полы,
Говоритъ, цѣлуя мужу руку:
„Господинъ мой! Что съ тобой случилось?
„Что лицомъ сегодня ты не веселъ?
„Иль невѣсту ты не могъ засватать,
„Иль тебѣ невѣста не по нраву?
„Или злата ты растратилъ много?“
Говоритъ женѣ Иванъ сурово:

„Прочь иди, не досаждай вопросомъ!
„Я засваталъ за моремъ невѣсту,
„И сноха по нраву мнѣ пришлася:
„Исходи всю землю, и нигдѣ ты
„Не найдешь дѣвицы, краше этой.
„И такія очи у невѣсты,
„Стройный станъ, лицо ея такое,
„Что у вилы не найдешь пригоже.
„Мнѣ не жаль того, что я истратилъ:
„У меня въ Жаблякѣ много злата—
„Три подвала, дѣло не въ богатствѣ...
„Но прощаясь я похвасталъ дожу,
„Что изъ сватовъ сынъ Максимъ мой ми-
„Будетъ всѣхъ стройнѣе и пригоже; [лый
„А теперь-то всѣхъ онъ безобразнѣй.
„Я боюсь, что ссора возгорится,
„Какъ увидитъ гордый дожъ Максима.“
Говоритъ жена коварно мужу:
„Господинъ мой, это все отъ Бога!
„И зачѣмъ тебѣ ходить за море?
„До Млетака сорокъ дней дороги...
„Что ходить туда, забывъ о домѣ?
„Чуетъ сердце,—быть бѣдѣ за моремъ!
„Господинъ ты надъ своей землею:
„Ты владѣешь черною горою,
„Ты владѣешь Скадромъ на Боянѣ;
„Иль равнины Миридитской (*) мало
„Для тебя что стелется у моря?
„Или мало горъ семи высокихъ?
„А изъ нихъ на каждой воеводство.
„Можешь дома оженить ты сына,
„Можешь дома ты найти невѣсту.
„А за моремъ лишь бѣду найдешь ты.“
Какъ услышалъ эти рѣчи Иво,
Запылалъ онъ, какъ живое пламя:
„Нѣтъ, не былъ я за моремъ, не сваталъ!
„Кто напомнитъ мнѣ о свадьбѣ сына,
„Я тому живому вырву очи.“
Эти вѣсти скоро разошлися,
Ихъ узнали и большой и малый
И молчатъ—не слышно разговоровъ—
Годъ, другой... проходитъ ужъ и девять;
Но о свадьбѣ нѣту и помину.

(*) Миридитъ—Округъ въ Албаніи.

На десятомъ вдругъ письмо приходитъ,
То письмо отъ дожа изъ Млетака.
На колѣни положилъ посланье
Черноевичъ и позоръ читаетъ:
„Мой пріятель, Черноевичъ Иво!
„Если лугъ ты въ полѣ огородишь,
„Иль коси, или отдай другому,
„Чтобы иней или снѣгъ холодный
„На лугу цвѣточки не убили;
„А засваталъ красную дѣвицу,
„Иль вѣнчайся, или откажися...
„У меня мою ты сваталъ дочку;
„Я на свадьбу далъ свое согласье:
„Черезъ годъ играть рѣшили свадьбу,
„Какъ вино съ пшеницей народится,
„И какъ сватовъ соберешь нарядныхъ.
„Девять лѣтъ прошло ужъ съ той годины,
„Но не слышно ни тебя, ни сватовъ.
„Посылай же намъ письмо скорѣе,
„Шли письмо моей любимой дочкѣ,
„А своей снохѣ,—чтобы не ждала,
„Выходила бъ замужъ за другаго...
„А тебѣ я шлю мое проклятье.“
Прочиталъ такія строки Иво
И повѣсилъ голову въ кручинѣ.
Не случилось здѣсь при немъ юнака,
Онъ кому бъ свое повѣдалъ горе;
И женѣ онъ говоритъ съ тоскою:
„Ахъ жена, совѣтуй, что мнѣ дѣлать:
„Посылать ли мнѣ письмо невѣстѣ,
„Чтобъ не ждала, замужъ выходила?
„Посылать ли, или нѣтъ,—не знаю.....“
И жена разумно отвѣчала:
„Господинъ мой! Слышано ль доселѣ,
„Чтобъ совѣтъ давали мудрый жены:
„Волосъ длиненъ ихъ, а умъ коротокъ.
„Но ты хочешь отъ меня совѣта:
„И отъ Бога грѣхъ тому великій,
„Отъ людей и стыдъ и срамъ на вѣки,
„Кто дѣвичье заѣдаетъ счастье—
„Не даетъ дѣтей ей и супруга.
„Господинъ мой, ты меня послушай!
„Ты себя томишь тоской напрасно.
„Не краснымъ сталъ Максимъ отъ оспы;

„Но наврядъ ли ты упрекъ услышишь:
„Всякъ боится смерти и неволи.
„Господинъ мой, ты не бойся спора:
„У тебя полна вѣдь башня злата,
„И вина трехлѣтняго въ подвалахъ
„И пшеницы много есть въ амбарахъ,—
„Есть на что собрать побольше сватовъ.
„Собери двѣ тысячи юнаковъ,
„И народъ и кони—все на выборъ.
„Побоится дожъ такого войска:
„Если бъ даже сынъ нашъ оказался
„И слѣпцомъ, то все жъ бы не рѣшился
„Дожъ Млетакъ съ вами споръ затѣять.
„Собирай себѣ парядныхъ сватовъ
„И иди за море по невѣсту.
„Ничего нельзя придумать лучше.“
Громкимъ смѣхомъ засмѣялся Иво.
Торопливо за столомъ онъ пишетъ
И письмо къ латинцамъ посылаетъ.
Пишетъ Иво: „Славный дожъ Млетака!
„Днемъ и ночью слушай, мой пріятель:
„Дамъ приказъ я выпалить изъ пушекъ,
„Тридцать пушекъ выпалятъ всѣ заразъ,
„Вмѣстѣ съ ними Креня и Зеленка,—
„Шумъ великій тутъ пойдетъ подъ небомъ.
„Какъ услышишь этотъ шумъ, немедля
„Высылай суда тогда, пріятель,
„Повстрѣчать на берегу мой поѣздъ.“
Какъ письмо отправилъ Иво къ дожу,
Приказалъ писать онъ приглашенье,
Чтобъ къ нему юнаки собирались.
Прежде всѣхъ письмо онъ посылаетъ
Въ Баръ и Ульчинъ къ Милошу: „Послушай,
„Другъ мой Милошъ! у меня будь сватомъ,—
„Старымъ сватомъ, лучшимъ нашимъ гостемъ.
„Не одинъ лишь приходи: съ собою
„Ты возьми какъ можно больше свиты,—
„Пусть всѣ знаютъ, что ты сватъ старѣйшій.“
Вслѣдъ затѣмъ письмо онъ отправляетъ
Къ своему племяннику Ивану;
Былъ въ горахъ онъ храбрымъ капитаномъ.
„Мой племянникъ, поспѣши скорѣе—
„Не промедли часа,—приглашаетъ
„Дядя твой тебя почетнымъ сватомъ
„Дочку дожа за моремъ засватать;
„Приходи ко мнѣ съ своей дружиной:
„Собери въ горахъ юнаковъ храбрыхъ
„Въ Черногорьѣ и Бѣлопавлицѣ,
„Сотенъ пять—не менѣе: почета
„Намъ съ тобой предъ дожемъ будетъ больше.
„Какъ сберешь ты храбрую дружину,
„Подъ Жаблякъ не медля отправляйся:
„Я тебя на полѣ повстрѣчаю.“
Отсылаетъ третье онъ посланье
Къ воеводѣ Ильѣ Ликовичу.
А письмо четвертое—къ Миличу
Посылаетъ Иво въ Дрекаловичъ;
Пятое же въ городъ Подгорицу
Къ родичу, старѣйшему юнаку,
Къ соколу Куюнджінчу Тюру.
А юнаковъ города Жабляка
И его окрестностей—безъ писемъ
Приглашалъ къ себѣ сватами Иво.
Было тутъ на что полюбоваться,
Да и было что послушать ухомъ,
Какъ, посланья получивъ Ивана,
Отъ зелена Лима и отъ моря
Собираться стали воеводы,
Воеводы, лучшіе юнаки,
Чтобы быть сватами у Ивана.
Старики и даже людъ крестьянскій,
Побросавши и воловъ и сохи,
Отправлялись подъ Жаблякъ на поле;
Пастухи стада свои бросали,
Девять стадъ на одного осталось,
И пошли на праздникъ всѣ къ Ивану.
Отъ Жабляка до рѣки Морачи
Чисто поле покрываютъ люди:
Конь съ конемъ, юнакъ съ юнакомъ рядомъ;
Остры копья какъ гора чернѣютъ,
А знамена, какъ большая туча;
Плотно сбились бѣлыя палатки,
А въ палаткѣ—храбрый предводитель.
День стояли и заночевали.

Ранымъ рано на другое утро,
Раньше дня и раньше ясна солнца,
Всталъ въ шатрѣ глава одной дружины,
Надъ землей своею воевода—
Капитанъ Иванъ, вѣнчальный деверъ.
Всталъ онъ рано и оставилъ поле
И на полѣ всѣхъ нарядныхъ сватовъ.
Онъ пошелъ на городскую стѣну.
Никого нѣтъ вмѣстѣ съ капитаномъ.
Двое слугъ идутъ за нимъ поодаль,
Но Иванъ имъ слова не промолвитъ.
Мрачно лобъ нахмуренъ у Ивана,
И на грудь его усы упали.
По стѣнѣ идетъ онъ, поглядая
То на пушки, что стоятъ рядами,
То на поле, гдѣ его дружина,
И на весь подъ нимъ лежащій лагерь.
Хмуро брови капитанъ надвинулъ,
Поглядая на уснувшій таборъ.
Вѣдь не шутка это, нѣтъ, не шутка:
Отъ Жабляка до рѣки Морачи
Плотно стали бѣлыя палатки,
Конь съ конемъ, юнакъ съ юнакомъ рядомъ.
Остры копья, какъ гора чернѣютъ,
А знамена—какъ большая туча!
Такъ Иванъ, поднявшися до солнца,
По стѣнѣ Жабляка тихо ходитъ;
А на встрѣчу Черноевичъ Иво.
Капитанъ не радъ такой былъ встрѣчѣ.
Черноевичъ молвитъ капитану:
„Добрый день, мой капитанъ-племянникъ!
„Что сегодня ты поднялся рано
„И оставилъ свой шатеръ и сватовъ?
„Отчего сегодня ты не веселъ?
„Отчего лицо твое печально?
„Разскажи мнѣ, что съ тобой случилось?“
Отвѣчаетъ капитанъ на это:
„Проходи ты мимо, Черноевичъ!
„Какъ начну я говорить съ тобою,
„Ты меня и слушать не захочешь.
„А когда бы ты меня послушалъ,—
„Отворилъ глубокіе подвалы
„Да досталъ бы крѣпкихъ винъ побольше,
„Напоилъ бы въ полѣ званыхъ сватовъ;
„А потомъ послалъ глашатыхъ въ лагерь:
„Пусть они между сватами ходятъ
„И кричатъ, чтобъ сваты расходились!
„Отложи свое веселье—свадьбу,
„Отложи ты, Черноевичъ Иво!
„Посмотри, земля пустой осталась,
„Всѣ юнаки у тебя на свадьбѣ,
„Остались границы безъ охраны,—
„Кто же землю защититъ отъ турокъ?
„Черноевичъ, дорогой мой родичъ!
„И въ твоей землѣ вѣдь есть невѣсты,
„И у насъ юнаки вѣдь женились,
„Прежде свадьбы весело играли
„И у насъ, въ землѣ твоей—въ Жаблякѣ.
„Никогда такъ прежде не случалось:
„Не водилъ никто съ собой всю землю
„За невѣстой въ дальнюю чужбину.
„И зачѣмъ носить далеко кости
„Черезъ море, сорокъ дней дороги,
„Въ землю ту, гдѣ вѣра намъ чужая,
„И гдѣ нѣтъ у насъ друзей—знакомыхъ?
„Жаждетъ крови нашей та окраина.
„Какъ поѣдемъ мы чрезъ синє море,
„Я боюсь, что ссора возгорится
„Въ нашемъ войскѣ, межъ своихъ же сватовъ.
„Можетъ горемъ кончиться веселье.
„Родичъ мой ты, Черноевичъ Иво,
„Разскажу печальное предвѣстье...
„Эту ночь я спалъ въ палаткѣ: слуги
„Положили спать меня въ постелю,
„И меня они покрыли шубой,
„А лицо платкомъ покрыли сверху.
„Я уснулъ, и сонъ мнѣ снился страшный,
„Страшный сонъ, да будетъ сонъ тотъ проклятъ!
„Снилось мнѣ: на облако гляжу я;
„Небо все заволоклося тучей,
„Стала туча прямо надъ Жаблякомъ,
„Надъ твоимъ Жаблякомъ, Черноевичъ..
„Въ тучѣ громъ гремитъ не умолкая;
„И ударилъ громъ въ дворецъ твой, Иво.

„Весь Жаблякъ твой разомъ загорѣлся,
„И дворецъ твой весь разрушилъ пла-
„А одна стѣна дворца упала [мень.
„На Максима твоего. Но сынъ твой
„Невредимымъ вышелъ изъ обломковъ...
„Дорогой мой родичъ, Черноевичъ!
„Дальше сонъ разсказывать не смѣю.
„Если-жъ можно вѣрить сновидѣнью,
„То погибну я въ твоемъ походѣ,
„Иль погибну, или буду раненъ.
„Если-жъ что со мною приключится
„Во твоемъ походѣ за невѣстой,
„Или раненъ буду, иль погибну,—
„Ожидай тогда бѣды великой:
„Я веду подъ знаменемъ юнаковъ—
„Черногорцевъ, родъ одинъ по крови;
„Ихъ пятьсотъ со мною ровно, Иво:
„Я заплачу, и они заплачутъ,
„Я погибну, и они со мною.
„Я прошу тебя сегодня утромъ,
„Умоляю и цѣлую руки:
„Распусти своихъ нарядныхъ сватовъ,
„Пусть они идутъ домой обратно...
„Позабудь, мой Иво, объ невѣстѣ.“
Какъ услышалъ эти рѣчи Иво,
Запылалъ онъ, какъ огонь горючій.
Сталъ бранить Ивана-Капитана.
Онъ клянетъ его и проклинаетъ:
„Видѣлъ ты недобрый сонъ сегодня!
„Видно было Богу такъ угодно,
„Чтобы сонъ такой тебѣ приснился!
„Для чего же разсказалъ его ты,
„Разсказалъ его сегодня утромъ,
„Какъ ужъ все готово для дороги?
„Капитанъ Иванъ, племянникъ милый!
„Лживы сны, а истина у Бога.
„Ты напрасно голову повѣсилъ
„И напрасно духомъ унываешь.....
„Вотъ послушай, что скажу, племянникъ!
„Надоѣло мнѣ, что всѣ бояре
„Прямо мнѣ въ глаза мои смѣются,
„А простые за спиною шепчутъ,
„Что засваталъ я себѣ невѣсту,
„А сидитъ она въ отцовскомъ домѣ,
„Девять лѣтъ супруга ожидаетъ.
„Нѣтъ, племянникъ, лучше мнѣ погибнуть,
„Чѣмъ отказъ послать моей невѣсткѣ,
„Распустивъ моихъ нарядныхъ сватовъ.
„У меня ты гость почетный въ свитѣ,
„Гость почетный—деверь мой вѣнчальной.
„Ну-ка крикни громче, чтобъ сбирались
„Пушкари и пушки заряжали,
„Пусть они зарядятъ тридцать пушекъ;
„Да зови ты старика Недѣльку
„Съ бородою бѣлою по поясъ,—
„Сторожитъ старикъ большія пушки,
„Сторожитъ онъ Креню и Зеленку.
„Ни въ землѣ турецкой, ни въ волошской
„Нѣтъ нигдѣ такихъ огромныхъ пушекъ,—
„Пусть стрѣляетъ онъ изъ этихъ пушекъ,
„Зарядивъ ихъ порохомъ съ картечью;
„Пусть раскаты ихъ гремятъ подъ небомъ.
„Но о томъ увѣдоми нашъ лагерь,
„Чтобъ коней своихъ всѣ наши сваты
„Отвели отъ берега Морачи:
„Могутъ кони вдругъ перепугаться
„И въ Морачу броситься съ испуга.
„Если жъ сватамъ не дадимъ мы вѣсти,
„Что стрѣлять изъ пушекъ будемъ, сваты
„Лихорадкой могутъ разболѣться,
„Испугавшись грохота и грома.
„Объяви же сватамъ всѣмъ, что разомъ
„Залпъ дадимъ изъ тридцати мы пушекъ,
„Да еще изъ Крени и Зеленки.
„Прикажи же, мой племянникъ милый,
„Чтобъ ходили вѣстники по полю
„И кричали, что пора въ дорогу.“
Капитанъ Иванъ послушалъ Ива.
Онъ на стѣну пушкарей сзываетъ,
Призываетъ старика Недѣльку.
Пушкари кладутъ заряды въ пушки,
Заряжаютъ Креню и Зеленку,—
Въ нихъ кладутъ и олово и порохъ,
Въ облака ихъ кверху направляютъ
И огонь живой подносятъ къ пушкамъ.

Вотъ когда бы, братъ, тебѣ случилось,
Поглядѣть, услышить это диво,—
Какъ взрѣвели сразу тридцать пушекъ,
Какъ взревѣли Креня и Зеленка!
Застонало поле, отозвался
Гулъ въ планинѣ, рѣки расплескались,
На колѣни кони упадали,
А юнаковъ много пало навзничь:
Вѣдь не шутка—городскія пушки,
Вѣдь не шутятъ Креня и Зеленка!
Закричали вѣстники на полѣ,
Затрещали громко барабаны.
Поднялися разомъ съ поля сваты,
Были всѣ и веселы и здравы.
Съ переходомъ каждымъ у дружины
Прибываетъ силы и веселья.
Переходятъ сваты горы, долы;
Наконецъ спустилися къ приморью.
Все укрыли ровное приморье
И на морѣ лодки увидали,—
То латинцы вышли имъ на встрѣчу.
Веселились, снаряжались сваты:
Кто сѣдло коня и сбрую чиститъ,
Кто гарцуетъ на коню по полю;
Кто охотникъ до вина, тотъ чашей
Пьетъ вино; кто пѣсни распѣваетъ.
Межъ сватами Черноевичъ Иво
На лихомъ конѣ своемъ юнацкомъ;
Рядомъ съ нимъ два сокола гарцуютъ:
Справа сынъ Максимъ—женихъ, а слѣва
Обреновичъ Милошъ. Поглядаетъ
Черноевичъ вкругъ себя и молвитъ:
„Ой друзья вы, дорогіе сваты!
„Молодые воеводы, братья!
„Я бы слово вамъ сказалъ, когда бы
„Вы меня послушали съ охотой...
„Ѣдемъ мы къ Млетаку за невѣстой
„Черезъ море, сорокъ дней дороги,
„За невѣстой ѣдемъ мы Максима.
„Да Максимъ мой оспою былъ боленъ,
„Все лицо избороздила оспа,
„Межъ сватами всѣхъ онъ непригоже.
„Я же, братья, дожу обѣщался,
„Какъ Максиму дочь его засваталъ,
„Привести въ Млетакъ нарядныхъ сватовъ,—
„А пригожей всѣхъ ихъ и латинянъ
„Будетъ сынъ мой, чадо дорогое.
„А теперь то всѣхъ онъ безобразнѣй!
„И боюся я, что дожъ Млетака
„Упрекать меня въ обманѣ станетъ
„И затѣетъ ссору съ нами. Братья!
„Есть межъ нами Милошъ воевода.
„Въ цѣломъ свѣтѣ Милошъ всѣхъ красивѣй:
„Нѣтъ ему и межъ латинянъ равныхъ.
„Еслибъ такъ намъ сдѣлать: украшенья,
„Всю одежду снять съ Максима сына
„И надѣть на Милошъ—воеводу,—
„Пусть онъ будетъ женихомъ, покуда
„Изъ Млетака выведемъ невѣсту.“
Эти рѣчи слушаютъ юнаки,
Но никто и слова не промолвитъ,
Не посмѣютъ сваты дать совѣта:
Черноевичъ отомститъ навѣрно,
Если кто Максима опечалитъ,—
Головою поплатиться можно!
Всѣ молчатъ. Тутъ началъ храбрый Милошъ:
„Нашъ начальникъ, Иво Черноевичъ!
„Ты напрасно потревожилъ сватовъ.
„Дай десницу мнѣ и поклянися
„Твердой вѣрой за Максима сына,
„Что не будетъ онъ грустить на свадьбѣ.
„Я жъ тебѣ клянусь своею вѣрой,
„Что твою невѣстку изъ-за моря
„Приведу къ тебѣ домой безъ ссоры,
„Но съ однимъ условіемъ: возьму я
„Всѣ подарки жениху отъ дожа;
„Не хочу ни съ кѣмъ дѣлиться ими.“
Засмѣялся Иво громкимъ смѣхомъ:
„Обреновичъ Милошъ, воевода!
„Что заводишь рѣчи о подаркахъ?
„Вотъ клянусь тебѣ своею вѣрой,
„Что дѣлиться ими ты не будешь!
„Приведи въ Жаблякъ лишь мнѣ невѣсту,
„Самъ тебѣ я поднесу подарки:
„Серебра два сапога, да кубокъ

„Изъ литаго злата въ девять литровъ,
„Да еще арабскую кобылу,
„Что приноситъ мнѣ коней юнацкихъ;
„Да еще одинъ подарокъ—саблю,
„Кошельковъ вѣдь тридцать сабля сто-
И юнаки такъ уговорились. итъ.“ (*)
Сняли всѣ съ Максима украшенья,
Золотыя перья и челенки
И надѣли ихъ на воеводу:
Женихомъ сталъ воевода—Милошъ.
Подошли въ то время сваты къ морю,
Сѣли въ лодки, далъ имъ Богъ удачу—
Всѣ къ Млетаку прибыли здоровы
И у моря все покрыли поле.
А въ Млетакѣ ворота открыты:
Много женщинъ и дѣтей на встрѣчу
Вышли въ поле поглядѣть на сватовъ,
Поглядѣть,—провѣрить: правда ль это,
Что про зятя дожева сказали,
Что онъ всѣхъ красивѣй изъ дружины,
Всѣхъ красивѣй сватовъ и латинцевъ.
Жениха легко узнать по перьямъ,
По челѣнкамъ, по лицу и сану.
Всѣхъ женихъ пригоже и статнѣе!
Увидавши то, два сына дожа
Жениха встрѣчать идутъ, цѣлуютъ,
Обнимаютъ и ведутъ въ палаты.
На почлегъ расположились сваты
По три вмѣстѣ или по четыре,
Какъ кому въ ту пору захотѣлось.
Былъ хорошъ обычай у латинянъ:
Не тотчасъ же выводить невѣсту,
А давать конямъ и людямъ отдыхъ.
Ровно три дня отдыхаютъ сваты.
На четвертый лишь настало утро,
Загремѣли городскія пушки;
Ударяя въ барабанъ, по стану
Закричали вѣстники, что время
Въ путь итти домой за сине море.
У воротъ всѣ сваты собралися.
Но закрыты ворота Млетака,
Ворота закрыты и замкнуты,

(*) Кошелекъ денегъ—500 піастровъ, сабля стоитъ 15000 піастровъ.

И четыре палача предъ ними:
Арнаута два и два латинца.
Руки ихъ въ крови до плечъ, а сабли
Всѣ въ крови до самой рукоятки.
Это все слегка смутило сватовъ.
Но бѣда другая есть погорше:
Съ ними нѣтъ Милоша воеводы—
Жениха названнаго невѣсты,
Съ ними нѣтъ и дѣвушки латинки.
Но немного сваты ожидали.
Звукъ раздался отъ копытъ по камню—
Это ѣдетъ воевода Милошъ
На конѣ своемъ лихомъ юнацкомъ.
Удержалъ коня удиломъ Милошъ,
Лишь бодритъ легонько стременами,—
Борзый конь подыгрываетъ лихо.
Подъѣзжаетъ онъ къ своей дружинѣ
И желаетъ добраго ей утра.
Вся дружина въ голосъ отвѣчаетъ:
„Будь здоровъ, Максимъ нашъ воевода!“
За Милошемъ вслѣдъ шурья приходятъ,
Двое братьевъ дѣвушки латинки,
А при нихъ господскіе подарки,
Чтобъ отдать ихъ зятю предъ сватами.
Первый шуринъ съ дорогимъ подаркомъ:
Вороного онъ коня подводитъ,
А на немъ красавица невѣста;
Конь увѣшанъ серебромъ и златомъ,
До копытъ съ сѣдла спустились кисти,
На груди жъ коня ремень сіяетъ.
На рукѣ у сына дожа—соколъ.
Подзываетъ жениха латинянъ:
„Зять Максимъ! Возьми свою невѣсту,
„Вотъ и конь весь въ серебрѣ и златѣ;
„Да еще отъ насъ на память—соколъ,
„Такъ какъ всѣхъ ты краше и статнѣе.“
Принялъ Милошъ чудные подарки,
Поклонившись на конѣ ретивомъ.
Жениху другой подноситъ шуринъ
Дорогую золотую саблю:
„Зять нашъ милый! вотъ тебѣ подарокъ:
„Ты носи его и имъ гордися.“
Поглядите—тесть идетъ и теща,
И несутъ они съ собой подарки!

Тесть подноситъ шапку и челенки,
А въ челенкахъ драгоцѣнный камень,
Свѣтитъ ярко камень, словно солнце,
Не даетъ взглянуть въ лицо юнаку.
Подзываетъ тесть Максима зятя:
„Вотъ тебѣ и шапка и челенки.“
Принялъ Милошъ дожевы подарки.
Вотъ подходитъ теща и подноситъ
Золотую чудную рубашку:
Вся она не прядена, не ткана,
А руками плетена изъ злата.
Тамъ гдѣ воротъ на другихъ рубашкахъ,
Здѣсь змѣя плетеная изъ злата
Съ головой, какъ будто бы живая,—
Пасть раскрыта, будто жалить хочетъ;
Въ головѣ у змѣя чудный камень.
Свѣтить камень: какъ къ женѣ въ свѣт-
Будетъ мужъ итти порой вечерней, [лицу
То ему свѣчи нести не надо—
Будетъ камень освѣщать дорогу.
Отдаетъ подарки теща зятю:
„Вотъ, Максимъ, тебѣ мои подарки.“
Но еще латинскому подарку
Подивились сваты. Былъ поднесенъ
Тотъ подарокъ старцемъ Ездимиромъ,
Братомъ дожа, съ бородой по поясъ.
Онъ на посохъ золотой оперся,
Ронитъ слезы отъ тоски великой:
У него семь женъ было, но только
Не давалъ ему Господь потомства.
И взамѣнъ и сыновей и дочекъ
Взялъ старикъ племянницу родную
И ее усыновилъ. Разстаться
Ездимиру жаль съ своею дочкой
И отдать ее за сине море.
Несъ старикъ завернутое что-то
У себя подъ мышкой,—то подарокъ.
Подошелъ онъ къ сватамъ, зятя вызвалъ
И покрылъ его плащемъ прекраснымъ:
Дорогая пестрая одежда
Съ головы и до травы зеленой
Покрываетъ и коня и зятя.
Подивились всѣ такой одеждѣ!
Говорили, толковали люди,
Что плаща того одна подкладка
Стоитъ тридцать кошельковъ со златомъ:
Сколько жъ стоитъ верхъ—пикто не знаетъ,
Нѣтъ цѣны ему. Промолвилъ старецъ:
„Милый зять мой! вотъ тебѣ подарокъ,—
„Пестрый плащъ возьми себѣ на память.
„Нѣтъ еще плаща нигдѣ такого:
„Ни въ латинскомъ царствѣ, ни у турокъ.
„Наряжайся, зять мой, на здоровье.“
Это видитъ все Максимъ съ досадой,
Онъ глядитъ со стороны и злится.
А какъ зятю поднесли подарки,
И ворота настежъ отворили.
У воротъ и слуги и служанки
Стали въ рядъ съ подарками для сватовъ:
Для коней дарятъ чапракъ узорный,
А юнакамъ тонкую одежду.
Проводили сватовъ черезъ поле,
Усадили въ лодки. Синимъ моремъ
Счастливо плыла дружина Ива.
Были сваты веселы и здравы.
Вотъ къ стѣнамъ Жабляка подъѣзжаютъ,
Гдѣ они сбирались предъ походомъ,
А теперь имъ здѣсь разстаться надо.
И случилась здѣсь бѣда большая.
Поспѣшилъ Максимъ съ десяткомъ сватовъ
Ускакать въ Жаблякъ съ своей невѣстой,
Чтобъ скорѣе мать свою увидѣть,
Показать невѣсту ей. Но Милошъ
Подогналъ впередъ коня лихого,
Подскакалъ къ Ивану Капитану,
Деверю вѣнчальному въ дорогѣ,
И рукою ухватилъ невѣсту.
Золотой платокъ лицо невѣсты
Покрывалъ, но видно все ей было.
Увидала дѣвушка юнака
И, его узнавши, взволновалась:
Золотой платокъ съ лица сорвала,
Широко свои глаза раскрыла
И къ юнаку простираетъ руки.
Кто и видитъ это, отвернется,
Ничего онъ будто бы невидитъ.

Это видитъ Черноевичъ Иво,
Видитъ свекоръ, горько опечаленъ
И невѣстѣ говоритъ съ упрекомъ:
„Руки прочь, къ себѣ, моя невѣста!
„Руки прочь, чтобы онѣ отпали...
„И закрой глаза свои, латинка,
„Не гляди на этого юнака,
„На юнака Милоша: чужой онъ.
„Погляди впередъ чрезъ чисто поле:
„Вонъ юнакъ передъ сватами ѣдетъ,
„Держитъ онъ въ рукахъ копье стальное,
„За плечами щитъ златой сіяетъ;
„На лицѣ его слѣды отъ оспы,
„Все лицо отъ оспы почернѣло,—
„Тотъ юнакъ женихъ твой, сынъ мой ми-
„Твоему отцу я похвалился [лый.
„Въ первый разъ, когда пріѣхалъ сватать,
„Что Максимъ мой всѣхъ юнаковъ краше.
„Да Максимъ мой оспою былъ болѣнъ:
„Потому то выдали за зятя
„Мы въ Млетакѣ Милошъ—воеводу
„И ему всѣ отдали подарки,
„Чтобъ невѣсту велъ онъ до Жабляка,
„Велъ безъ спора и безъ всякой ссоры.“
Эта рѣчь—ударъ ножомъ латинкѣ.
Своего коня остановила,
Не даетъ ему ступнуть и шагу
И съ укоромъ говоритъ Ивану:
„Милый свекоръ, Иво Черноевичъ!
„Погубилъ Максимово ты счастье,
„Объявивъ намъ женихомъ другого.
„Что ты сдѣлалъ? Богъ тебя пусть судитъ!
„Пусть Максимъ твой подурнѣлъ отъ
„У кого и память есть и разумъ, [оспы...
„Тотъ навѣрно поразсудитъ здраво,
„Что несчастье можетъ быть со всякимъ.
„Пусть лицо Максима почернѣло,
„Но глаза его, какъ раньше, свѣтятъ,
„Сердце тоже, что и раньше было!
„Девять лѣтъ его я ожидала,
„Ожидала и еще бы десять,
„И людей нисколько бъ не стыдилась.
„Свекоръ мой, я Богомъ заклинаю!
„Отъ Милоша отбери подарки
„И отдай ихъ жениху Максиму,
„Или я не сдѣлаю и шагу,
„Если бъ даже ты мнѣ вырвалъ очи.“
Огорчился Черноевичъ Иво,
Воеводъ къ себѣ созвалъ и сватовъ:
„Дорогіе братья—воеводы!
„Вы меня и Милоша судите:
„Какъ намъ быть съ подарками невѣсты?“
Всѣ безмолвны: нѣтъ судьи, юнака,
Кто сказалъ бы всю святую правду,
Что не должно Милошу дѣлиться
Тѣмъ, что дожъ ему дарилъ, какъ зятю;
А напротивъ,—долженъ Черноевичъ
Одарить Милоша воеводу.
Не могла совѣта дать дружина,
Хоть слыхали всѣ объ уговорѣ,
Что съ Милошемъ дѣлалъ Черноевичъ.
Подъѣзжаетъ воевода Милошъ
Къ той толпѣ и говоритъ Ивану:
„Черноевичъ Иво, нашъ хозяинъ!
„Гдѣ же слово? Ты кривишь душою!
„Вѣдь съ тобой мы сами положили,
„Что подарки всѣ моими будутъ,
„Что дѣлить не буду я подарки.
„Если ты невѣренъ и скупишься,
„Я отдамъ тебѣ мои подарки,
„Чтобы нашей угодить дружинѣ.
„Вотъ тебѣ—возьми подарокъ первый:
„Вотъ и конь и красная невѣста,
„Хоть ее мнѣ и отецъ и братья
„Передали въ руки, какъ супругу.
„Но объ этомъ говорить не буду.
„Забирай съ конемъ сребро и злато,
„Забирай и сокола и саблю.
„Не отдамъ тебѣ лишь трехъ подарковъ:
„Не отдамъ я тестевыхъ членокъ,
„Не отдамъ тебѣ плаща въ узорахъ
„И плетеной золотой рубашки.
„Ихъ снесу я въ свой родимый городъ
„Пусть меня мои похвалятъ братья.
„Не отдамъ я этихъ трехъ подарковъ,
„Лоскуткомъ отъ нихъ не подѣлюся.“
Услыхали эти рѣчи сваты;
То же слово повторяетъ каждый:

„Честь-хвала, нашъ Милошъ воевода,
„Честь тебѣ, господское колѣно,
„Что ты всѣхъ красивѣй и статнѣе,
„И за то, что ты сговорчивъ, Милошъ."
Ту же рѣчь всѣ сваты повторяютъ.
Всѣ на этомъ гости согласились.
Лишь одна на это не согласна,
Не согласна дѣвушка латинка.
Жаль невѣстѣ дорогихъ подарковъ,
А всего же болѣе—рубашки.
Закричала дѣвушка латинка,
Стала звать къ себѣ Максима мужа.
Испугался Черноевичъ Иво,
Сталъ съ упрекомъ говорить невѣстѣ:
„Не зови, сноха, къ себѣ Максима!
„Мы его невольно оскорбили.
„А Максимъ до всякихъ ссоръ охотникъ.
„Можетъ онъ, сноха, затѣять ссору
„Межъ сватами на веселой свадьбѣ.
„Заклинаю я Христомъ и Богомъ...
„У меня въ Жаблякѣ башня денегъ,—
„Что захочешь, все ты можешь сдѣлать."
Но его не слушаетъ латинка:
Закричала, стала мужа кликать.
Разъ-другой она его позвала.
Повернулъ Максимъ коня послушать—
Что промолвитъ дѣвушка невѣста.
А невѣста говоритъ, рыдая:
„О, Максимъ! у матери одинъ ты,—
„Пусть же мать твоя бездѣтной будетъ!
„Пусть изъ копій сдѣлаютъ носилки,
„Изъ щита тебѣ на гробъ покрышку,
„Пусть Господь тебя на вѣкъ осудитъ...
„Какъ отдать дары мои другому!
„Не жалѣю я другихъ подарковъ—
„Пусть беретъ ихъ Милошъ ненавистный—
„Я жалѣю золотой рубашки...
„Я сама плела ее три года,
„А со мною три моихъ подруги,
„За работой чуть я не ослѣпла.
„Все держала у себя я въ мысляхъ,
„Что юнака цѣловать я буду
„Въ золотой рубашкѣ, мной сплетеной.
„А ее вы отдали другому.
„Но, Максимъ, послушай, что скажу я:
„Возврати сейчасъ мои подарки!
„Если ты ихъ воротить не хочешь,
„Вотъ клянуся вамъ своею вѣрой,
„Я впередъ не сдѣлаю и шага:
„Поверну коня обратно къ морю,
„Раскровавлю я у синя моря
„Все лицо—пусть кровь по каплѣ ка-
„Напишу письмо горючей кровью [плетъ,
„На листочкѣ травки шимшпляка, (*)
„Привяжу письмо къ сокольимъ крыль-
ямъ,—
„Пусть снесетъ его къ отцу мой соколъ,
„Пусть отецъ мой вашъ Жаблякъ раз-
рушитъ,
„Отомстить вамъ за мое безчестье."
Услыхалъ Максимъ невѣсты рѣчи;
Повернулъ коня онъ и съ размаху
По спинѣ коня ударилъ плетью:
На спинѣ растрескалася кожа,
По копытамъ конскимъ кровь струится;
На копья четыре конь подпрыгнулъ.
Не случилось добраго юнака,
Кто бы сердце удержалъ Максима,—
Всѣ предъ нимъ на полѣ разступились.
Громкимъ смѣхомъ разсмѣялся Милошъ:
„Слава Богу, Истинному слава!
„Отчего Максимъ коня такъ гонитъ?"
И случилась здѣсь бѣда большая.
Подскакалъ Максимъ къ Милошу быстро
И пустилъ въ него копье стальное,
Подъ челенку, между глазъ ударилъ;
На затылокъ проскочили очи.
Мертвымъ палъ съ коня несчастный
Милошъ.
Милошъ палъ, Максимъ на землю спрыг-
нулъ,
Былъ онъ жаденъ до крови горячей:
Отрубилъ главу Милошу саблей
И ее въ мѣшокъ дорожный бросилъ,
А потомъ схватилъ коня невѣсты
И съ невѣстой поскакалъ къ Жабляку.
Боже Правый, честь Тебѣ повсюду!

(*) Родъ травы.

Какъ упалъ убитымъ предводитель,
И родня его о томъ узнала,
У юнаковъ сердце разыгралось:
И юнаки начали другъ другу
Раздавать немилые подарки...
Загремѣли пушки тутъ и ружья.
Отъ свинца и пороха туманомъ,
Мглой-туманомъ все покрылось поле.
За мечи взялись потомъ юнаки.
Сыновей тутъ матери лишились,
И сестеръ одѣлось много въ трауръ,
Много женъ вдовицами осталось.

* *
*

До колѣнъ стоитъ юнацкой крови.
По крови юнакъ какой то ходитъ,
А юнакъ тотъ Иво Черноевичъ.
По крови онъ ходитъ, Бога молитъ:
„Боже, вѣтеръ Ты пошли съ планины:
„Пусть разсѣетъ онъ туманъ проклятый,
„Чтобы можно разглядѣть мнѣ было,
„Кто убитъ и кто въ живыхъ остался."
И послалъ Господь съ планины вѣтеръ,
Разогналъ онъ мглу сѣдую съ поля.
Обозрѣлъ Иванъ и долъ и горы;
Всюду виденъ слѣдъ кровавой битвы:
Лошадей, людей повсюду трупы,
Стонъ и корчи раненыхъ юнаковъ.
Ходитъ полемъ Черноевичъ Иво,
Разглядая пристально убитыхъ,
Ихъ тѣла ворочаетъ и главы,—
Ищетъ Иво дорогого сына.
Но найти не можетъ онъ Максима.
Онъ нашелъ племянника Ивана:
Тотъ Иванъ былъ деверемъ невѣсты
И въ Жаблякѣ утромъ въ день похода
Разсказалъ недобрый сонъ Ивану.
Черноевичъ не узналъ Ивана
И совсѣмъ было прошолъ ужъ мимо.
Но Иванъ узналъ родного дядю:
„О мой дядя, Черноевичъ Иво!
„Что сегодня такъ ты загордился?
„Иль невѣсткой, или же сватами,
„Иль подаркомъ дорогимъ отъ друга?
„Что же ты племянника не спросишь,
„Хорошо ль отъ ранъ ему горючихъ?"
Черноевичъ увидалъ Ивана,
Изъ крови извлекъ его немного
И промолвилъ, проливая слезы:
„Капитанъ Иванъ, племянникъ милый!
„Можетъ быть ты раненъ небпасно?
„Мы тебя въ Жаблякъ сейчасъ отправимъ
„И поищемъ лѣкаря за моремъ."
Говоритъ Иванъ ему на это:
„Ахъ, оставь ты, дядя Черноевичъ!
„Гдѣ жъ глаза твои? Иль ты не видишь,—
„Этихъ ранъ никто ужъ не излѣчитъ:
„Лѣвую мнѣ ногу изломали
„Или на двѣ или на три части,
„До плеча отсѣчена десница,
„Даже къ сердцу прикасалась сабля,
„И изъ груди же выпала печенка."
Черноевичъ спрашивалъ Ивана:
„Говорить пока еще ты можешь,
„Разскажи мнѣ про Максима сына:
„Гдѣ погибъ онъ? Гдѣ теперь невѣста?
„Ты, какъ деверь, велъ коня невѣсты
„И объ этомъ мнѣ навѣрно скажешь."
—„Успокойся, Черноевичъ Иво!
„Не погибъ Максимъ твой въ этой сѣчѣ:
„Какъ убилъ онъ Милоша, за поводъ
„У меня схватилъ коня невѣсты
„И съ невѣстой поскакалъ къ Жабляку."
Такъ сказалъ онъ и съ душой разстался.
Бросилъ Иво бѣднаго Ивана
И поѣхалъ къ своему Жабляку.
Подъѣзжаетъ къ городскимъ воротамъ.
У воротъ копье воткнуто въ землю,
За копье жъ юнацкій конь привязанъ,
Ѣстъ овесъ онъ изъ дорожной сумки.
Предъ конемъ сидитъ Максимъ и пишетъ
Къ тестю дожу; рядомъ съ нимъ невѣста.
Съ почтальономъ шлетъ письмо онъ къ дожу:
„О мой тесть, Млетака дожъ! Послушай,
„Собирай войска съ земли латинской,
„Разори Жаблякъ до основанья,
„Уведи къ себѣ обратно дочку,—

„Не была она ничьей женою:
„Какъ была, осталась непорочной.
„Не могу я больше здѣсь остаться:
„Ухожу я, дожъ, въ другую землю,
„Ухожу въ Стамбулъ къ царю султану
„И хочу въ Стамбулѣ потурчиться."

* * *

Какъ та вѣсть по всюду разнеслася,
И ее Обреновичъ услышалъ,
(Братъ родной убитаго Милоша),
Сталъ онъ думать и одно придумалъ:
Осѣдлалъ коня сѣдломъ богатымъ,
Осѣдлалъ покрѣпче, сѣлъ на лошадь
И прощался со своей роднею:
„Отправляюсь также я къ султану.
„Защитить хочу своихъ я братьевъ,
„Всѣхъ, кто будетъ жить въ родимомъ краѣ.
„Убѣжалъ Максимъ въ Стамбулъ къ султану,
„Чтобы мстить намъ за свое безчестье.
„У султана выпроситъ онъ войско,
„Чтобы пашу всю разрушить землю.
„Вотъ клянуся вамъ, родные братья!
„Богъ покуда мнѣ пошлетъ здоровье,
„И покуда буду я въ Стамбулѣ,
„Ничего не бойтесь: не удастся
„Край родной нашъ разорить Максиму.
„Врагъ онъ вашъ, его врагомъ я буду."
Такъ сказалъ онъ и въ Стамбулъ поѣхалъ.
На пути онъ встрѣтился съ Максимомъ,
И они пришли къ султану вмѣстѣ.
Царь ужъ зналъ—кто это и откуда,
Потурчилъ тотчасъ же ихъ обоихъ
И назвалъ обоихъ по-турецки:
Мамутъ-бегъ Обреновича назвалъ,
Скендеръ-бегомъ называлъ Максима.
Девять лѣтъ они султану служатъ.
Далъ имъ царь за то по девять леповъ, (*)
Разрѣшилъ султанъ носить имъ туги,(**)
Сдѣлалъ ихъ визирями безъ смѣны
Надъ двумя своими областями:
Мамутъ—бегу далъ Дукатинъ ровный,
Гдѣ родится бѣлая пшеница,
Нѣтъ земли на свѣтѣ этой краше;
А Ивана сыну—Скендеръ бегу
Далъ визирство въ Скардѣ на Боянѣ.
Ничего тамъ нѣтъ, найти лишь можно
Только жабъ да буйволовъ рогатыхъ,
Да еще лѣкарственныя травы.
Какъ тогда, такъ и теперь не могутъ
Два врага заклятыхъ примириться—
Скандеръ-бегъ и Мамутъ-бегъ: донынѣ
Усмирить своей не могутъ крови
И, враждуя межъ собой, рѣкою
Кровь людей невинныхъ проливаютъ.

(*) Земля, отданная во владѣніе.
(**) Конскій хвостъ—знакъ отличія.

57. Московскіе подарки и турецкіе отдарки.

Четки письма землю проходили,
Проходили города и села;
Ко Стамбулу письма доходили
Къ Муезиму, властелину турокъ.
Изъ Москвы тѣ письма приходили
И при нихъ господскіе подарки.
Муезиму—блюдо золотое,
А на немъ мечеть изъ чиста злата,
Вкругъ мечети змѣй кольцомъ обвился;
Въ головѣ у змѣя чудный камень,
При которомъ видно темной ночью
Какъ и днемъ,—какъ будто солнце свѣтитъ.
Ибрагиму, Муезима сыну,
Присылалъ московскій царь двѣ сабли:
Золотой шнурокъ при каждой саблѣ,
На шнуркѣ же драгоцѣнный камень;
А женѣ любимѣйшей султана
Царь прислалъ въ подарокъ колыбельку:
Вся изъ злата, а надъ нею соколъ.
Получилъ московскіе подарки,
Получилъ султанъ и сталъ тревоженъ:
Чѣмъ ему достойно отдариться?
Ничего султанъ не могъ придумать.
Кто придетъ къ султану, онъ покажетъ
Отъ царя московскаго подарки
Да и спроситъ: чѣмъ бы отдариться?

Вотъ паша приходитъ Соколовичъ;
Показалъ султанъ ему подарки.
А за нимъ идутъ ходжи и кадій. (*)
До земли султану поклонились,
Облобзали руку и колѣно.
Показалъ и имъ султанъ подарки
Изъ земли московской, да и молвитъ:
„Вѣрны слуги, вы совѣтъ мнѣ дайте—
„Что послать въ Москву, чтобъ отдарить-
„Что послать за царскіе подарки?“ [ся?
Такъ ходжи и кадій отвѣчали:
„Господинъ, владыка нашъ! Не можемъ
„Никакого дать тебѣ совѣта.
„Позови ты старца патріарха:
„Патріархъ тебѣ навѣрно скажетъ,
„Чѣмъ тебѣ достойно отдариться
„Государю славному Московьи.“
Какъ султанъ услышалъ эти рѣчи,
Онъ послалъ гонца за патріархомъ.
Вотъ приходитъ патріархъ къ султану.
Показалъ ему султанъ подарки
И совѣта проситъ у владыки:
„Ты слуга мой, старецъ! Дай совѣтъ мнѣ:
„За подарки чѣмъ мнѣ отдариться?“
Патріархъ султану отвѣчаетъ:
„Царь—султанъ, сіяющее солнце!
„Кто дерзнетъ учить твою премудрость?
„Въ простотѣ позволь сказать мнѣ слово...
„Ты имѣешь вещи для подарка;
„Для тебя тѣ вещи безполезны,
„А въ Москвѣ ихъ съ радостію примутъ...
„Ты пошли Немани Савы посохъ,
„Константина царскую корону,
„Одѣянье свѣтлое Предтечи,
„Да съ крестами Лазарево знамя.
„Эти вещи вѣдь тебѣ не нужны,
„А въ Москвѣ ихъ съ радостію примутъ.“
Услыхалъ султанъ совѣтъ владыки,
Принести велѣлъ всѣ эти вещи
Да и отдалъ ихъ посламъ московскимъ.
Провожаетъ патріархъ въ дорогу
Изъ Москвы пословъ и говоритъ имъ:
„Съ Богомъ въ путь, московскіе герои!
„Не идите лишь большой дорогой,
„А идите лѣсомъ да горою:
„Муезинъ султанъ пошлетъ погоню
„Вслѣдъ за вами, чтобъ отнять подарки.
„А свою ужъ голову сгубилъ я:
„Пусть погибнетъ тѣло въ лютой мукѣ,—
„Лишь душа бъ моя отъ мукъ спаслася.“
И къ себѣ домой вернулся старецъ.
Былъ султанъ доволенъ, что нашлися
Для Москвы пригодные подарки,
И онъ этимъ хвалится предъ всякимъ.
Вотъ пришелъ къ султану Соколовичъ.
Муезинъ пашу и вопрошаетъ:
„Знаешь ты, паша, слуга мой вѣрный,
„Чѣмъ царю Москвы я отдарился?
„Я послалъ Немани Савы посохъ,
„Константина царскую корону,
„Одѣянье свѣтлое Предтечи
„Да съ крестами Лазарево знамя.
„Эти вещи мнѣ совсѣмъ не нужны,
„А въ Москвѣ ихъ съ радостію примутъ.“
Тутъ спросилъ султана Соколовичъ:
„Царь-султанъ, сіяющее солнце!
„Кто жъ тебѣ такіе далъ совѣты?“
Муезинъ на это отвѣчаетъ:
„Далъ совѣтъ мнѣ патріархъ владыка.“
Говоритъ султану Соколовичъ:
„Царь султанъ, сіяющее солнце!
„Если эти ты послалъ подарки,
„Чтожъ ключи ты не послалъ Стамбула?
„Ты на срамъ себѣ отдашь ихъ послѣ.
„Что отдалъ ты, тѣмъ держалось царство.“
Какъ султанъ услышалъ эти рѣчи,
Говоритъ: „Паша, слуга мой вѣрный!
„Собирай скорѣе янычаровъ,
„Догоняй гонцовъ земли московской,
„Отними у нихъ мои подарки;
„А гонцовъ пусть сгубятъ янычары.“
И паша послушался султана:
Собиралъ онъ янычаръ поспѣшно
И пошелъ дорогою большою,
Чтобъ отнять султанскіе подарки.

(*) Ходжи—путешественникъ ко гробу Магомета; сербы называютъ этимъ именемъ турецкое духовенство. Кадій—судья.

Но нигдѣ гонцовъ не повстрѣчали.
И ни съ чѣмъ вернулся Соколовичъ
И поклялся предъ царемъ султаномъ,
Что не встрѣтилъ онъ гонцовъ московских.
Говорилъ султанъ: „Слуга мой вѣрный!
„Погуби ты старца патріарха.“
Соколовичъ слушался султана:
Захватилъ онъ старца-патріарха
И убить своей рукою хочетъ.
Говоритъ старикъ; „Постой, послушай!
„Если ты, паша, меня погубишь
„На землѣ, то засуха три года
„Надо всею простоитъ землею.“
Взялъ паша владыку патріарха
И повелъ его на берегъ моря:
Хочетъ въ морѣ утопить онъ старца.
Говоритъ старикъ: „Паша, послушай!
„Не губи меня и въ синемъ морѣ:
„Если въ морѣ ты меня утопишь,
„Будутъ бури бушевать три года
„Въ синемъ морѣ, рѣчкахъ и озерахъ,—
„Всѣ потопятъ корабли и лодки,
„Вся земля покроется водою.“
Обмануть пашу хотѣлъ владыка,
Но въ обманъ не дался Соколовичъ:
Вынулъ саблю, и ударилъ старца,
Погубилъ владыку патріарха.
Упокой Господь въ раю владыку!
Дай намъ, Боже, здравья и веселья!

Примѣчаніе. Во всемъ нашемъ народѣ, говоритъ Караджичъ, господствуетъ убѣжденіе, что эти драгоцѣнности и священные предметы были у турокъ, но потомъ отнесены въ Россію. Въ другой пѣснѣ разсказывается, что царица «Елисавка» (Императрица Елисавета) писала письмо царю Султану — Сулейману, что у него хранится ея «очевина,» ея наслѣдіе: золотая корона царя Симеона, одежда святого Іоанна Крестителя, крестовое знамя царя Константина, золотой посохъ святого Савы, сабля царя Стефана и икона отца Димитрія.» Царица требовала возвратить ей ея наслѣдье, а вмѣсто того, въ видѣ обратнаго дара, отдарковъ,—предлагала ему миръ на тридцать лѣтъ, пшеницы для продовольствія войска на девять лѣтъ и сверхъ того отлить изъ золота мечеть «Если же не дашь моего отчаго наслѣдія,» писала Елисавка: «то собирай войско, царь Сулейманъ, собирай войско и иди на Кіево (пѣвецъ считаетъ Кіево полемъ, въ родѣ Косова поля); въ богатырской битвѣ мы подѣлимъ землю саблями: я или возвращу свое наслѣдье, или отпоишу свою московскую саблю. Учтиво и со смиреніемъ отвѣчалъ ей султанъ, что ея отчина не у него, но въ Крыму, у царя Татарана. Елисавка предлагала Татарану возвратить ей ея наслѣдье на тѣхъ же условіяхъ, какія предлагала султану. Но Татаранъ отвѣчалъ ей грубымъ и рѣзкимъ отказомъ; причемъ пригрозилъ, что онъ съ войскомъ «Петриборъ» (Петербургъ) сравняетъ съ землею, сыновей и дочерей ея возметъ въ рабство и т. д. Но Елисавка съ своимъ войскомъ завладѣла Крымомъ и возвратила свое наслѣдье.

---

58. Походъ Турокъ на Вѣну.

Царь Отманинъ собираетъ войско
Отъ истока Шая, Саградина,
Цареграда и отъ Учджевара;
Отъ горы святой татаръ сбираетъ,
А отъ моря синя—арнаутовъ;
Босняковъ собралъ, герцоговинцевъ—
И пошелъ на кесаря подъ Вѣну.
Какъ дошелъ онъ до студеной Дравы,
Далъ султанъ на Дравѣ отдыхъ войску,
Восемь дней стоялъ онъ: отдыхали
Въ это время кони и юнаки,
Настилали турки мостъ чрезъ Драву
Да возили черезъ рѣку пушки.
Поднимался Отманинъ отъ Дравы
И ударилъ на нѣмецкій лагерь;
Захватилъ весь лагерь, но добычи
И на грошъ онъ не нашелъ у нѣмцевъ.
Вотъ идетъ султанъ войной на Вѣну.
Съ четырехъ сторонъ тамъ укрѣпленья:
На одной стоятъ литыя пушки,
На другой стоитъ съ оружьемъ войско,
А на третьей сторонѣ—подкопы,
На четвертой—бомбы и мортиры.
Грозно смотрятъ Вѣны укрѣпленья!
Было ведро ясное надъ Вѣной,
А потомъ нашла какъ будто туча.
Говоритъ изъ тучи чей-то голосъ:
„Ты не бойся, Вѣна, городъ твердый!
„Не страшися, кесарь, грозныхъ турокъ!
„Скоро праздникъ Матери Господней,
„Съ трехъ сторонъ пошлю тогда вамъ помощь:
„Съ облаковъ польется дождь рѣкою
„И подмочитъ весь обозъ турецкій;

„Три царя придутъ къ тебѣ на помощь,
„Разобьютъ подъ Вѣной войско турокъ
„И возмутъ себѣ султана пушки."
Пишетъ письма Кесаря супруга
И въ Москву тѣ письма посылаетъ:
„Мой пріятель, славный краль Московскій!
„Если хочешь оженить ты сына
„На моей на кесаревой дочкѣ,
„То пришли къ намъ сына Михаила:
„Пусть подъ Вѣной разобьетъ онъ турокъ.
„Обложилъ султанъ войсками Вѣну,—
„Половиной города владѣетъ
„До Ружѝцы и Маріи церкви.
„Ужъ муллы сзываютъ правовѣрныхъ
„Съ колоколенъ, будто съ минаретовъ.
„Тяжело пришлося намъ отъ турокъ:
„Гдѣ стоятъ лютые арнауты,
„Безпрестанно пушки тамъ грохочутъ;
„Анатольцы—конница лихая;
„Какъ стѣна—недвижны румелійцы;
„Гдѣ жъ спахіи—турки нападаютъ,
„Тамъ и ночью схватки происходятъ."
Получилъ письмо король московскій,
Получилъ письмо онъ и читаетъ.
Вопрошаетъ Михаилъ: „Отецъ мой!
„Кто прислалъ письмо намъ и откуда?"
Краль московскій сыну отвѣчаетъ:
„Михаилъ мой, чадо дорогое!
„Шлетъ письмо намъ кесаря супруга,
„Другъ давнишній мой, твоя же теща,
„Пишетъ: «Если повѣнчать ты хочешь
„«Михаила съ кесаревой дочкой,
„«То немедля собери ты войско
„«И разбей подъ Вѣной Отманина.»"
Отвѣчаетъ Михаилъ: „Отецъ мой,
„Краль московскій! Я хочу жениться
„На невѣстѣ вѣры христіанской:
„Пусть поститься согласится кесарь,
„Пусть поститъ онъ и пятокъ и среду,
„Да въ посты—въ году четыре раза;
„Разобью тогда я Отманина;
„Защищу отъ турокъ кесаревну."
Какъ услышалъ это кесарь въ Вѣнѣ,
Согласился онъ въ посты поститься,
Соблюдать и пятницу и среду.
Королевичъ собираетъ войско;
Онъ собралъ ужъ триста тысячъ войска,
Но ему все кажется, что мало:
Онъ идетъ съ войсками въ землю леховъ,
Собираетъ леховъ и поляковъ.
Какъ дошелъ до Якубовой церкви,
Тутъ немного отдохнулъ онъ съ войскомъ,
Причастилъ войска и ихъ устроилъ,
Въ церкви взялъ священныя хоругви:
На хоругви каждой—крестъ изъ злата,
А въ крестахъ тѣхъ камни дорогіе;
Свѣтятъ войску дорогіе камни
Темной ночью, будто солнце въ небѣ.
Вотъ и къ Вѣнѣ Михаилъ подходитъ.
Ночь стояла темная, вдругъ ярко
Засіяли берега Дуная.
Это видятъ аги и визири
И султану радостно доносятъ:
„Господинъ нашъ, славный царь Отманинъ!
„Слава Богу, слава Магомету!
„Въ небѣ солнце съ запада восходитъ!
„Это значитъ—потурчимъ мы Вѣну,
„Всей землей невѣрныхъ овладѣемъ.
„Самаго же кесаря погубимъ
„И казну его себѣ добудемъ."
Поглядѣлъ на западъ царь Отманинъ
И ударилъ въ грудь себя рукою:
„Полно грезить, аги и визири!
„Это солнце намъ бѣду приноситъ...
„Это помощь къ кесарю подходитъ!
„Мы ее увидимъ завтра утромъ:
„То блестятъ московскія знамена.
„Три раза я бился съ москвичами,
„И три раза я бѣжалъ предъ ними;
„Но и раза гнать ихъ не случалось."
Часъ-другой прошолъ, и Королевичъ
Былъ ужъ съ войскомъ у Ружицы-церкви.
А какъ утро засіяло, вѣстникъ
Объявляетъ христіанской рати:
„Не берите ружья вы и пушки,
„А возьмите ваши остры сабли,

„Нападайте на турецкій лагерь.“
Правый Боже, честь Тебѣ и слава!
Сшиблись храбро сильныя два войска:
Предъ турецкой ратью царь Отманинъ,
Михаилъ—предъ христіанской ратью.
Закричали вѣстники и рати,
Зазвенѣли бубны и литавры,
Понеслися конница-татары,
Вся земля подъ Вѣной задрожала.
Побѣжалъ разбитый царь Отманинъ
На низовья тихаго Дуная.
Онъ бѣжитъ и молвитъ озираясь:
„Городъ Вѣна, что сурово смотришь?
„Что хотѣлъ ты, то со мной и сдѣлалъ!
„Лишь одну твою стѣну разбилъ я,
„Но за это заплатилъ сторицей:
„Здѣсь оружья столько я покинулъ
„Убѣгая съ войскомъ, что построить
„Можно стѣны изъ него... А сколько
„Оставляю серебра и злата!...
„Рамазаномъ я клянусь и вѣрой,
„Что, покуда солнце есть и мѣсяцъ,
„Не пойду войною я на Вѣну.“

Примѣчаніе. По всей вѣроятности имѣется въ виду походъ турокъ на Вѣну въ 1683 году; но избавителемъ Вѣны вмѣсто польскаго короля Яна Собѣскаго выведенъ русскій королевичъ Михаилъ, личность не существовавшая.

---

59. Походъ босняковъ на Москву.

Пролетали черные два врана
Отъ Озіи (*), изъ земли московской;
До плеча у нихъ кровавы крылья,
До очей у нихъ кровавы клювы.
Три-четыре края пролетали
Отъ Озіи черные два врана:
Каровлашскій и Каробогданскій,
Скандерію и Урменлію;
Пролетали и Герцоговину,
Долетали до ровна Загорья.
Два и три часа ужъ въ небѣ вьются,
Не садятся ни на чью на крышу
Отдохнуть отъ долгаго полета;
А на дворъ паши Бечира сѣли.
Только сѣли, стали громко каркать,
Распустили крылья; выпадало
Изъ крыла перо одно; и вѣтромъ
Занесло его къ паши супругѣ.
Видя то недоброе предвѣстье,
На широкій дворъ она выходитъ
И обводитъ взглядомъ дворъ широкій;
Увидала вороновъ на крышѣ,
Говоритъ имъ: „Побратимы—враны!
„Вы сегодня въ страшномъ украшеньи:
„До плеча у васъ кровавы крылья,
„До очей кровавы ваши клювы...
„Чьей вы крови напились досыта?
„Вы сюда откуда прилетѣли?
„Можетъ быть, летите отъ окрайны—
„Отъ Озіи, изъ земли московской?
„Вы видали рать большую турокъ?
„Вы видали тамъ пашу Бечира
„И Бечира брата—Хасанъ-бега
„И Османа, милаго мнѣ сына,
„Съ ними прочихъ воеводъ турецкихъ?
„Ржутъ ли кони борзые юнаковъ,
„И надъ войскомъ вѣютъ ли знамена?
„Храбры ль турки, какъ лютые волки?
„Мужъ мой Бечиръ—сераскиръ (*)
предъ войскомъ?
„Перешло ли войско черезъ горы?
„Много ль въ плѣнъ невѣрныхъ турки
взяли?
„Много ль мужу досталося плѣнныхъ,
„А рабынь съ нимъ много ль христіан-
скихъ?
„Громко ль стонутъ плѣнные въ оковахъ?
„А рабыни пляшутъ передъ мужемъ?
„Для меня что мужъ мой припасаетъ?
„Приведетъ ли мнѣ рабынь московскихъ,
„Чтобъ онѣ мнѣ вѣрно послужили?
„Ужъ добычу турки подѣлили
„И супругу дали часть получше?
„Ужъ домой идетъ паша обратно?

(*) Озія—какой то русскій городъ: Азовъ или Очаковъ.

(*) Сераскиръ—полководецъ.

„А вернется, какъ его мнѣ встрѣтить?“
Отвѣчаютъ черные два врана:
„Посестрима, Бечира супруга!
„Разсказать мы рады о хорошемъ,
„Да его пришлось намъ видѣть мало:
„Все, что видѣть намъ пришлось, разскажемъ.
„Мы недавно подъ Озіей были.
„Все видали мы, о чемъ спросила.
„Были турки веселы и здравы,
„И подъ ними кони ихъ играли,
„А надъ войскомъ вѣяли знамена;
„Были турки люты, словно волки,
„И супругъ твой—сераскиръ предъ ними.
„Храбро шелъ онъ съ войскомъ черезъ горы
„И рабовъ съ собою велъ немало:
„Христіанъ онъ заковалъ въ оковы,
„Окружилъ себя рабынь толпою.
„Подъ цѣпями стонутъ христіане,
„А рабыни предъ пашею пляшутъ
„По неволѣ, будто какъ по волѣ:
„Семь рабынь паша взялъ, три рабыни
„Взялъ твой сынъ Османъ; другіе турки
„Кто по двѣ, а кто по три имѣли.“
Говоритъ жена Бечира птицамъ:
—„Побратимы, черные два врана!
„Я за вѣсть вамъ поднесу подарокъ.“
И пошла съ двора въ свою свѣтлицу.
Говорятъ ей черные два врана:
„Подожди и дальше насъ послушай.
„Захватилъ паша добра не мало,
„Не сумѣлъ лишь во-время вернуться,
„Захотѣлъ итти въ Россію дальше.
„Услыхала это королевна
„Надъ землей московской—Елисавка,
„На дорогѣ мину подкопала;
„И на мину нарвалися турки.
„Какъ огонь подъ мину подложили,
„Къ облакамъ взлетѣло войско турокъ:
„Третій день идетъ ужъ, какъ обратно
„Изъ-за облакъ турки все спадаютъ.“
Говоритъ паши супруга вранамъ:
„Горе мнѣ, о тяжкое мнѣ горе!“—
—„Мы тебѣ о горѣ не сказали,
„Но о горѣ ты услышишь дальше...
„Кто въ живыхъ изъ турокъ оставался
„И бѣжалъ, послала Елисавка
„Вслѣдъ за ними всадниковъ московскихъ—
„Шестьсотъ тысячъ латниковъ отборныхъ;
„И они догнали у Озіи
„Всѣхъ бѣжавшихъ турокъ отъ погрома,—
„Подъ Озіей всѣ они погибли:
„Здѣсь двѣнадцать визирей великихъ
„Пало въ битвѣ, съ ними восемь малыхъ
„Да боснійскихъ беговъ восемнадцать.“
Говоритъ паши супруга вранамъ:
„Горе—горе, тяжкое мнѣ горе!—
—„Мы тебѣ о горѣ не сказали,
„Но о горѣ ты сейчасъ услышишь.
„Взяли въ плѣнъ пашу живымъ и съ сыномъ,
„Съ дорогимъ твоимъ Османомъ-бегомъ,
„И въ московскій лагерь отвели ихъ.
„Тамъ съ пашею встрѣтился знакомый.
„Самъ онъ родомъ изъ Герцоговины,
„По прозванью Черноевичъ Сава;
„И не радъ паша былъ этой встрѣчѣ.
„Говорилъ такія рѣчи Сава:
„«Стой, паша, ни съ мѣста! А, проклятый!
„«Пятерыхъ моихъ сгубилъ ты братьевъ
„«Да и мнѣ принесъ немало горя:
„«Отнялъ все—и землю и имѣнье,
„«Завладѣлъ землей въ Герцоговинѣ.
„«Гдѣ земля и гдѣ мое имѣнье?
„«Гдѣ волы мои, на комъ пахалъ я?
„«Гдѣ мои дѣвались быстры кони?
„«Овцы гдѣ? вѣдь тысяча была ихъ!
„«Гдѣ пять милыхъ дорогихъ мнѣ братьевъ?
„«Ты всего лишилъ меня, проклятый!
„«Самого меня убить хотѣлъ ты,
„«Да укрылся я въ землѣ московской.»
„Тутъ паша оправдываться началъ,
„Но не слушалъ Сава оправданій:

„Отрубилъ главу съ размаху саблей.
„Тожъ хотѣлъ онъ сдѣлать и съ Османомъ.
„Но сказала Савѣ Елисавка:
„«Нѣтъ, оставь Османа, Черноевичъ!
„«Вѣдь еще онъ младъ и неразуменъ;
„«Изучить онъ можетъ наши книги.»
„Тутъ твой сынъ Османъ крещенье принялъ
„И московскимъ книгамъ сталъ учиться;
„А теперь ужъ вѣрно онъ монахомъ.“
Какъ жена паши то услыхала,
Отъ тоски она на землю пала,
Какъ упала, больше ужъ не встала.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	III.
Историческія основы сербскаго эпоса	V—XVI

I. Пѣсни миѳическія.

1. Кумъ Гречичъ Манойло	1.
2. Невѣста Лазаря Радановича	3.
3. Иванъ и лѣсной дивъ	6.
4. Братья и сестра	14.
5. Миланъ бегъ и Драгутинъ бегъ	17.
6. Муйо и Алія.	21.
7. Змѣй женихъ	23.
8. Семенъ найденышъ	28.
9. Предрагъ и Ненадъ	33.
10. Царь Константинъ и юный самоучка	38.
11. Какъ царь Стефанъ праздновалъ день своего святого	40.
12. Кто славу славитъ, тому она и поможетъ	42.

II. Косовскія пѣсни.

13. Женитьба князя Лазаря	45.
14. Построеніе Раваницы	49.
15. Какъ поссорился Милошъ съ Вукомъ	51.
16. Муратъ на Косовѣ	55.
17. Вукъ клевещетъ на Милоша	56.
18. Разговоръ Милоша съ Косанчичемъ передъ битвой	57.
19. Милошъ убиваетъ Мурата	59.
20. Царь Лазарь и царица Милица	63.
21. Гибель сербскаго царства	68.
22. Мусичъ Стефанъ	70.
23. Смерть матери Юговичей	74.
24. Косовская дѣвушка	76.
25. Обрѣтеніе головы князя Лазаря	79.

III. Марко Королевичъ.

26. Женитьба краля Вукашина	81.
27. Смерть Душана	89.
28. Урошъ и Мрлявчевичи	91.
29. Марко и вила	97.
30. Марко и Лютица Богданъ	99.
31. Сестра Лека Капитана	102.
32. Дѣвушка перехитрила Марка	115.